

литература • культура • молодёжь • время/июль 2018

ИДЕАЛЬ

16+

Герой номера
АЛИЯ ХАМЕТОВА

Новые факты из жизни ТУКАЯ
РАУЛЬ МИР-ХАЙДАРОВ

Юбилей писателя
Семья и современники о ДИАСЕ ВАЛЕЕВЕ

ЛЕТО КАЗАНСКИХ ЛИТО

Марк Зарецкий

Пугаюсь жизни, вдохновенно трушу –
И тихой смертью мрут карандаши...
Вдохну мгновенье – выдыхаю душу,
А много ли ещё во мне души?

Пожалуйста, попробуйте измерьте,
Боюсь, что опыт у неё большой,
И верую отчаянно в бессмертье
Мгновения, согретою душой.

ИДЕЛЬ

Редсовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала, главный редактор (тат.)

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор (рус.)

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Елена НОВГОРОДЦЕВА (рус.)

Заместитель главного редактора

Гелюся ЗАКИРОВА (тат.)

Редактор:

Энже БАСЫРОВА (тат.)
Галина БУЛАТОВА (рус.)

Корректор:

Ландыш ЗАГРТДИНОВА (тат.)
Ильсия ШИГАПОВА (рус.)

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Камиля ХАДИЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

Подписные индексы

На татарском языке – П2363

На русском языке – П2361

Свободная цена

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

При перепечатке ссылка на
«Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходоатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Общий тираж – 3967 экз.,

из них на тат. яз. – 2624,
на рус. яз. – 1343
Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Подписано в печать 03.07.2018

Заказ Е-1671

Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72

Уч.-издл. 8,5

16+

Фото 1 обложки – Марина Усольцева
Фото 3 обложки – Марина Усольцева

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Никита ВАСИЛЬЕВ
Без сожаления
- 6** ПОЭЗИЯ
Марк ЗАРЕЦКИЙ
Подборка стихотворений
- 8** ЛИТПРОЦЕСС
Участники ЛитО ЗАРЕЦКОГО
«Вон сколько их, влюбленных в слово...»
- 20** СРЕДА ОБРЕТЕНИЯ
Ольга ГОЛЫЖБИНА
Пойдет ли начинающий писатель в казанское ЛитО?
- 27** ГЕРОЙ НОМЕРА
Айсылу ХАФИЗОВА
Поэт Алия Хаметова: Мой первый карандаш был для рисунка
- 33** ПОЭЗИЯ
Алия ХАМЕТОВА
Подборка стихотворений
- 34** ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ
Александр ВОРОНИН
Драма диасизма
- 43** ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ
Галина БУЛАТОВА
Читая великую душу творца
- 46** ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ
Владимир ЛАВРИШКО
Диас Валеев: его дело и его место
- 52** ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ
Дина ВАЛЕЕВА, Дина ХИСАМОВА, Майя ВАЛЕЕВА
«Диас Валеев никогда не был конъюнктурщиком...»
- 54** ПРОЗА
Рустем САБИРОВ
Ловушка для мичмана Фабиана
- 61** ПРОЗА
Адель ХАИРОВ
Календарь Дарьялова
- 65** ПРОЗА
Айдар САХИБЗАДИНОВ
Магический кристалл. Отрывок. Материн гостиница
- 69** ПРОЗА
Вера АРЯМНОВА
Пёс
- 72** ПРОЗА
Рауль МИР-ХАЙДАРОВ
Неизвестные факты из жизни Габдуллы Тукая. 1911–1912 гг.

27

6

72

34

Авторы, представленные в этом номере журнала, так или иначе связаны со старейшим казанским литературным объединением при музее Горького и Шаляпина. ЛитО в 1940-х годах основали первый директор музея Мария Елизарова, прозаик, литературный критик Михаил Бубеннов и декан литературного факультета КГПИ, член Ученого совета музея Семен Никольский. В разные годы литературным объединением руководили также Лев Юдкевич, Борис Железнов, Марк Зарецкий, Виль Мустафин, Сергей Малышев, Алёна Каримова, Борис Вайнер (с осени 2017-го). Свой след в истории ЛитО оставили уже ушедшие Геннадий Паушкин, Леонид Топчий, Диас Валеев, Юрий Макаров, Иван Данилов, Геннадий Капранов, Равиль Бухараев, Рустем Кутуй, Роман Солнцев, Николай Беляев и многие другие. Более 35 лет на посту руководителя объединения оставался Марк Зарецкий, талантливый поэт и педагог, чье имя ЛитО носит с 2003 года.

Существуют в столице Татарстана и другие ЛитО: имени Гарифа Ахунова («Белая ворона»), университетский «АРС», литературное объединение имени Вилия Мустафина при музее Константина Васильева, «Златоуст», а также маленькие литературные клубы. Ответ на вопрос, почему молодые люди перестали посещать ЛитО, мы попытались дать в этом номере вместе с экспертами: поэтом и журналистом Айратом Бик-Булатовым; автором книги о казанских ЛитО Людмилой Уфимцевой; руководителями крупных литобъединений Борисом Вайнером и Наилей Ахуновой; литератором Булатом Безгодовым и руководителем литературного кафе «Калитка» Эдуардом Учаровым.

Легендарного для литературы нашего региона Марка Зарецкого не стало пятнадцать лет назад – возраст целого поколения. Героем номера стала пятнадцатилетний поэт и художник Алия Хаметова – яркий представитель «послезарецкого» поколения, продолжатель традиций «Белой вороны».

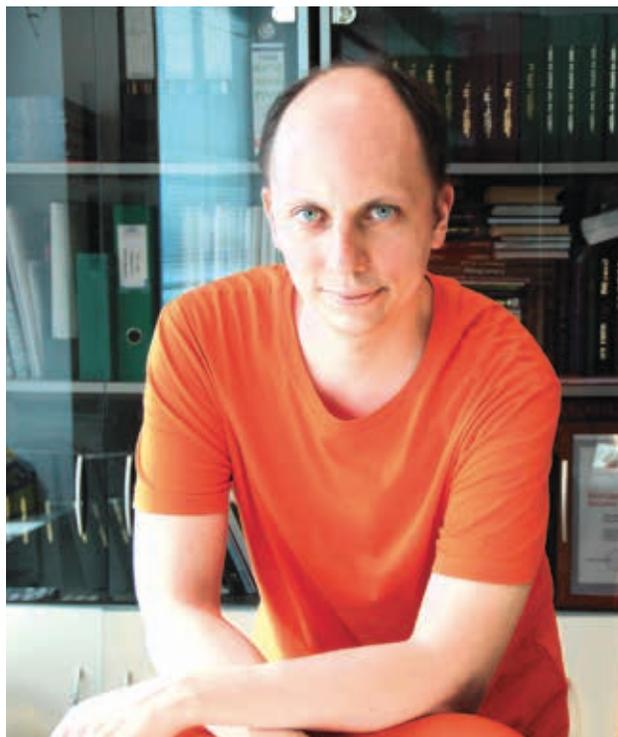
Жемчужиной июльского контента стало сенсационное, на наш взгляд, исследование аксакала отечественной литературы, нашего соплеменника Рауля Мир-Хайдарова. Новые факты из жизни «солнца татарской поэзии» Габдуллы Тукая здесь публикуются впервые.

Июльскому юбиляру Диасу Валееву мы посвятили целый блок воспоминаний современников о нем, с одним из них семья писателя вступила в острую полемику.

Мы предоставляем читателю самому разобраться в спорных вопросах, поднятых авторами этого номера, а также познакомиться с новыми книгами стихов и прозой авторов – участников литературного объединения при музее Горького и Шаляпина.

Приятного чтения!

Айсылу Хафизова

Без сожаления

Теперешнее состояние казанской поэзии на русском языке вызывает тревогу у большинства причастных к ней. Правда, число полностью замолчавших поэтов невелико, но многие авторы предпочли уехать из Казани — как правило, по внелитературным причинам. Основной проблемой, впрочем, является не эта объяснимая миграция, а длящееся уже несколько лет отсутствие заслуживающих внимания новых имен.

Родился в 1985 году в Чистополе. Окончил филологический факультет Казанского государственного университета. Работает в медиа. О себе говорит так: «Скорее персонаж казанской литературной жизни, чем кто-либо еще. Иногда выступаю как литературный критик. Уверен, что современная русская поэзия намного интересней современной русской прозы».

Чтобы понять, можно ли изменить столь печальное положение дел, необходимо проанализировать его причины. Одни из них связаны с особенностями функционирования конкретного литературного сообщества, другие — с общероссийскими и даже общемировыми тенденциями.

Прежняя ситуация на сегодняшний ностальгический взгляд может показаться идиллической, но ее развитие логично привело к нынешнему кризису. В 2000-е годы существовавшие в Казани литературные группы организовывали достаточное для поддержания среды количество событий. Удавалось и удерживать интерес публики, и привлекать внимание начинающих авторов, которые могли узнать о местном литературном процессе и включиться в него.

Но возникавшие объединения и проекты изначально не претендовали на превращение в институции. После решения конкретных задач или потери интереса со стороны участников они прекращали свое существование. Это отличало их от обычных для Казани ЛитО, которые могли существовать в анабиозе едва ли не десятилетиями. Но преимущество обернулось недостатком, как только у литературтрегеров накопилась усталость. Насколько можно судить сейчас, из различных начинаний институционализироваться удалось только созданным уже в начале 2010-х Лилией Газизовой Хлебниковскому фестивалю «Ладомир» и Фестивалю неэвклидовой поэзии имени Лобачевского. Однако двум событиям в год не под силу обеспечить сохранение поэтической среды.

Почти одновременно на интенсивность поэтической жизни Казани негативно повлияли сразу несколько факторов. К утомлению организаторов мероприятий прибавилось сокращение числа площадок для выступлений

(ощутимым ударом было закрытие на время ремонта музея Горького). Интересы некоторых авторов сместились к иным видам деятельности: показателен пример Олеси Балтусовой, ставшей в 2011 году помощником Президента Татарстана. При этом отказ от письма как такового происходил далеко не всегда, но включенность в литпроцесс неизбежно падала. Кроме того, гиперурбанизация добралась до Казани, и авторы начали перебираться в столицы: в Москву

переехали Алена Каримова и Алиса Розанова, в Петербург — Алина Евлюхина и Анна Нева (также позже уехавшая в Москву). В Набережные Челны вернулась Айгель Гайсина — до возникновения добившейся сейчас всероссийской известности группы «Ангел» было еще далеко.

Истончения среды можно было бы избежать, будь локальное литературное пространство организовано иначе. Но, несмотря на наличие известных за пределами Казани фигур, таких как Анна Русс, Денис Осокин или Алексей Остудин, в целом оно оказалось недостаточно вписано в общероссийский контекст. А заранее укрепить среду за счет развития литературной периодики и налаживания связей с университетом казанские авторы не смогли.

Из числа изданий, так или иначе взаимодействовавших с местной поэзией, ни «Идель», ни «Казань» не были собственно литературными журналами, а сугубо литературный «Казанский альманах» руководствовался слишком инерционными пристрастиями.

Инициированные же самими представителями поэтической среды в начале 2000-х журнал «Квадратное колесо» и газета «Литературный бульвар» просуществовали всего несколько лет.

Не было в Казани и взаимодействия с академией. Не чуждые поэзии преподаватели Казанского университета (к примеру, Артем Скворцов) избегали и избегают слишком тесного, на их взгляд, вовлечения в локальный литпроцесс. Между тем, чтобы оценить значение связей с университетом в

современной российской ситуации, достаточно посмотреть на историю успеха регионального поэтического проекта «Нижегородская волна»¹.

Несмотря на все удары судьбы, зияние было недолгим. Вскоре вновь начали появляться литературтрегеры (например, Эдуард Учаров). Возродились старые литературные площадки и появились новые — литературное кафе «Калитка» в Центральной библиотеке на улице Вишневского и, в какой-то мере, Центр современной культуры «Смена». Часть замолчавших было авторов возвратилась к письму. Но зон сменился: произошло, если воспользоваться геологической метафорой, сглаживание рельефа. Меньше стало и авторов, и текстов, и событий, и читателей — заменить выбывших оказалось некому.

Куда же делись те поэты и реципиенты, что не были рекрутированы в казанскую поэтическую среду из-за ее слабости? На их участии сказались далеко не только локальные, но и глобальные тренды. На последних следует остановиться подробнее, потому что они будут действовать еще достаточно продолжительное время.

Здесь следует сказать, что действующие в современной культуре механизмы вовлечения представителей младшего поколения в контекст национальной литературы не могут быть сведены к прямой передаче традиции представителями старшего. Однако вероятные альтернативные варианты в Казани не успели стать достаточно убедительными. В результате влияние новой сетевой поэзии, предполагающей игнорирование литературного канона², здесь оказалось сильнее, чем во многих других городах, где с самовоспроизводством поэтической

среды дела обстояли лучше. Неудивительно, что нашлись не только поклонники заезжих творцов, но и местные авторы, надеявшиеся добиться популярности за счет трансляции наиболее тривиальной части повседневного опыта публики. К сожалению, культурная невменяемость делает их потерянными для осмысленной литературной работы.

Помимо упомянутого выше субкультурного феномена оттоку читателей поспособствовало усложнение структуры культурного пространства Казани (как и России в целом) за последние десять и даже пять лет. В результате литературным событиям приходится конкурировать за внимание посетителей с умножившимся числом иных мероприятий. Кроме того, выросла и плотность информационного потока, предлагающего потребителям все более разнообразные варианты интертеймента. Да и сам формат поэтического вечера требует переосмысления в связи с накопившейся за 1990-е и 2000-е усталостью от подобного способа представления поэзии³.

Но развитие иных искусств и наук отвлекает не только читающих, но и пишущих. В современных условиях переход, если использовать терминологию формалистов, параллельные ряды часто не требуют слишком больших затрат. К тому же решаемые культурным деятелем задачи могут потребовать смены поля приложения усилий. Решение Айрата Бик-Булатова сконцентрироваться на журналистике и ее истории или превращение Андрея Абросимова в завязанного театрала не вызывают никакого удивления. Но это изменение предпочтений заставляет усомниться в эффективности попыток популяризировать поэзию с помощью смежных искусств, прежде

всего – театра. Оба поставленных в 2018 году по стихам казанских авторов спектакля (первый был представлен зимой в Творческой лаборатории «Угол», второй – весной в рамках театральной лаборатории «Город АРТ-подготовка») продемонстрировали бережное обращение с материалом и в этом аспекте не могут вызвать никаких нареканий. Однако польза от подобных постановок для популяризации поэзии остается под вопросом.

Если же говорить о рисках не реальных, а потенциальных, то дополнительно усложнить ситуацию могут изменения на собственно поэтическом поле. С конца 1980-х годов актуальная русская поэзия представляла собой собрание разнообразных поэтических практик, но последствия вызванного исчезновением советской власти оживления всех искусственно приторможенных ею литературных традиций не могут сказываться вечно. Постакмеизм кажется еще не исчерпавшим свои возможности до конца, но его притягательность для молодых авторов уменьшилась. Близятся к перемещению в архив и некоторые более молодые поэтические системы.

Этот процесс двояко угрожает провинциальному, в том числе и

казанскому, начинающему автору. Во-первых, растет шанс подключения к омертвевшей традиции, что ведет, по ядовитому замечанию Леонида Костюкова, к написанию «культурно бессмысленных стихотворений»⁴. Во-вторых, увеличивается вероятность не увидеть смысла в самой поэзии, разочароваться в ней и обратиться к иным занятиям.

Уже сейчас сложившаяся в столице Татарстана поэтическая среда может вызвать отторжение у начинающего автора

(как это произошло с Динарой Расулевой⁵).

В результате может получиться так, что в Казани не перестанут появляться новые поэты и новые читатели поэзии. Однако они могут предпочесть местному контексту детерриториализацию.

Собственно, частичная детерриториализация происходит уже сейчас. Для Анны Русс поэтический диалог с Федором Сваровским, а для Алексея Остудина – с Александром Кабановым важнее взаимодействия с казанскими литераторами, хотя последнее и представляет

для них определенную ценность. Вероятные же авторы будущего могут потерять к нему интерес. Тогда разговор о казанской поэзии на время лишится смысла, даже если локус будет по-прежнему влиять на тексты, создаваемые пребывающими в нем поэтами.

Не исключено, что именно такой исход наиболее вероятен. Его реальность подтверждает пример живущего в Альметьевске Виктора Боммельштейна. Этот поэт и прозаик не принимает никакого участия в литературной жизни Татарстана, потому что это ему попросту не нужно. Такое поведение – следствие избранной им достаточно радикальной стратегии, но со временем привлекательность подобной атопичности будет возрастать.

Сами по себе все недавние неудачи и мешающие тенденции не обесмысливают априори усилия по реорганизации литературной среды, но делают результат не гарантированным. Кто бы мог подумать об этом еще десятилетие назад (хотя думать об этом следовало как раз тогда)? Впрочем, по слову Проповедующего в собрании, следует «отпускать хлеб свой по водам» (Еккл. 11:1), даже если впоследствии найти его не удастся. ■

¹ См. Юлдашев Л. «Современная поэзия должна совпасть с местом». Как устроен феномен «Нижегородской волны». – «Заповедник», 05.05.2017 <<https://zapovednik.space/material/sovremennaya-poezya-dolzhna-sovpast-s-mestom>>.

² См. Вежлян Е. (Воробьева). Современная поэзия и «проблема» ее нечтения: опыт реконцептуализации. – «Новое литературное обозрение», 2017, №143 <<http://www.nlobooks.ru/node/8254>>.

³ См. «Атлантида». Передачу вела Елена Фанайлова. – «Радио Свобода», 20.08.2017 <<https://www.svoboda.org/a/28684499.html>>.

⁴ Костюков Л. Провинциализм как внутричерепное явление. – «Арион», 2009, №4 <<http://magazines.russ.ru/arion/2009/4/ko18.html>>.

⁵ Поэтесса Динара Расулева: «Мне хочется показать, что быть женщиной – не стыдно». Беседовал Радиф Кашапов. – «Инде», 29.05.2018 <<http://inde.io/article/13011-poetessa-dinara-rasuleva-mne-hochetsya-pokazat-cto-byt-zhenschinoy-ne-stydno>>.

**Марк
Зарецкий**

Музей Горького в Казани был площадкой для литературных объединений, которые имели различные названия и множество руководителей. Наиболее заметным считается ЛитО Марка Зарецкого, талантливого поэта и педагога, который руководил им более тридцати пяти лет. Его имя музейное ЛИТО носит с 2003 года. Вниманию читателя предлагаем коллективную подборку современных авторов – воспитанников этой школы. Автографы стихов М. Зарецкого – из архива Рустема Сабирова.

Марк Давидович Зарецкий родился 24 января 1937 года в Киеве. Отец был военным, семья часто переезжала – жили на юге, на Дальнем Востоке. Учился в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта. В 1960 году переехал в Казань. Выпускник истфилфака Казанского педагогического института. Работал учителем в школе для незрячих детей, с 1963 по 1992 – редактором в Таткнигоиздате. С 1967 года и до конца жизни (скончался 9 марта 2003 года) руководил литературным объединением при музее Горького. Автор двух поэтических книг «Речь» (1987) и «Азарт» (1991). Заслуженный работник культуры Татарстана. Лауреат литературной премии имени М. Горького (2003).

ДАЛАДА*

Как матери сердце, со мной
Слова поговорки чужой:
Ана кунеле – балада,
Бала кунеле – далада.

Ковыльной волною века
Тихонько уходят, пока
Тоской и надеждой разлук
Пустой наполняется звук.

Да это же душу свихнуть,
Какую щемящую суть
Сумела татарская речь
В певучее слово облечь!
Какой растолкует толмач,
Кто это уносится вскачь?!

Спасибо, гудящий вокзал,
За то, что негромко сказал:
Ана кунеле – балада,
Бала кунеле – далада.

А степь под копытом коня
Запела, джигита маня:
Ана кунеле – далада,
Бала кунеле – далада.

Выстукивают поезда,
Подмигивает звезда:
Ана кунеле – балада,
Бала кунеле – далада.

Да разве же дело в словах?
Но слово со словом сцепи:
Сердца матерей – в сыновьях,
А сердце сыновье – в степи.

И в космос глухой впопыхах,
Как в песню чужую вступи:
Сердца матерей – в сыновьях,
А сердце сыновье – в степи.

(24 января 1937 – 9 марта 2003)

Марк Зарецкий

Время

*Длиннее дни, закаты и восходы
Опять тесней сближает тьма, тем свет,
Являющее, не выходя из сна,
Батальню солнце больше зны и лб.*

*Сегодня, силы призывая зную,
Как год, и зва, и зесьте лб назад,
Наз герозом, наз пляжам, наз много –
Холодиль, равнодушный циферблат.*

16/У-76

* далада (тат.) – в степи

ТВОРЧЕСТВО

Пускай останусь без жены и крова,
Есть женщина, которая всегда,
Усталого, издёрганного, злого,
Так горячо обнять меня готова,
Что с ней любое горе не беда.

Наедине бываем очень редко,
Встречаемся обычно по ночам,
Когда уснёт сварливая соседка,
Когда чуть слышно тает сигаретка
И шар земной елозит по плечам.

Тогда, совсем забыв о свете белом,
В ночах, объятых пламенем страстей,
Рождённых нашим духом, нашим телом,
Довольны этим каторжным уделом,
Мы делаем не выродков, детей.

Уже давно я этой дурью маюсь,
Опять петух горланит за окном,
Меня от дела оторвать пытаюсь,
Нет, ребяташек принесёт не аист,
Когда так сладко бабе с мужиком.

Дурак, которому на свете легче,
К труду нечеловечьему готов,
Наверное и время не излечит,
Её люблю я с каждым годом крепче,
Она всегда любила дураков.

Есть женщина по имени Работа,
Жестокая в неистовой любви.
Ну, сколько там ещё до эшафота?
Свиданью с ней всегда мешает кто-то,
А встретимся – попробуй оторви!

*И крови, и пота пролило сполна,
Чтоб на влюблённых двадцатого века
С улыбкой глядела всё та же луна,
Луна, на которой следы человека.*

СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР

Удивился, словно
Только что постиг:
Дерево безмолвно,
Ветер безязык.

Это изначально,
Только на черта
Дереву молчанье,
Ветру немота?

Надо посудачить, –
Хочется, увы,
До чего прозрачен
Шепоток листвы!

А поврозь издревле
Маются без слов
Статика деревьев,
Динамизм ветров.

Счастья в жизни этой
Нет, хоть волком вой,
Шляется по свету
Ветер гулевой.

Замерло и прочно,
Тоже не в раю,
Дерево за почву
Держится свою.

Кто кого сильнее?
Даже искалечь,
Ветер не сумеет
Дерево увлечь.

Кто кому дороже?
Трепеща, дрожа,
Дерево не сможет
Ветер удержать.

Их свиданья – войны,
Разных две судьбы
Связаны спокойной
Музыкой борьбы.

С некоторой спесью
Всё-таки спешу
Вслушиваться в песню –
Листьевнятный шум.

Слабонервный смертный,
Слушаю в упор
Дерева и ветра
Вековечный спор.

От фатальной встречи
Их не уберечь...
Из противоречий
Возникает речь.

*Интересно, кого во имя,
Неизвестно, кому сродни,
Одурел, говоря с друзьями,
Клонит в сон от их болтовни.*

*Ну, пока не совсем дурак,
Человек живод, не могла,
Сам с собой говорит, но так,
Чтоб друзьям интересно было.*

«ВОН СКОЛЬКО ИХ, ВЛЮБЛЁННЫХ В СЛОВО...»

Открываем номер коллективной поэтической подборки современных авторов, в разное время участников литературного объединения при музее Горького и Шалапина.

Тимур Алдошин

Родился 31 марта 1961 года в Казани. Учился в Казанском авиационном институте. Работал корреспондентом в местных газетах, литературным редактором журнала «Квадратное колесо». Был активным членом ЛитО при музее Горького, а с 2002 по 2006 год руководил ЛитО «ARS» при КГУ. Автор книг стихов «Те и эти светлы», «Собака на дереве», «AMANS», а также эссе, рецензий, нескольких десятков рассказов. Лауреат литературной премии имени М. Горького. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Октябрь», «Идель», «Казанский альманах», антологии «Нестолничная литература».

«Глубоко навсегда благодарен поэту и учителю Марку Давидовичу Зарецкому, коего единственного признал за Эксперта и Наставника»

Тимур Алдошин

Утро. Собака сидит на дереве.
Это неправильно, чёрт возьми!
Чего она, спрашивается, там делает?
Жалобный взгляд говорит: «Сними!»

Лезла за кошкой, и было здорово,
вдруг провалилась в туман луна –
и вот, очнувшись, в платье разорванном,
скована с веткой, дрожит она.

Лезу, хоть сам не умею, выше всё,
дуру снимать, что сидит, скуля, –
вдруг ощущаю, как валко движется
страшным волчком подо мной земля!..

Где же собака? Сижу на дереве,
мокрые пятна коры обняв...
«Что он там, собственно, утром делает?» –
это, наверное, про меня.

Лезут спасать. Всё мокро от осени.
Вдруг просыпаюсь, как от толчка:
кто же их всех теперь снимет, Господи,
с башни летящего вкривь волчка?!

Ну вот, и я говорю о том же
под летней крышей из тёплых звёзд –
об этом длинном усатом бомже,
что ночью в наших дровах замёрз.

Он свой пузырь не допил, оставил,
хотя тянулась в снегу рука.
И, не нарушив старинных правил,
мы помянули его слегка.

Потом пришёл милицейский «газик»,
и мент ещё обложил бича,
что, мол, нарушил дежурство в праздник,
и ты сцепился с ним сгоряча.

Потом я вынес бутылку водки,
и тем исчерпан был ваш конфликт.
Потом мы в комнате, будто в лодке,
качаясь, плыли, и будто в лифт,

дрожа, валились огонёчки
дрожащей ёлки, и всё путём,
и все мы радовались отсрочке:
когда-нибудь – не теперь! – пойдём.

И были танцы, и всё такое,
и «Все там будем!» – сосед кричал,
а мне вопрос не давал покоя:
чего ж он в двери не постучал?

А постучал бы – и не открыли:
немало бродит, не он один.
И Бог с ним, в общем: его зарыли –
и нас зароят, закон един.

Ну вот, и я говорю о том же –
всё достаётся своим трудом.
С чего я вспомнил об этом бомже?
Да нет, никто не стучался в дом.

Алёна Каримова

Родилась 14 июня 1976 года Кызыл-Кия Ошской области Кыргызстана. Выпускница физфака Казанского университета. Поэт, переводчик. Член Союза писателей Татарстана, Союза российских писателей, Татарского ПЕН-центра. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность» и др. Автор книг «Другое платье», «Холодно – горячо», «Вересковая пустошь». Лауреат литературной премии им. Горького, премии Г. Державина. Руководитель ЛитО им. Марка Зарецкого при музее Горького в 2003–2017 годах.

«Марк Зарецкий – удивительный человек с живым, ярким характером, который был влюблён в литературу и помогал полюбить её и другим. Созданная стараниями Марка Зарецкого, его друзей и коллег поэтическая атмосфера ЛитО живёт и сегодня...»

Алёна Каримова

Ни одной у меня длины и ширина-то не вся:
дойдёшь по шейку и вплавь потом, а по центру – мель...
Говорит, люблю тебя, не выёживайся,
открывай, говорит, мне список своих земель.
Сколько замков там, говорит, берегов и лугов и рощ...

Так ведь всё захапал злой маркиз Карабас.
Вот стою под небом, слушаю тихий дождь,
Вспоминаю, кто один меня не предаст.
Я немышь, не кош, не чего ты хошь,
а как есть река.
Ты не хмурь бровей, засыпай скорей
на моих руках.

Как безмозглая рыба идёт на нерест,
повинуясь инстинкту, схожу с ума.
Не буди меня, календарный шелест,
пусть пребудет вечно зима-зима.
Ведь легко на уровне Эвереста
затеряться в небе под Рождество,
я люблю тебя до и после текста,
и не то, чтоб только лишь одного.
Множественно в зеркале отражаясь,
обернуться страшно, но полбеде.
Поклянись, что задумал лишь только шалость –
провожаю тогда тебя до звезды.

Алексей Остудин

Родился 27 июня 1962 года в Казани. Выпускник филфака Казанского университета, учился в Литинституте имени М. Горького, на Высших литературных курсах. Автор восьми книг стихов. Лауреат литературной премии им. Максима Горького, а также Волошинской и Григорьевской поэтических премий. Член Союза писателей Татарстана. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Урал», «Сибирские огни», «Ното Legens», «Дети Ра». ЛитО «Горизонт» при музее Горького посещал с шестнадцати лет.

«В своём ЛитО Зарецкий являлся гуру. Это было не просто скучное заорганизованное объединение, где люди сидят руки по швам, а во главе Акела. Марк никому себя не противопоставлял, находясь в то же время в центре внимания. Это было шоу одного человека. На него ходили, как ходят на Задорнова. Знал кучу баек, литературных анекдотов... Тогда он был зубастый, никакого соглашательства не допускал, плохие стихи хорошими ни за что не назовёт. Его часто спрашивали: Марк Давидович, зачем так строго с молодыми? А он отвечал: лучшие сначала как следует дать по рукам, а если намерение писать серьёзное, человек всё равно потом придёт. Если же всерьёз обиделся, слава богу, значит, случайный человек...»

Алексей Остудин

ЮНОСТЬ

Всё ясно, если первый встречный принцессу взял за полцены – сим-сим, не дьоти фри, конечно, но держат те же пацаны.

А мне пора компот из вишни, «нарзан» на пике склона лет: на циферблате третий лишний – секундной стрелки тоже нет.

А было, в поле – сплошь татарник, грозы нечаянной компресс, и дышишь, как сквозь накомарник, входя в густой и жирный лес.

Грибов и ягод запах винный, далёкий топот, как извне, и, вдруг, забрызганная глиной, меня догонишь на коне,

тебе, в шестнадцать – всюду место, доверчиво прильнёшь к плечу, конечно, чья-нибудь невеста – но я такую же хочу!

МАРГИНАЛ

Страшно одному в кусачем свитере на планете двоечником чалиться, прочитал в потрёпанном Майн Ридере, что реклама в снах моих встречается,

заполняет щели в подсознании, войлочные боты в луже грёбаной, будущее копится заранее – чувствую оставшимися рёбрами.

Не спешит машина санитарная, кончились в коробочке солдатики, все твои узоры папиллярные – отпечаток лопнувшей Галактики.

В зеркале опять ужимки дембеля – что ещё скрывает эта лужица? Может, наломать перпетуум мебели, или вообще не стоит тужиться?

Сорок виноватт напитка доброго – чем полней стакан, тем интереснее, баянисту выпить любо-дорого, обниматься с ветром – не профессия.

День за днём, теперь какая разница – оптом утекают или в розницу, новое кино в стакане блазнится – Александров это или Козинцев?

Лилия Газизова

Родилась в Казани 6 июня 1972 года. Поэт, переводчик, эссеист. Автор 13 книг поэзии, изданных в России и Европе. Переводит татарскую и турецкую поэзию на русский язык. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Арион», «Интерпоэзия» и зарубежных антологиях. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе им. Г.Державина и А.Ахматовой. Организатор Международного поэтического фестиваля имени Н.Лобачевского и Международного Хлебниковского фестиваля ЛАДОМИР. Ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк).

«Более тридцати лет он руководил литературным объединением при музее А.М. Горького, и это было, пожалуй, единственное место в Казани, куда любой мог прийти и получить настоящую оценку своим стихам, будь то школьник, домохозяйка или профессиональный поэт. Вот они и шли к Марку Зарецкому в надежде хотя бы однажды услышать его похвалу. Немногие её дождались, немногие стали поэтами, но Поэзия навсегда вошла в жизнь тех, кто хотя бы однажды имел счастье общаться с этим удивительным человеком».

Лилия Газизова

В Линданисе
Есть камень-лицо.
Он лежит на пустынном газоне.
У него мешки под глазами
И улыбается рот.

Кем он брошен здесь?
От какой скалы-матери
Отколотся?
О, камень-репатриант!

Как странно вдруг
Прийти в волнение
От камня,
Мимо которого
Я даже
Не проходила.

Один человек
Прислал мне
Его фотографию.

Дожди идут, как пленные солдаты,
Не в ногу, спотыкаясь и вразброд.
А я пока не чувствую утраты.
Неверие мне силы придаёт.

Дожди идут, взбивая пену в лужах
Своею нескончаемой тоской.
И мне должно от этого быть хуже,
Но жизнь течёт сонливою рекой.

И через год, не веря, не проверив,
Гляжу на ненадёжный водоём.
...Но за тобою не закрылись двери
Во сне. Мы там ещё вдвоём.

Наиль Шмухаметов

Родился 19 ноября 1964 года в Магнитогорске. Окончил Магнитогорский горно-металлургический институт по специальности инженер-электрик. В 1994 году переехал в Казань. Член Союза писателей Татарстана. Автор поэтического сборника «В поисках Неба». Лауреат премий имени Марка Зарецкого, имени Сергея Малышева, имени Сажида Сулеймановой, всероссийской литературной премии «Родная речь». Публиковался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Дети Ра», «Аврора» и др. Стихи переводились на татарский и украинский языки. Посещал ЛитО при музее Горького с 2003 по 2014 год.

Посол суверенного рая,
Пророк в суеверном аду,
О чём ты щебечешь, сгорая
В чужбинном геенском саду?

В какие оглохшие уши
Вливаешь, как в прорву, нектар?
Горохом стены не разрушишь,
Совочком не вспашешь гектар.

Божественной жертвенной трели
Нельзя ни купить, ни украсть –
Молчанья златым ожерельем
Болтливое горло укрась!

И будем безмолвьем богаты,
Беременны всклень тишиной...
Стихов наведённые гати
Не выдюжат ноши иной,

Чем ржавая дудочка Божья.
Не знаю другого пути –
Асфальтовым ложнодорожьем
К себе никогда не прийти.

Когда жена обнажена,
Как миллионы Вер и Варь,
Когда любви полна луна,
Отставь Квятковского словарь,

Отложь усталый карандаш,
Погладь жену с любой руки,
Как миллионы Маш и Даш
Утюжат ихни мужики,

Дождись, тестируя кровать,
Когда взорвёт мозги звонок...
И возвращайся воспевать,
Как ты безмерно одинок.

Филипп Тираев

Родился в Тбилиси 21 июня 1965 года. С 1993 года живёт в Казани. Поэт, прозаик, переводчик, художник. Автор книги стихов «Угол взлёта». Публиковался в журналах «День и ночь», «Новая реальность», «Идель», «Графит», антологии «День поэзии XXI век. 2015/2016» и др. Автор перевода гимна Татарстана на русский язык. Посещал ЛитО при Виле Мустафине и Алёне Каримовой.

Поскольку истина одна,
но правд неисправимо много –
не наша, в общем-то, вина,
что мы четверговали Бога,
что разменяли красоту
на манифесты и каноны,
по эту сторону и ту
подняв потешные знамёна.

Не мы, а правды ходят в бой,
производя себя в кумиры,
оставив нам, борясь с судьбой,
жить в этом лучшем из размирий,
где сто веков огонь и дым,
зато всегда найдётся дело
и проходимцам, и святым,
и красным армиям, и белым;

где прав и врач, и костолом,
и мазохист, считая лишней
границу меж добром и злом...
и даже ты, когда твердишь мне,
помимо прочей чепухи,
что большей блажи нет на свете,
чем без конца кропать стихи,
в то время как семья и дети...

А я спокоен, как ландшафт –
пишу себе, стараясь высечь
из кремня слов одну из правд,
важнейшую из сотен тысяч.
А там – пусть, истиной не став,
сгорит она, как все, впусую.
Я существую, значит, прав.
Я прав, а значит, существую.

Чахла Звезда, и закаты стекали пригорками
в жадную топь уходивших в ремарки времён.
Сколько возвышено споров ночами прогорклыми,
как упивался заморской гитарой миньон!

Хлопали съезды, и туфли сверхпланово хлюпали,
и уезжали любимые, души заклад.
Как ни мудри, а себе не казались мы глупыми,
в сумрак сторожки ныряя, как в личный анклав.

Но назревали бои. И, наверно уж, мудрыми
стали б мечи наши, знай мы средь прочих вещей,
как отлучённо придётся рыдать на заутрене,
где на амвоне, под рясой, – всё тот же Кощей.

Борис Вайнер

Родился 25 января 1948 года на острове Итуруп (Курилы). Детство провёл в Бугульме. В 1960 году переехал в Казань, окончил филфак Казанского педагогического института. Работал в газетах, редактировал детские журналы «Барабашка», «Зонтик», «Будильник». С произведениями для детей публиковался в журналах «Весёлые картинки», «Колобок», «Мурзилка», «Миша», «Кукумбер», «Огонёк». Автор ряда детских книг стихов и прозы, песен для взрослых и детей, а также пьес-сказок, поставленных театрами Татарстана, России и ближнего зарубежья. Лауреат литературных премий им. М. Горького и С. Сулеймановой, заслуженный деятель искусств Татарстана. С сентября 2017 года ведёт занятия в ЛитО имени М. Зарецкого при музее М. Горького и Ф. Шаляпина.

СТАРЫЙ ТРАМВАЙ

Глаза пустынные стеклянные,
Зубовный скрежет, звон и лязг –
Каких судеб обетованное,
Каких любовей, войн и дрязг?

Какую жизнь (смешную? горькую?),
Как тень рябая по лицу,
Своими пробежал задворками
Он по железному кольцу?

Куда домчать ему мерещилось,
Что этот выбрал он маршрут?
Зачем он в сны не верил вещи
О том, что рельсы уберут?

Как тело брненное трамвайное
Из зноя вынес и дождя
И неужели – знание тайное
Хранит, из круга выходя?

На улице, тихой и влажной
От двухчасового дождя,
Я ангела встретил однажды,
Пустынной тропой проходя.

Хотя одному только небу
И ведомо, кто ему свой...
Но если он ангелом не был,
То клеткою был стволочной –

Невидной, неслышной, начальной,
Эфирной на вечных весах.
И космос мерцал inferнальный
В его родниковых глазах,

Как словотворящая бездна
За краткой строкою Басё:
Ещё ничего не известно,
Уже предначертано всё.

И тучкой смятенье парило
Над юной его головой:
В незнаемый край уходил он
Неверной дорогой земной,

С надеждою хрупкой на милость
Своей отдаваясь судьбе.
И светом нездешним светилась
Жемчужинка в нижней губе.

Наиля Ахунова

Родилась в Альметьевске в семье народного писателя Татарстана Гарифа Ахунова. С 1968 года живёт в Казани. Окончила библиотечный факультет Казанского института культуры. Организатор и руководитель литературного объединения «Белая ворона», появившегося в 1997 году, а также фестивалей поэзии «Галактика любви» им. В. Тушновой, «Хазинэ» и «Хайкумена-на-Волге», городских турниров поэтов и бардов «Пересмешник», чтенцев «Во весь голос». Член Союза писателей Татарстана. Автор двенадцати поэтических книг. Редактор-составитель книги «Поэт шагает по Казани», а также около двух десятков поэтических сборников и альманахов. Публиковалась в журналах «Библиотека», «Казань», «Идель», «Литературная Россия». Заслуженный работник культуры Татарстана, лауреат литературных премий им. М. Горького и С. Сулеймановой. Призёр и дипломант международных конкурсов хайку в Москве и городе Акита (Япония).

«Своё ЛитО Марк Зарецкий любил называть коротко: НЛО – Неповторимое литературное объединение. Был очень требователен – и прежде всего к себе... За громовый голос вкупе с живописной внешностью и суровым характером ученики за глаза называли его в шутку Мрак Зверецкий... Многие судьбы сложились благодаря тому ЛитО, кстати, именно там мы впервые встретились с Борисом Вайнером – моим мужем...»

Наиля Ахунова

СТАРАЯ КАЗАНЬ. ЛЕТНИЙ ЭТЮД

Июльский зной навевает
Тихую сладкую дрему...
Даже мечеть задремала,
Прикрывшись стыдливо листвою,
А особняк вековой
Белым куском рафинада
Тает в полдневном настое
Неба, солнца, воды...
На строганых лавках под окнами
В затейливой вязи наличников
Бабушки сонно беседуют,
Спит прилудившийся кот.
Пахнет полынью и щами.

Округлы бока балясин.
Садик у каждого дома
Сиренью до крыши зарос.

КОТ УЛЁГСЯ НА РУКОПИСЬ

Кот улёгся на рукопись.
Вот и закончена
Книга.

Айрат Бик-Булатов

Родился 17 июня 1980 года. Поэт, журналист, кандидат наук, доцент Казанского государственного университета, редактор службы национального вещания ГТРК «Татарстан», член Союзов писателей и журналистов Татарстана. Публиковался в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Дирижабль», «Идель», «Квадратное колесо» и др. Автор нескольких сборников стихов и научных монографий по истории русской журналистики.

«В ЛитО я бывал, конечно. Невозможно было не бывать...»

Айрат Бик-Булатов

АННЕ

Было это немного странно мне,
но теперь уж сомнений нет,
ты и впрямь оказалась Анною,
да к тому же ещё – поэт.
Нас с тобой не катали пони ли
в зоопарке сто лет назад?
Мы друг друга случайно поняли,
как сестру понимает брат.
Не стоять нам на крыше голыми.
То ли мало свободных крыш?
Мы с тобою недовлюблённые,
мы придумаем свой Париж!
Притворись на минуту спящую,
назови меня Елисей!

Я отправлюсь искать красавицу
среди бескрайних моих полей.
Буду спрашивать солнце с месяцем –
не встречали ль её в пути,
и в какой-нибудь дикой местности
вдруг сумею... тебя найти.
Вот лежишь под хрустальной крышечкой
вся нагая и видишь сон.
Охраняет твой гроб мальчишечка,
тот, что вправду в тебя влюблён.
Целовать твои губы, плечи я
не решусь, уступлю ему,
мне судьба – утонуть в наречиях –
рифмах к имени твоему.

Я мир хотел спасти, теперь хочу
спасти кого-нибудь: себя, подругу...
На барахолке раздобыв свечу,
иду, иду с зажжённой по кругу.

Вот жизнь моя... Она идёт по кругу.
Ещё не всю поизносил до дыр,
но я хотел спасти себя, подругу,
а мне опять подсовывают мир.

Татьяна Сушенцова

Родилась в Ульяновске. В Казань переехала в семилетнем возрасте. Врач по специальности. Автор сборников поэзии «В печали светлой покаянья», «Признание», «Малышам и взрослым», «Я буду говорить тебе о главном». Победитель и лауреат ряда международных поэтических конкурсов. Член Союза российских писателей и Российского союза профессиональных литераторов. Победитель литературных конкурсов «Волжское слово», конкурса Петровской академии наук и искусств, «Славянские традиции», финалист международных конкурсов «Славянская лира» и «Созвездие духовности». Публиковалась в коллективных литературных сборниках, казанских журналах.

«Я посещала ЛитО имени Марка Зарецкого около двух лет (2013 – 2014), пока сама не стала руководителем другого литобъединения – «Златоуст». Воспоминания о ЛитО самые добрые. Руководителем его на тот момент была талантливый поэт Алёна Каримова...»

Татьяна Сушенцова

ПИДЖАК

В опустевшем доме у карьера,
Где тоскует пыльное быльё,
Из отверстой пасти шифоньера
Извлекаю прошлое своё.

Время залежалыми пластами:
Душегрейка, ветхая лиса,
И ползут крысиными хвостами
За плащом и платьем пояса.

В гуще лет и вареве событий
Растеряли свежесть новизны.
Вот пиджак, да нет, похоже, китель,
В нём отец пришёл ещё с войны.

Портупеей грудь его протёрта,
Без погон, и пуговицы нет...
Здесь до нитки пороха и пота,
И огня едва заметный след.

Где-то там, у взорванного танка,
За победу капнуло вино.
Красной жилкой орденская планка
Рассекает старое сукно.

Всё ушло: и боль, и расставанье,
Прошлого таинственная суть,
И висят в шкафу воспоминанья,
И кого-то тянет заглянуть.

И уже далёким и былинным
Он со мною, словно оберег,
Щедро пересыпан нафталином
Бесконечно мой – двадцатый век.

ИЗГНАНИЕ

Бежим мы от страдания,
Немилостей не хочется,
А знаешь, ведь изгнание
Порою выше почестей.

Когда ты правду горькую
Сказать не постесняешься,
За слабого, небойкого
Пред сильным заступаешься.

За деньги да за звания
Предать не сможешь ближнего,
Спокоен пониманием,
Что всё в руках Всевышнего.

Когда душа отважится
На честное решение,
Изгнание окажется
Превыше возношения.

Михаил Тузов

СВЕТЛОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Памяти Марка Зарецкого

Родился в Казани 29 июля 1945 года. Окончил военное училище в Саратове в 1965 году, выпускник Высшей школы МВД СССР в Москве. При исполнении воинских обязанностей получил тяжёлую травму ноги (ампутация, инвалидность). Более двадцати лет после этого работал на различных инженерных должностях. Автор шести поэтических сборников. Член Союза писателей Татарстана и Союза российских писателей. Лауреат Державинской премии. Совместно с Александром Ворониным руководит ЛитО имени В. Мустафина при музее К. Васильева. Был старостой литературного объединения при музее Горького.

На музейной скромной сцене,
От владык в одной версте,
Не оценен, но бесценен
В стихотворной простоте,
Бессеребреник Зарецкий,
Безбилетная душа,
Без твоей улыбки детской
Мы не стоим и гроша.

В мутный Стикс литературный
Утлый челн направил ты
И помчал в потоке бурном,
Расшибаясь о мосты
Опостылевших, пристойных,
Надоевших аксиом,
Надиктованных, застойных,
Не воспринятых умом.

Но воспеты Ваня Ленкин,
Бог кузнечный из калек,
И романс в трамвайной сценке,
И сюжет из века в век,
Где готова Афродита,
Настирав монблан белья,
Оснастить устои быта
Парусами бытия.

Не в мечтах о тёплом месте
Ты искал десятки лет
Вывеску в печатном тресте:
«Требуется нам поэт»...
Он не нужен и сегодня,
Мир сейчас, как дважды два:
Копит шекели негодник,
А Евтерпа вновь вдова.

Радик Тимранов

Родился 24 августа 1937 года в Казани. Окончил Казанский авиационный институт в 1962 году. Студентом принимал участие в освоении целины. Работал в филиале опытно-конструкторского бюро «Туполев». Заслуженный изобретатель Республики Татарстан. Член Российского союза писателей. Автор 7 книг стихов, двух киносценариев и нескольких десятков рассказов. Публиковался в московских изданиях.

МАРКУ ЗАРЕЦКОМУ

В день 60-летнего юбилея

Учитель мой! Ты на коне!
И от души мои восторги.
Ты состоялся, видят боги –
Гарцуешь с веком наравне.

Ты счастлив должен быть вполне,
А я прошу совсем немного:
Дай превзойти себя, в итоге
Ни в чём не дав поблажки мне.

Вон сколько их, влюблённых в слово,
Талантливых, крутоголовых,
Ещё едва узнавших жизнь.

Они легко играют в ритмы
И в рифмы, как ребёнок – бритвой...
Держись, учитель мой, держись!

24 января 1997 г.

Валентина Зикеева

Родилась и живёт в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета в 1977 году. По профессии – школьный учитель. Автор четырёх поэтических сборников. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Аргатак», «Идель», «Казань», а также в коллективных сборниках. Обладатель Гран-при Третьего Международного конкурса русскоязычной поэзии в Израиле. Финалист Международного конкурса «Созвездие духовности». Член Союза российских писателей и Российского союза профессиональных литераторов. Член ЛитО имени Виля Мустафина и духовно-литературного объединения «Златоуст».

«Был воскресный майский день 2000 года. Праздник Христова воскресенья. На улице – ливень. А я впервые бегу на заседание ЛитО при музее Горького. Промокшая до нитки, поднимаюсь в актовыв зал, устраиваюсь на последних рядах, т.к. впереди все места уже заняты... Желаящие выходили к трибуне читать свои стихи. У фоно стоял и слушал авторов худощавый человек невысокого роста, в очках, с седеющей шевелюрой и такой же слегка посеребрённой бородой. Но джинсовая куртка придавала ему некоторую молоджавость. А вокруг него – клубы дыма, так как с папироской он не расставался. И всё помещение было изрядно прокурено. Вахтёрши музея удивлялись, как мы можем столько времени находиться в этом зале! Таким я впервые увидела Марка Зарецкого... и посвятила ему стихи:

*Я умирала в дождь весенний. / Со мною плакали дома.
Но в день Христова Воскресенья / Воскресла вместе с ним сама.
Я, как случайный свежий ветер, / Вдруг распахнула Вашу дверь.
Средь лиц, знакомых Вам на свете, / Моё появится теперь...»*

Говорят, что многие приходили в ЛитО именно на Марка Зарецкого. Когда он делал замечание начинающему поэту, то приводил строки известных авторов на аналогичную тему, причём, читал всегда наизусть. Все удивлялись его феноменальной памяти... Как-то, обсуждая любовную лирику одного из присутствующих авторов, он вдруг прочитал своё стихотворение про Адама и Еву, ехавших в трамвае. Читал, медленно вышагивая из стороны в сторону вдоль первого ряда. Хорошо запомнила эту сцену. А стихотворение было «Роман-с»...

Я всегда чувствовала поддержку маститого автора, и это придавало уверенности. Со мной ходили в это ЛитО Алёна Каримова, Наташа Михеева, Александр Масленников, Лина Набат и др.

Параллельно с ЛитО Марка Зарецкого я посещала ЛитО при Галерее художника Константина Васильева, где руководителем был Виль Мустафин. Здесь была другая обстановка, более домашняя. Обсуждали стихи, пили чай. Состав ЛитО был постоянный: Михаил Тузов, Наиль Ишмухаметов, Людмила Уфимцева, Наталья Волкова, Талия Шарафеева, Тамара Минифаева, Наташа Михеева. Виль Салахович был не только поэтом, но и философом со своим критическим взглядом на жизнь, он подружился нас с казанскими философами. А когда не стало Марка Зарецкого, то руководителем ЛитО при музее Горького назначили Вилю Мустафина. Поэтому два ЛитО временно объединились в одно и занимались в музее Горького.

Третьим руководителем ЛитО при музее Горького за мою бытность стала Алёна Каримова, которая к тому времени окончила Литературный институт. На занятиях ЛитО у Каримовой я всегда получала дельные советы по вопросам переводов стихов татарских поэтов...»

МОСКОВСКОЕ МЕТРО

В метро московское вхожу,
С толпой сливаюсь,
По кольцевой опять кружу,
Вернее – маюсь.
Блуждает взгляд, ища на ком
Остановиться.
Но кто мне может быть знаком? –
Чужие лица.
Одна – задумчива, а та –
Мрачна, как траур.
И происходит неспроста
Слиянье аур.
Слиянье красок и тонов,
Слиянье судеб.
Слиянье мыслей и умов.
И кто осудит,
Что оказалась в той толпе
Безликой частью,

Что аурой в чужой судьбе
Приму участие.
А кто-то мною, словно пешкой,
Свыше движет,
Переставляет и неспешно
Ход запишет
В животворящую свою
Большую книгу,
Где уподобит жизнь мою
Всего лишь мигу.

Я витала всегда
над высокою крышей.
Волопас поднимал
меня выше и выше.

Мне Большая Медведица
грела ладони.
Мчались Гончие Псы
не за мной ли в погоню?

Равнодушное время
меня остудило.
Но всё так же на звёзды
смотреть я любила.

Правда, знали о том
лишь коты на заборе,
да герань на окне,
да с иконки Егорий...

Светлана Трунис

Родилась в Казани. Окончила физический факультет Казанского государственного университета в 1977 году. Автор пяти книг стихов, в том числе «Душа поэта, как открытый нерв...», «День цветоприношения», «Форте... пиано...». Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Казань», «Идель», «Казанский альманах», в коллективных сборниках и антологиях. Лауреат городского музыкально-поэтического конкурса «Песня, гитара и я».

ТРЁХСТИШИЯ

Бежим по жизни.
А что серьёзного
можно создать на бегу?..

Серая моль –
из семейства бабочек,
но кто её любит?..

Пятипалый лист
упал на землю.
Последнее рукопожатие...

Сплошной стеной идёт дождь.
Мир сузился
до размеров зонта.

Восьмое марта –
День
Цветоприношения...

Валерий Орлов

Родился 7 октября 1963 года в деревне Михайловка под Чистополем. Живёт в Казани с 1966 года. Окончил среднюю школу с немецким уклоном № 72. Служил в ВМФ на Камчатке (1981–1984). Всю жизнь проработал строителем. Посещает ЛитО им. М. Зарецкого с 2015 года. Печатается впервые.

«Я вчера ездил на кладбище к родственникам памятник покрасить. Потом думаю, дай зайду к Марку Зарецкому на могилку. Зашёл, а там всё заросло. Всё лопатой отчистил, порубил, а оставшейся чёрной краской подкрасил буквы. Получилось хорошо и сам доволен!»

Валерий Орлов, 3 июня 2018

УШЕДШЕМУ ПОЭТУ

Ты слышал песни, которых нет,
Мог на неделю уйти в леса.
Был непокорным рождён на свет,
Сближал далёкие полюса.

С врагами бился в своих стихах.
С землёй ровнял их твой каждый слог.
И только ангелам в небесах
Известно, скольких сломить бы смог.

А кто-то мечется по земле
Пустышкой немощной в суете,
Неужто кажется только мне,
Что рифмы льются не так, не те?

Носил последней войны мундир
Под повидавшим бои плащом,
Тельняшку, сношенную до дыр,
Давился пресным пустым борщом.

Как жизнь, безбашенный? Где твой
дом?
В какой лачуге нашёл приют?
В раю, наверное, о другом
Шальные музы крылами бьют?

Инесса Фахрутдинова

Родилась и живёт в Казани. Преподаватель, архитектор, литератор, общественный деятель. Лауреат Открытого фестиваля им. В. Тушиновой «Галактика любви» (Казань, 2013). Член оргкомитета социального проекта по увековечиванию в Казани памяти поэта XVIII века Гавриила Каменева. Участница литературных объединений им. Гарифа Ахунова и Марка Зарецкого.

УРОКИ ТАНЦЕВ

ресторан на воде
то ли от любви, то ли от вина
покачивает танцующих

раз-два-три, раз-два-три
вскружил голову новенькой
учитель танцев

вальс-бостон
лавирует да не вылавирует
неопытная пара

Юлия Сандлер

Родилась в Казани. Закончила Казанский электротехникум связи, Казанский государственный технологический университет. Публиковалась в журналах «Идель», «Татарстан», альманахе поэзии «Ковчег». Автор нескольких книг. Лауреат XII Открытого фестиваля поэзии «Галактика любви». Обладатель Гран-при городского конкурса поэзии и авторской песни «Песня, гитара и я». Участница литературных объединений им. Гарифа Ахунова и Марка Зарецкого.

Луна –
светло-серебристый мотылёк
на стебельке ночи.

Оглянулась назад,
а там ты –
стоишь и улыбаешься мне...

Две звёздочки на моих ладонях –
одна сияет,
а вторая – камешек.

► Ольга Голыжина

Пойдет ли НАЧИНАЮЩИЙ ПИСАТЕЛЬ в казанское ЛитО?

ЛитО сменили форматы, ушли в подполье или в сеть? Жив ли и насколько продуктивен мир ЛитО в Казани сейчас? На эти вопросы корреспонденту журнала «Идель» отвечали известные казанские поэты и прозаики, организаторы литературных площадок и просто близкие среде люди.

Еще в начале нулевых о казанских ЛитО знали если не все, то большая часть образованной городской молодежи. Музей Горького, университет, Дом печати, городские библиотеки и десятки литературных объединений были центрами притяжения читающих и пишущих людей. В казанских ЛитО бурлила жизнь, в них прошли профессиональную школу Алексей Остудин, Айдар

Сахибзадинов, Аделъ Хаиров (Монрес), Лилия Газизова, Вера Арямова, Тимур Алдошин, Ильдар Замалеев (Эдгар Бартнев) и многие другие.

Сегодня продолжают работу одно из старейших в Казани и Татарстане ЛитО имени Марка Зарецкого при музее Горького и Шаляпина, ЛитО имени Гарифа Ахунова, до 2017 года известное как «Белая ворона», жив еще и университетский «АРС».

В противовес появилось огромное количество маленьких литературных клубов, возглавляемых совсем еще юными авторами. В последние годы утвердилось мнение о том, что «классические» ЛитО перестали быть именно молодежными площадками. Действительно ли молодым людям больше не интересен формат литературных обществ, или все зависит от того, кого считать молодежью? ■

► Айрат Бик-Булатов,
поэт, исследователь, педагог

«В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ИЗМЕНИЛАСЬ САМА СТРАТИФИКАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ»

Литературные объединения старого классического формата (обсуждение

текстов, приносимых в письменном экземпляре, лучше в трех, семестровые концерты студий) – переживают сейчас не лучшие времена. Не так давно могло показаться, что они и вовсе вымрут. Но в действительности изменилась сама стратификация литературной жизни и коммуникации внутри среды. Студии или ЛитО – наследники советской модели. В советские годы алгоритм вхождения в литературу начинался именно со студии, которую вел маститый автор, часто член союза писателей, потом – публикации (по рекомендации) в местной печати, в российской. Только после этого автор мог претендовать

на членство в союзах писателей и издание собственных книг.

Самостийные студии сложно было устроить, ибо компетентные органы (КГБ) следили за подобными образованиями, так же сложно было и с самостоятельными концертами. То есть все было иерархично. Студии работали при газетах или музеях. С развалом СССР система контроля сломалась, но существовала инерция студий, и в основном, когда появлялся на виду у кого-то из писателей новый автор – его вели на «смотрины» в студию, так было и со мной. Хотя мне обстановка в «АРС» при знакомстве

не понравилась, как и в ЛитО у Зарецкого, уже позже я оценил их. С 1990-х годов все пустились в свободное плавание: сами устраивали концерты, наиболее удачливые – издавали книги. Все-таки, каждый вновь появляющийся автор должен был объявляться в студиях, чтобы легитимироваться в литературной среде.

Позже стали появляться группы, в которых уже не столько обсуждались стихи, сколько совместно проводилось время «в связи со стихами». Из них «Белую ворону» (1997 год) можно назвать более открытой, а «Altera pars» (начало 1990-х годов), «ОМП» (2004-2006 годы), «Энтомологию поэзии» (существовавшую с 2008 по 2014 год), «ЦЫЦ» (2008-2012 годы), «Бутылку клейна» (2009-2010 годы) – более замкнутыми.

«ОМП» по своему способу существования вообще напоминала рок-группу. Но все-таки, костяк этих групп составляли люди, успевшие войти в литературную среду в прежнее время и легитимировавшиеся в среде. И работа над стихами, и связь с прежними поколениями не была потеряна. А потом

наступила эра соцсетей, свои группы начали создавать люди, прежде никак не вовлеченные в литературную среду, пишущие некие тексты, проводящие время вокруг стихов, делающие выступления

(сейчас это не сложно), но не обсуждающие, не изучающие устройство стихов, и никак не связанные

с прежней литературной средой, и ничего не знающие о казанских литературных традициях. Люди, успевшие войти в «каз.лиру» прежде – сейчас тоже в своем пузыре, общаются между собой в соцсетях, но не студийно. В Казани нам известно сейчас около 20-30 приличных авторов той старой когорты.

Из старых студий в Казани продолжает функционировать ЛитО Марка Зарецкого в музее им. М. Горького. «АРС» при Казанском федеральном университете практически не работает. В качестве площадки для выступлений писателей открыта «КалитКа». Работает и ЛитО при музее Константина Васильева, в следующем году его возглавит Филипп Пираев. Он придаст студии хороший импульс. ЛитО имени Гарифа Ахунова (до 2017 года «Белая ворона») работает в роли пространства для общения. Из новых студий я бы выделил казанский филиал ЛитО «Darc romantic», сообщество авторов вокруг Василия Терегулова, клуб TODD (Тайное общество добрых дел) и клуб «Бумажный слон» под руководством Ярослава Хотеева.

Сейчас наблюдается интерес к возрождению студий старого классического формата. Но разрыв сред внутри ЛитО-сферы ощущается как проблема. Авторы старых и новых студий практически не знают друг о друге. Притом уровень авторов новых студий слабоват, но они намного активнее выступают. Молодые авторы, желающие найти для себя клуб, быстрее обнаруживают «новые студии», но зачастую не находят там профессионалов для обсуждения стихов. Да и сами обсуждения проходят на слабом, дилетантском уровне, либо не проходят и вовсе, ограничиваясь просто чтением стихов за чаем. ■

► Людмила Уфимцева,
писатель, поэт, автор книги
«ЛитО «Дивный свет»

«ЧТОБЫ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ПРИХОДИЛИ, НУЖНО ВОССТАНОВИТЬ СВЯЗЬ С СОЮЗОМ, ИЗДАТЕЛЬСТВОМ»

В этом году мне исполняется семьдесят лет, прошло двадцать лет с тех пор, как я наблюдаю работу литературных объединений Казани, собираю данные. Обращаясь к истории, например, то же ЛитО имени Луговского, которое в начале 1960-х открылось в Доме печати, посещали очень молодые люди – Рустем Кутуй, Николай Беляев, Виль Мустафин, приходила на тот момент 16-летняя Галина Свинцова – жена Эдуарда Трескина. Вспомнить даже Алексея Остудина – он тоже пришел к Марку Зарецкому, когда ему было 16 лет. Сейчас, возможно, нет в ЛитО ярких личностей, способных притянуть молодежь, контактирующих с ней. «АРС» – это хорошее дело, но там только студенты, без авторитетов. А в литературных объединениях личность очень важна.

Русская секция при Союзе писателей Татарстана, к сожалению, сейчас превратилась в нечто дремучее. При многих литературных обществах сейчас ведется работа с молодыми людьми, но необходим гипнотический, как Марк Зарецкий, альтруистичный и человечный, как Геннадий Паушкин, образованный лидер, который бы смог взяться за это дело с новой силой, объединить, собрать, увлечь. Молодым людям нужно

видеть перспективу – чтобы они приходили в ЛитО, нужно восстановить какую-то связь с союзом, издательством. Руководитель должен помогать членам общества грамотно публиковаться, должен работать с текстами, сейчас тех, кто умеет и хочет работать, в Казани не так много. Борис Вайнер, возглавляющий ЛитО

при музее Горького – один из немногих таких людей, Айрат Бик-Булатов тоже некоторое время работал с молодежью, он воспитал талантливых ребят.

В качестве второй причины оттока молодежи из ЛитО я бы назвала изменение самой литературной среды. Поэзии не стало меньше, просто

она приобрела другие формы и обитает в других местах. Кроме того, становление личности в материальном отношении сейчас тяготит молодых ребят намного сильнее, чем это было раньше. У большинства работающих молодых людей нет возможности посещать и работать в ЛитО, и это только признак времени. ■

► **Борис Вайнер,**

поэт, прозаик, переводчик, руководитель ЛитО имени М.Зарецкого при музее имени М. Горького и Ф. Шаляпина, заслуженный деятель искусств РТ

«ЛИТО СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТАЛАНТОВ. ВОЗРАСТ ТАЛАНТА НЕВАЖЕН»

Тезис об отсутствии в ЛитО молодежи некорректен. Во-первых, молодежь есть, хотя и меньше, чем хотелось бы. А во-вторых, это подмена понятий. ЛитО существуют не именно для молодых, а для талантливых людей любого возраста. А количество талантов в каждом поколении примерно одинаково. Мне кажется, если юноша или девушка будут откровенны, то могут на этот вопрос ответить вам, например: «Я ленив». Или: «Я не доверяю тому, что исходит от старшего поколения». Или: «Мне достаточно одобрения друзей». Или: «Я понимаю, что эта профессия не дает никаких денег, а все вокруг настраивает меня на достижение экономического успеха». Или: «Я боюсь отдавать свои тексты «на растерзание». (А всякое ЛитО, как сформулировал еще Булат Окуджава, – это место для «своевременного битья»).

Писательская профессия очень редко обеспечивает финансовое благополучие, да и то почти исключительно в коммерческих

жанрах – любовный роман, детектив, фантастика, к тому же при úrovни весьма высокого КПД – скажем, 3-4 романа в год. А освоить писательское ремесло трудно. Хотя, с другой стороны, таланту научить нельзя, ремеслу же – при наличии начальных способностей – вполне возможно. Правда, минимальный срок такого обучения – 10-15 лет, и это годы, иногда десятилетия личного риска автора: ведь может оказаться, что попытки были напрасными.

ЛитО сегодня в значительной мере сохранили свое место в механизме вхождения в литературу начинающих авторов. Чтобы перечислить, скольким людям – в том числе молодым – ЛитО скорректировали «зрение», помогли с освоением техники письма, да просто с публикациями и с изданием книг – потребовалось бы немало журнального места.

У нас в ЛитО (в отличие от, скажем, литературного клуба) основная часть занятий – это освоение писательского мастерства, неизменно включающее анализ новых произведений участников. По

множеству параметров. Если автор работает над своими текстами, нарабатывает поэтические «мышцы», осваивает приемы ремесла, усваивает критерии, по которым оценивают стихи или прозу его «товарищи по цеху», у него в конце концов многое получается. А если он не дает себе такого труда, то, к сожалению, как литератор не растет. То есть в сорок лет пишет так же, как в двадцать.

Далее.

Чтобы состояться, автору необходимо погружение в живую литературную среду, нужно пройти определенную школу. Как в спорте.

Я, кстати, встретив на страницах СМИ новое поэтическое имя, почти всегда могу сразу определить, есть ли у человека за плечами литературная школа. Можно ли быть одиночкой? Да, конечно. Но тогда ваши шансы серьезно

уменьшаются. Чтение (как учеба) – вещь полезная, но и она, и мнение близких или друзей, обычно не слишком разбирающихся в предмете, школы не заменяют. Равняться всё-таки нужно на тех, кто «в теме», а не на тех, кто волею случая оказался рядом.

Так что молодежь-то в ЛитО приходит, но редко кто так предан литературе, что может пройти неизбежные испытания. Обычно юный писатель – существо хрупкое, от подробностей литературной учебы далекое и воспринимающее указание на ошибки как личную обиду потому, что

тексты лежат близко к душе. Я тоже когда-то был таким молодым человеком, и на одном из серьезных семинаров был сурово «побит». Но именно этот семинар оказал решающее влияние на выбор мной профессии. После него я долго не писал, но мне хватило упрямства и сил вернуться. ▀

► **Наиля Ахунова,**

литератор, общественный деятель, руководитель
ЛитО имени Гарифа Ахунова (с 1997 до 2017 год
ЛитО «Белая ворона»), заслуженный работник культуры РТ

**«ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА –
САМООТДАЧА...»**

Молодежь в ЛитО приходит во все времена. Но надолго ли она там задерживается? В эпоху тотального Интернета у части молодых людей сложилось мнение, что у них в литературной учебе нет нужды. Еще лет 15-20 назад многим талантливым молодым людям было некуда податься. Не так много изданий на русском и на татарском языках существует в республике для молодежи даже сейчас. Но нынче в Интернете каждый сам себе блогер, писатель, фотограф – создавая свои группы, блоги, раскручивая по-быстрому, и успех обеспечен, хотя бы в глазах твоей тусовки. И сейчас гораздо проще издать книгу, если есть финансовая возможность.

Молодые люди нередко нацелены на скорую известность, на коммерческий успех. Многие из них, полагая, не согласятся с классиком: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха,

не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех» (Б. Пастернак). В то же время их стартовый языковой и литературный уровень часто низок, у большинства нет даже базовых знаний.

По личному опыту могу судить: мне приходят ребята, которые порой не умеют даже писать грамотно. Интернет этому не учит, этому учат профессионалы. Но обучение у профессионалов – дело трудоемкое и сложное, намного проще попробовать снискать дешевой популярности. Тем более что Интернет, где многие пользуются «никами», как бы уравнивает настоящих профессионалов и полуграмотных любителей. А массовый читатель в тонкостях, в качестве написанного зачастую не разбирается.

Мне кажется, вопрос стоит ставить совершенно иначе: не «нужны ли сейчас ЛитО?» (что чистой воды риторика), а «почему молодежь стала искать других, часто более легких

путей?». Во многом это можно объяснить и незаинтересованностью, возможно, государства в поддержке немногих оставшихся энтузиастов, которые годами совершенно или почти бесплатно отдают свое время работе с начинающими авторами. Остались последние из могикиан. Ведь все это существует, за редким исключением, на общественных началах. И молодым людям нужно ценить педагогов, которые еще хотят передавать им знания и опыт. И это касается не только литературы...

А наше ЛитО им. Гарифа Ахунова, тем не менее, все эти двадцать с лишним лет живет полнокровной жизнью, проводит фестивали, готовит публикации и книги участников, помогает авторам-инвалидам, участвует во многих литературных и социально-благотворительных проектах, от городских до международных.

Весной 2018 года о создании литературного объединения прозаиков задумались в Доме-музее Василия Аксенова. Инициатором стала директор музея Ирина Аксенова, которая предложила казанскому писателю Булату Безгодову стать модератором в новой творческой структуре.

По замыслу, в объединение должны были войти молодые и начинающие перспективные писатели. Дело не пошло: на первое же собрание нового ЛитО не пришел ни один человек. Объединение закрылось, так и не начав работать. Сам Безгодков объясняет это недостаточным информационным освещением и выбором самой пишущей молодежи в пользу поэзии, а не прозы. ▀

► Булат Безгодков,
поэт, писатель

«РАНЬШЕ У ЛИТО БЫЛА ИДЕЯ, ЦЕЛЬ, СЕЙЧАС ЕЕ НЕТ»

Предложение от Ирины Аксеновой поступило года три-четыре назад, но обсудить всерьез это получилось только зимой 2018 года. Аксенов – прозаик, и было бы правильным создать на базе Дома Аксенова литобъединение прозы хотя бы потому, что в городе сегодня нет ни одного литобъединения прозаиков. Существует «Бумажный слон», но участники этого клуба фокусируются большей частью на фэнтези и фантастике, и насколько я понял, их мало интересуют классические жанры или же арт-хаус и мейнстрим в прозе. В будущем в нашем городе может образоваться пустота в этом, так скажем, разделе искусства.

Пока я что-то начал понимать в том, как создается литературный текст, прошло много лет. Изредка мне удавались блестящие тексты,

но они становились таковыми спустя десятилетия шлифовки. Я относительно молод, однако, сколько еще буду писать, не знаю, поскольку уже подхожу к рубежу, за которым (как любит говорить Галина Зайнуллина) нейроны отмирают пачками. И мне бы, конечно, не хотелось, чтобы мои знания пропали даром – хотелось бы их передать.

Поэзия для нынешних молодых гораздо более привлекательна, нежели проза, поскольку требует от автора в разы меньших затрат.

Поэзия – это не только труд, это еще в определенной степени и игра тоже, так скажем, и волна, и ветер – то есть стихия, в которой ощущаешь себя живым. Проза – это рутинная тяжелая работа, которая зачастую угнетает. На то, чтобы написать что-то стоящее, оценить себя, критически посмотреть и доработать материал, уходят годы. Молодые люди же, накавав несколько рассказов, пребывают в уверенности, что все в порядке, и можно идти дальше, а когда подходят к следующему этапу, выясняют, что они, в общем-то, никто и никому не нужны.

В прозе множество технических моментов – композиция, художественные приемы, сюжет, фабула. Но самое главное – это взгляд. Если нет взгляда, нет прозы. Вот что надо вырабатывать. И начинающим вообще не нужна критика, им нужна помощь – в этом я уверен. Когда молодой человек пишет прозу, ему многое необходимо – и опыт со товарищей, и правильная оценка, и где-то, возможно, совет, взаимопомощь и самое главное – разговор. Планируя ЛитО, думалось, что на собрания

можно будет пригласить казанских писателей, которые у нас все-таки, слава богу, есть: Татьяна Шахматова, Искандер Абдуллин, Адель Хаиров, Айдар Сахибзадинов, Галина Зайнуллина и в том числе писателей – гостей города.

Все русские и мировые классики, которые вошли в пантеон, создавая текст, дорабатывали его годами. Не все об этом задумываются и не все об этом знают. Кроме того, каждое переиздание подвергалось редактуре, текст отшлифовывался до блеска. Писателю не все под силу делать в одиночку.

В 90-е годы в Казани существовало множество ЛитО, многие из них существуют и сейчас. Но раньше у ЛитО была цель – помочь писателям более объективно посмотреть на себя и свои тексты, поймать направление, поупражняться в речах, в обсуждениях. Была идея – писать хорошо. Сейчас такой идеи нет. Подлинный интерес пропал. Но это не признак, присущий только ЛитО, это произошло во многих сферах жизни. На место идеи, творчества, поиска смыслов пришла иерархия, а с нею самосозерцание, отсутствие интереса к окружающим и окружающему миру и, как следствие, пошлость. За исключением «Белой вороны» (ЛитО. Поэзия до 18 и младше) и «Калитки» (лит. кафе), все остальные из тех, что мне известны, все больше напоминают местечковые клубы и инкубаторы для выращивания не авторов, но дутых авторитетов.

Приведу пример – Тузов Михаил, получивший Державинскую премию. Я слышал как некоторые (коих было немало) возмущались: ходит с тросточкой, на пиджак медальку повесил. Ну, что ж, вполне себе солидно выглядит, презентабельно, его – уверен – когда-нибудь пригласят на официальное мероприятие

в Минкульт или куда там. Вот чему он будет поистине счастлив, а идеи или, если хотите, мечты создать нечто даже условно красивое этот уважаемый господин, как мне кажется, никогда и не вынашивал. Я ведь его стихи о водочке под шашлыки хорошо помню, был шансонье, одним словом, а стал функционером при ЛитО. Понятно, почему все возмущались...

У нас есть бессменный функционер одного из изданий, который в прогоревшем банке двадцать миллионов потерял, этакий Корейко, а в то же время, сколько лет он, находясь на своем посту, авторам публикаций не платил ни копейки. О нем многие знают. У нас прошлый председатель Союза писателей Татарстана был подполковник милиции на пенсии, насколько я помню, на своем посту он больше интересовался хозяйственными вопросами. Думаю, о чем

я – не надо объяснять? У нас места в Союзе писателей просто продаются, стоит прийти с мемуарами, затереть по душам с кем надо и получить удостоверение.

Дошло до того, что даже уже из моей родной и не такой уж близкой деревеньки кухарка, да бывший председатель колхоза стали членами СП РТ благодаря, между прочим, мемуарам о деревенской своей жизни. Двое на деревню! Видели бы вы, с каким пафосом размахивают они корочками, какие они устраивали своим мемуарам презентации в сельском клубе, и весь колхоз втихомолку посмеивается. Почему втихомолку? Потому что не хотят, чтобы эти клоуны опомнились и повзрослели.

Когда таким образом обстоят дела в изданиях, издательствах, СП, в Минкульте и прочих структурах, чего можно еще ожидать от литобъединений?

Ровным счетом ничего. Будут приходить терпеливые и покорные пенсионерки и пенсионеры, разные дамочки, нацелившиеся на веселуху и развлекуху, почувствовать значимость, просто от скуки, просто время провести, просто потрепаться, просто от безделья...

В общем, если в подобное место придет идейный молодой автор, что он увидит? Развернется и уйдет, а вместо него останется какая-нибудь очередная недалекая личность с мылом в кармане и планом «Барбаросса» в голове. И тут, конечно, подводя итог, надо сказать, что при таком климате в городском литературном процессе мы получаем главный объединяющий признак – отсутствие объективности, а раз её нет, ждать, что появится нечто толковое и достойное на этом базисе не приходится. ■

► **Эдуард Учаров,**

поэт, руководитель литературного кафе «КаЛитКа»

«ВАРЯСЬ В СОБСТВЕННОМ СОКУ, НАЧИНАЮЩИЙ АВТОР БУДЕТ ДОПУСКАТЬ ВСЕ ТЕ ЖЕ ОШИБКИ»

Проблема, с которой сталкивается молодой автор – это проблема роста технической составляющей (версификация) и творческого роста (мысль, поэтическое мироощущение, угол поэтического зренья). То есть без «пинков» извне, варясь в собственном соку, начинающий автор будет допускать все те же системные ошибки в техническом плане, и не будет расти или будет расти намного медленнее творчески.

Классические ЛитО в своем расцвете, с авторитетными литераторами во главе, где побуквенно обсуждали тексты, где происходило, в том числе, и неформальное общение маститых авторов и новичков, обе эти проблемы решали. Происходил важный процесс накопления, обмена и передачи поэтического, литературного опыта – от старшего поколения к младшему.

Но. Появился интернет. Возникли поэтические сайты. Некоторые из них взяли на себя не только функцию творческого общения, но и обучения начинающих. Я тому

живой пример. Свои первые стихи я публиковал на нескольких поэтических порталах, где меня нещадно били за ошибки и допущенные огрехи: стилистические, пунктуационные, грамматические и версификационные, объясняли, что такое рифма, соблюдение размера, советовали, каких современных поэтов почитать и многое другое. Получается, это было то же самое ЛитО, только виртуальное. Литературные объединения – важная школа, творческая лаборатория для начинающих авторов. Другой вопрос, в каком формате они теперь должны существовать.

На сегодняшний день я уверен в качестве разбора текстов в двух казанских ЛитО: ЛитО имени Марка Зарецкого при музее Горького (руководитель Борис Вайнер) и в ЛитО имени Виля Мустафина в музее Константина Васильева (руководитель Филипп Пираев).

Поймал себя на мысли, что не знаю 20-25-летних казанских поэтов. Чуть постарше знаю, а вот 20-летних – нет. Именно – сложившихся поэтов с талантливыми текстами. Наверняка такие есть. Но где они обитают? В Интернете? В соцсетях с собственными пабликами ВКонтакте? Без серьезной школы ЛитО такую поэзию вряд ли можно назвать профессиональной. Но

феномен «сетевой поэзии» существует. Сетевые, не очень профессиональные авторы даже умудряются гастролировать по городам и, что очень интересно, собирать людей на платные вечера. Тогда как на бесплатные вечера очень талантливых поэтов приходят в основном единицы, увы. Это, конечно, вопрос о подготовленности среднестатистической публики к серьезной поэзии и вопрос подачи (актерских навыков, харизмы) литературного материала. Надо помнить, что литература – прежде всего текст. Она оценивается в первую очередь глазами.

Я думаю, что проза, если мы говорим об ее крупных фор-

мах, – дело зрелости. Молодость – это в большинстве случаев лирика. Щенячий восторг от жизни, смерти, времени, себя, короткие и яркие выхватывания моментов. Бурлящий калейдоскоп явлений, предметов, собственных эмоций. Большая проза – фундаментальные, мировоззренческие вещи. Житейский опыт. Философские концепции. Мне кажется, именно поэтому практически все известные писатели сначала в молодости писали стихи, а потом переходили к прозе. В обоих случаях – без вдохновения, без таланта, без мастерства – ничего не добьешься. Наверное, проза требует большей усидчивости, большего времени, но не энергии. ■

НОВАЯ КНИГА

Вышла из печати книга Наиля Ахуновой «Чёрная бабочка» (Татар. кн. изд-во, 2018). Тираж книги 1100 экз. По словам автора, получился своеобразный «литературный путеводитель по любимому городу: в сборнике около 150 эссе и миниатюр в прозе с вкраплением хайку (хайбунов) – о любимых садах и парках, улицах и уголках старой Казани; о знаменитых россиянах и казанцах, писателях и художниках, с которыми я была знакома... художественные зарисовки природы и размышления о семье, родителях, друзьях, наших корнях, Арских краях, родном Альметьевске...». На страницах книги читатель встретит такие имена, как Вероника Тушнова, Гариф Ахунов, Марк Зарецкий, Роза Кожевникова, Равиль Бухараев, Василий Аксёнов, Рустем Кутуй, Туфан Миннуллин, Фаиль Шафигуллин, Эльмира Блинова, Сергей Малышев, Вячеслав Баширов, Геннадий Капранов, Лина Набат, Ирина Маврина, Елена Хабибуллина, Екатерина Аничкина и многие другие.

Из эссе «Чёрная бабочка Наиля Ахуновой» журналиста Марьям Лариной:

«А ведь верно: Наиля Ахунова в неизменных широкополых чёрных шляпах похожа на бабочку... Автор не ограничивается именами ушедших. Она всем своим героям, литераторам и художникам, спешит успеть сказать, как много значат их творения, их судьбы... О ком только не пишу, а о своих родителях – дороже и святее которых нет никого на свете – никак не могу... А вот Наиля прямо-таки

вспела чуть ли не весь свой род. В этой книге – об отце, матери, брате, родных местах, где покоятся любимые родичи, куда тянет её постоянно – убрать, украсить или просто посидеть у могилки... Вторая часть книги – художественные миниатюры Ахуновой, где как бабочки прилетели хайбуны, зарисовки с вкраплениями хайку – жанры, которыми она заразила многих казанских поэтов...»

► Айсылу Хафизова

Поэт АЛИЯ ХАМЕТОВА:

Мой первый
карандаш был для
рисунка

ТРИ МОНОЛОГА ГЕРОЯ НОМЕРА

Наша юная современница не только рифмует и рисует, но и изучает иностранные языки, занимается восточными танцами, декоративно-прикладным искусством и грезит о путешествиях. Родной татарский язык постигает по стихам Тукая и Джалиля.

Фото Марины Усольцевой

Родилась 29 августа 2002 года в городе Зеленодольск в Татарстане, там же окончила художественную школу. С 2017 года оттачивает поэтическое мастерство в литературном объединении «ЮЛА», где изучает теорию литературы и выступает на публике со своими стихотворениями. Лауреат конкурсов в области поэзии и изобразительного искусства.

ИЗО

Мой первый карандаш был для рисунка, а не для стихов. Дни мои в детском саду были такие: я приходила, карандаш в зубы и рисовать. Все время. Везде. И родители решили отдать меня в детскую студию «Семицветик» при Зеленодольской художественной галерее. Затем я поступила в художественную школу, которая находится в том же здании. Помню, на вступительных экзаменах: все маленькие и стоят взрослые натюрморты, статуи. Волнение было, но у нас все получилось, благодаря педагогам, они такие добродушные. У нас замечательные директора! Первый, при котором я училась, это Крылов Анатолий Валентинович, а второй – его ученик Царев Сергей Владимирович. Спасибо им! Благодаря моим первым педагогам, я выбрала свой путь.

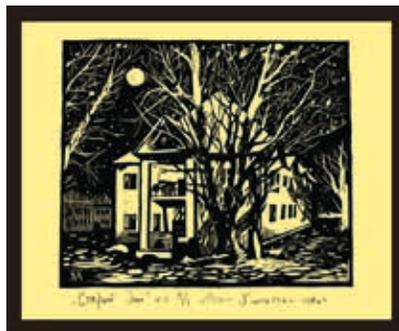
Однажды я нарисовала одно красивое здание – это мечеть Кул-Шариф во всех деталях и подробностях. Немножечко гипер-реализм,

реализм. В художественной школе мне сказали: технически у тебя все идеально, но неужели ты не можешь взять простую вещь и из нее сделать что-то новое? Это уже шедевр, а я его просто повторила. А мой учитель из обычного уличного ведра сделал ведро, которое отражало 70-е годы, эту картину приобрел музей. И это мне урок, что из ничего можно сделать что-то. Считаю, что так должно быть и в литературе, и в музыке.

Я в прошлом году закончила художку, и нам предложили продолжить обучение, чтобы подготовиться к поступлению в профессиональные учебные заведения. А нынешним летом я буду поступать в художественное училище в Чебоксарах или в Санкт-Петербурге.

Наш город принимает участие во всех ближайших конкурсах, фестивалях. Сначала я попробовала в Казани, потом уже в Чебоксарах, потом в Йошкар-Оле. Эти конкурсы проходят в самих училищах, туда и из Питера приезжали дети. Мне очень понравились Чебоксары, в прошлом году у меня там была большая победа, первое место мне досталось. Был межрегиональный конкурс по рисунку, где использовались мягкие материалы и карандаш. Я выбрала

– Всероссийский отраслевой открытый фестиваль-конкурс самодеятельного искусства «Лестница успеха» – второе место (Казань, 2017);

– III Межрегиональный конкурс по академическому рисунку и живописи «Академический натюрморт» – первое место в номинации «Рисунок (соус, сангина, сепия, уголь)» (Чебоксары, 2017);

– Межрегиональный конкурс по академическому рисунку и живописи «Академический натюрморт» – второе место в номинации «Рисунок (карандаш)» (Чебоксары, 2017);

– Межрегиональный конкурс учащихся детских художественных школ и художественных отделений детских школ искусств по предмету «Живопись» – первое место в третьей возрастной группе (Йошкар-Ола, 2018);

– Республиканский конкурс «Зимняя палитра» по живописи среди учащихся ДХШ и ДШИ – третье место (Казань, 2016)

мягкие материалы и нарисовала рисунок «соусом». Соус – это пресованный пигмент, его можно и крошкой сделать, и как акварель разбавить водой, потом всухую дорабатывать, туда добавить немного угля, немного сепии, смешанные материалы. То есть, это универсальный материал, и мне с ним интересно работать.

Один из моих преподавателей закончил графический факультет Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Он нас натренировал, и мы поехали покорять город на Неве. В этом году меня одну отправили туда на день открытых дверей – в Санкт-Петербургское художественное училище имени Рериха. Я там была впервые, ходила с широко раскрытыми от удивления глазами. Мне там очень понравилось. Если получится (вдруг?!), то может, поступлю и туда.

ПОЭЗИЯ

Каждый вечер мне родители читали сказки на ночь, мне очень нравилось. Я научилась читать уже с шести лет. Однажды у меня во сне какое-то стихотворение промелькнуло, я проснулась и быстро его записала. Конечно, там не было хорошей рифмы, не было ритма, размера, ничего такого. Кажется, оно было о дружбе. Оно потерялось, конечно, но с тех пор я стала записывать свои стихи. Сначала они были детские и наивные, скажем, про деревню, в которой я гостила, про горы – это моя любимая тема. Обожаю горы Памира в Киргизии!

Как-то раз в галерее (Зеленодольская художественная галерея – прим. ред.) я была волонтером, помогала детям с карандашами, с

АЛЕНА ЖИЛКИНА – руководитель ЛитО «ЮЛА»: «Первое мое знакомство с Алией Хаметовой произошло в начале мая 2017 года в художественной галерее на мероприятии для детей. Юные поэты из нашего ЛитО выступили, и она заинтересовалась нашей деятельностью. После знакомства Алия прислала мне свои произведения, и мы стали над ними работать, а первое ее выступление (уже в составе ЛитО) состоялось две недели спустя на Ночи музеев в художественной галерее.

Поскольку летом ЛитО на каникулах, то активно посещать наши заседания Алия начала с сентября 2017 года. Алия очень работоспособная. Она понимает, что над произведением нужно работать для того, чтобы оно имело успех у читателей. Она много читает, постоянно расширяет свой кругозор. Не боится экспериментировать со словом, но старается сделать так, чтобы эксперименты были красивы и благозвучны.

красками. Директор галереи пригласила Алену Владимировну Жилкину, руководителя литобъединения «ЮЛА». На тот момент ЛитО было еще совсем молодым, но там уже были дети, которые представляли свое творчество публике.

С тех пор я посещаю занятия в «ЮЛЕ», к нам приходят и журналисты, и поэты, и прозаики. Еще к нам из Волжска приезжал поэт Эдуард Станиславович Платонов. Когда к нам приезжают поэты, Алена Владимировна нам велит принести свои труды для разбора. Есть поэты, у которых идеальная рифма, есть те, у кого точный ритм. За год я узнала очень много. Это мне очень помогло впоследствии. Мы ездим часто в Казань. В прошлом году мне посчастливилось побывать в музее Горького в ЛитО имени Зарецкого.

НАИЛЯ АХУНОВА – руководитель ЛитО имени Гарифа Ахунова: *«С Алией Хаметовой я познакомилась, когда была членом жюри Фестиваля авторской песни им. Стаса Аршинова в Зеленодольске в прошлом году осенью. Она участвовала в номинации "поэзия". И мне понравилась своей многогранностью: хорошо рисует, у нее прекрасные акварели и графика, интересный начинающий автор в плане поэзии, думающий нестандартно подросток, много читает, судя по всему. Обаятельная девушка... Приезжала к нам на занятия ЛитО из Зеленодольска – ко мне и к Борису (Вайнеру, руководителю ЛитО им. М. Зарецкого – прим. ред.). Затем она успешно принимала участие в двух наших турнирах чтецов: под эгидой XX Открытого инклюзивного молодежного фестиваля им. В. Тушиновой-2018, а также в зональном Турнире чтецов в Зеленодольске в рамках Первого республиканского фестиваля "Хазинэ-2017" им. Гарифа Ахунова. Она читала стихотворение В. Тушиновой "Руки твои, Россия...". Алия мечтает, она мне говорила, стать художником-иллюстратором. Желаю, чтобы ее мечта сбылась!»*

Фото из семейного архива Хаметовых

Тогда я в первый раз «вышла в свет», познакомилась с поэтами. Я узнала столько новой информации! Очень было интересно познакомиться с новыми жанрами, с новейшей поэзией.

Вообще, очень интересно сравнивать древность и современный мир. До этого я не имела никакого дела с современными поэтами, я даже не знала, что такие есть. В силу своего юного возраста, может быть, не читала современных книг. Я читала более древних поэтов – Серебряного века, на них училась. А сейчас добавились и современные. Первая из них – это Алена Владимировна Жилкина. Я так полюбила ее стихи! Она сейчас работает над анациклами, даже статью опубликовала. Анациклы – это стихотворения, которые можно прочесть сверху вниз, слева направо и точно так же – наоборот. И все будет красиво рифмоваться. Стихотворения-тавтограмма – это все строки начинаются с одной буквы. У меня есть тавтограмма на букву «С». И таких жанров поэзии очень много, масса всего интересного, если попробовать, акrostих, аллитерационный стих. И мне интересно творчество Брюсова. Он, конечно, не современный, но он тоже экспериментатор.

**ПРОСТЫЕ ГОРОДСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ В СОЦСЕТЯХ
МЕНЯ НЕ ОЧЕНЬ ПРИВЛЕКАЮТ. ЕСТЬ ПОЭТЫ,
КОТОРЫЕ НЕ УЧИТЫВАЮТ ТОНКОСТИ ПОЭЗИИ,
НЕ ИЗУЧАЮТ ТЕОРИЮ. Я БОЛЬШЕ ЗА ТО, ЧТОБЫ
ВДОХНОВЕНИЕ ШЛО ПО ПУТИ С ТЕОРИЕЙ, ЧТОБЫ
ВСЕ БЫЛО ГАРМОНИЧНО, ЧТОБЫ ЛЕГКО ЧИТАЛОСЬ.**

Фото Марины Усольцевой

Меня очень привлекает творчество Игоря Царева, его не стало лет пять назад, но творчество его останется на века. Стихотворения атмосферные. Знакомство с японским хайку у меня началось с творчества Наили Ахуновой. Уложить в три строчки глубокий смысл – я бы так не смогла. Потом меня начала интересовать поэзия казанских поэтов – Филипп Пираев, Борис Вайнер, Валерий Орлов, Сергей Карпеев. Из Волжска многие, Йошкар-Олы, из Санкт-Петербурга. Через портал «Стихи.ру» знакомлюсь с ними.

Как ни странно, у меня только два стихотворения – любовная

лирика. И то они пришли только после прочтения других стихов. Просто как-то навеяло. У меня есть стихи про горы, посвящение нашему заводу имени Горького, который славится везде, Зеленодольску, галерее. Навевает вдохновение, я своему учителю посвящаю. Если нет вдохновения, я не буду специально напрягать мозги для одной темы. Над стилями и жанрами я особо не парюсь. Иногда у меня получаются стихи в стиле Блока, или сентименталистов, футуристов, иногда – александрийский стих.

Я считаю, что должны люди писать, пробовать, ошибаться, а вдруг спонтанно что-то получится новое, интересное и захватывающее?! Надо выплескивать свое вдохновение. Я считаю, что из кучи стихотворений можно найти один шедевр. Так же, как в живописи. Твои наброски – это тренировка, а один из этих набросков может быть шедевром, который ты уже никогда не повторишь. Надо сравнивать свои прежние стихотворения с новыми, и те, что блекнут, отодвигать в сторонку.

Должны появляться какие-то инновации в сфере поэзии, однако

нельзя забывать историю. Я считаю, что сначала нужно научиться классике. Как у нас говорят в художке, сначала научись рисовать головы, натюрморты, а потом пиши квадратики, кубики, все, что душе будет угодно. Также в поэзии необходимо пройти по пути классических поэтов, а потом искать свой путь, изобретать новый язык, чтобы не было однообразия. Самому будет приятно, если ты не плагиатишь какие-то фразы. Нельзя чужие шедевры делать еще раз шедеврами. Нужно уметь сделать из пустоты что-то.

Все взаимосвязано, все таланты едины. Я смотрю на картины, у меня рождается стихотворение, я читаю стихотворение, у меня перед глазами – картина. Допустим, я слушаю Баха, и луну, и звезды и рисую картину об этом. Все взаимосвязано.

КОРНИ

Мои родители татары, но родились в Оше в Киргизии, там познакомились. А я здешняя. Папа по образованию программист, а мама – экономист. Они переехали в Зеленодольск после свадьбы, стартовали на заводе имени Горького. Хотя они хотели, чтобы я тоже пошла по технической профессии, программирование, например, но увы – я с самого детства тянусь к культуре. Не зря же меня судьба привела в наше литературное объединение, возглавляемое Аленой Владимировной Жилкиной.

Зеленодольск – такой маленький уютный город. Здесь все друг друга знают, все на виду. Все тянется к какой-то одной вершине. Держатся в строю своими талантами, активностью. Казань мне очень дорога, такой прекрасный город, но Зеленодольск – мой родной дом, я

очень рада, что мои родители выбрали именно его когда-то. Через семь лет после моего рождения у меня появилась сестренка Зульфия. Она занимается плаванием, танцами и изучением английского языка.

Нас называют поколением гаджетов. Да, из статьи в Википедии я узнаю что-то новое, но ничто не заменит живого общения, где ты набираешься куда больше живого опыта. Гаджеты всего лишь – помощники в повседневных делах, они могут опубликовать мое стихотворение, но они не могут мне сказать, где и какие у меня ошибки или похвалить. Поэтому я считаю, что мы должны общаться больше. Игры только все портят, отвлекают от жизни. Я не хочу зависеть от гаджетов. Сейчас у нас такой век, многие просто не успевают верить. Жизнь пролетает. Но я считаю, что вера должна быть, даже если ты не принадлежишь к какой-то конфессии. Мне кажется, где-то внутри у каждого есть вера в Бога.

Мои родители приверженцы мусульманской культуры, традиционной для татар. Я их поддерживаю в этом. Но с родным языком у нас туговато. Во-первых, у меня лично не достаточное образование. Родители же жили в Киргизии, там больше киргизский был в ходу. Они там татарский не изучали, а наши предки, родственники, которые переехали туда, они знали татарский, но в киргизском обществе это все растерялось. Поэтому они говорят на смеси татарского, узбекского, казахского и киргизского.

Меня определили как татарку и записали в татарскую группу в школе. Я прихожу туда и ничего не знаю. И нам начинают объяснять уже не алфавит, а что-то посложнее,

грамматику. Говорят только на татарском, а там многие не понимают. Родились в татарских семьях, но знают только русский. И поэтому у нас образование такое плохое. Когда пришел черед сдавать экзамен, нас все запугивали устной частью, написанием изложения, говорением. Был ужасный стресс!

Я очень рада за сохранение своего языка, читаю татарских поэтов. Но если будет такое образование, то ни о каком экзамене и речи быть не может. Когда решили, что должен быть экзамен, не учли, что дети с такой подготовкой не смогут осилить такие испытания по татарскому языку. Поэтому я даже рада, что отменили татарский экзамен. А татарский я все-таки продолжаю учить, как попадется, у нас родственники – татары. Потому что это – наш родной язык, наше все.

Габдуллу Тукая и Мусу Джалиля я читаю на татарском. Сказки и стихи Тукая иллюстрировала. У Мусы Джалиля мое любимое стихотворение – это «Дуб» («Имэн») и «Красная ромашка» («Кызыл ромашка»). Ромашка, которая испачкалась в крови солдата, погибшего на поле боя. Это мое любимое стихотворение. Конечно, «Моабитские тетради» – это наше культурное наследие, нельзя их не читать. Пока я изучаю родной язык самостоятельно.

Можно будет сказать, что моя жизнь удалась, если вокруг меня будут хорошие, позитивные, добрые люди. Я очень хочу путешествовать – в горы, на моря, другие страны, посмотреть на другую культуру, историю, потом вернуться и свежим взглядом посмотреть снова на свою историю, проштудировать ее. И это будет веселая жизнь. Друзья, образование, добро, любовь и творчество. ■

ВКЛЮЧИ ЗВЁЗДЫ

Включи звёзды,
Зажги мысли.
Свежий воздух,
Глоток жизни.
Стих твой создан
Силой мысли,
Включи звёзды
В прямом смысле!

Алия Хаметова

ВО ТЬМЕ НОЧНОЙ ВООБРАЖЕНЬЯ

Во тьме ночной воображенья,
Где света нет, есть вдохновенье,
И им живёт поэт рассвета,
В котором много-много света.

И тьма не тьма, где есть поэт,
В котором много-много света,
Свет – вдохновение поэта,
А без него поэта нет.

А после тьмы всегда рассвет,
В рассвете – много вдохновенья,
Которым и живёт поэт
Во тьме ночной воображенья.

ТОСКА ДУШИ

Тоска души – предтеча творчества,
Лавиной сброшена на голову,
И прозвучит вновь одиночество,
Смычком наития царапая
Неугомонно и доходчиво,
Стальные нервы, как пророчество,
Не отступая на попятную.
Свеча бормочет что-то, корчится,
В огне мерцая постулатами,
Идей моих худое зодчество
Живёт тоскливыми сонатами.
Так скрупулёзно и отточенно
Узорами замысловатыми
Плоды выводит одиночества
Тоска глазами бесноватыми.

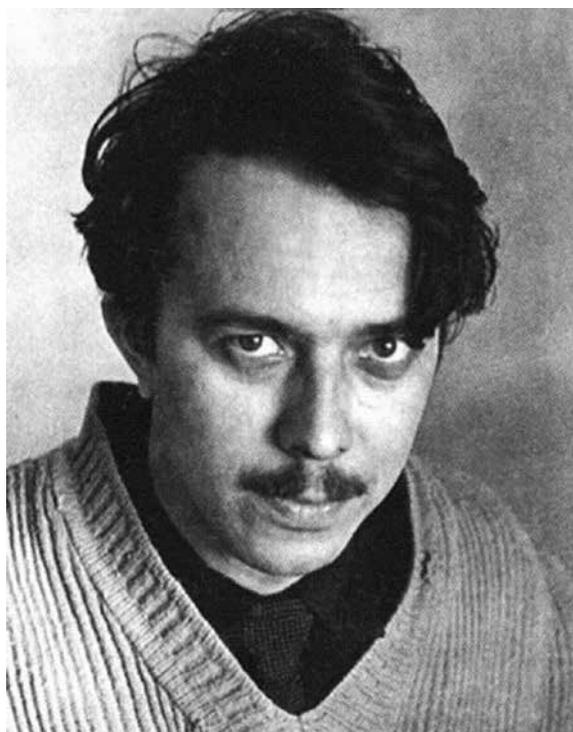
ОСЕНИ ЦВЕТАСТОЙ ОЧИ

Вновь осени цветастой вижу очи
В зеркальной глади вымокших дорог.
Ковром листвы теперь согреты ночи,
И город изумрудным пренебрёг.
Душа цветёт, являя миру свет,
И солнечного счастья озаренье
Шлёт осень, улыбаясь мне в ответ,
Даруя новых сил и вдохновенья.
Мелодия дождя нас вводит в транс,
Пестрят-кружатся вихри листопада,
И осенью в душе моей баланс –
Поэту подходящая награда.
Всмотревшись осени цветастой в очи,
Узрит пиит в них тайну многоточий...

▶ Александр Воронин

Драматург, прозаик. Родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени А.М. Горького (1986), заместитель главного редактора литературного журнала «Аргатак. Татарстан», председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, лауреат международной литературной премии «Детское время». Автор книг «Драма диасизма», «Монарх-монах», «Невидимки», «Ясновидящая», «Кинг книг».

1 июля исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося писателя и философа Диаса Назиховича Валеева (1938–2010). В своих пьесах, романах, проповедях и записках он выступает как яркий философ, разрабатывающий концепцию новой религии Сверхбога, которая объединит людей всех рас и национальностей. Предлагаем читателям журнала статьи казанских литераторов, посвящённые Диасу Валееву.

ДРАМА ДИАСИЗМА

Диас Валеев сыграл в моей жизни значительную, определяющую роль.

Признаюсь прямо, тогда я увлекался драматургией Александра Вампилова, а потому относился к пьесам Диаса Валеева довольно скептически. Слишком непохожими были они – иркутский и казанский драматурги, имена которых вдруг зазвучали в замкнутом театральном пространстве тех лет.

Тогда, в 1980-м, я уже пописывал в стол и мечтал о Москве, поэтому нашёл повод (долго собирался) познакомиться с Диасом Валеевым лично. Через несколько дней, на репетиции в театре, Диас Назихович обратился ко мне с просьбой: на телевидение нужны двое молодых актёров – для участия в передаче о «Литературной мастерской» при газете «Комсомолец Татари». Кто же из актёров откажется от

возможности подзаработать? Я позвал с собой соседа по квартире Александра Фриновского – самого популярного тогда актёра ТЮЗа.

При следующей нашей с Валеевым встрече на Казанской студии телевидения я признался, что пробую писать пьесы. Нельзя ли и мне ходить к нему в «Литмастерскую»? Диас Назихович ответил:

– Конечно, приходите! Правда, у нас пока ни одного драматурга нет,

только прозаики и поэты. Но это даже хорошо, будете первым.

В сентябре я принёс в «Литмастерскую» Диаса Валеева свою ещё недописанную пьесу «Чайка в «Чайке». Валеев в пух и прах раскритиковал мой опус, к которому я так и не смог до сих пор вернуться, чтобы дописать финал. Но сохранил черновую тетрадь с критическими пометками Диаса Валеева на полях...

Как ни странно, неудача меня только окрылила. Следующая моя пьеса Валееву понравилась больше, однако, по его мнению, одноактовку «Папа» следовало развить в полноформатную пьесу. С учётом новых замечаний и предложений Диаса Валеева я дописал новый, фантастический финал – так с третьей попытки из-под моего пера (и с валеевской лёгкой руки) вышла драматическая фантазия «Четыре вечера и одно утро». Валеев пригласил меня к себе домой, где за чаем состоялся знаменательный разговор. Диас Назихович посоветовал мне поступать в Литературный институт, на творческий семинар драматургии, который вёл Виктор Сергеевич Розов.

– Что вам делать в ТЮЗе? всю жизнь зайчиком скакать? – говорил он. – Пять лет учёбы в Москве, непосредственное общение с классиком – всё это сделает вас драматургом.

...Все пять лет, пока учился в Москве, я продолжал поддерживать связи с друзьями по «Литмастерской» и её руководителем. Диас Валеев пришёл и на премьеру «Четырёх вечеров» в Казанском ТЮЗе (5 марта 1987 года), тепло отозвался о спектакле. А в заключение напутствовал:

– Начало хорошее, поздравляю. Но теперь всё решит вторая вещь. Настоящий писатель складывается

после сорока лет. Чтобы набрать впечатлений и жизненного материала, полезно поработать журналистом – эта профессия позволит много ездить, общаться с разными людьми, быть в гуще событий.

Один раз я уже поменял свою жизнь по совету Диаса Валеева. Решил и в этот раз прислушаться – через год ушёл из театра в журналистику. И не пожалел (до сих пор не жалею). За что опять же благодарен Учителю.

Свою первую пьесу Диас Валеев написал на спор за две недели. Был в гостях у режиссёра Семена Ярмолинца и его жены – актрисы Марины Кобчиковой. Как всегда, ругал современный театр. А потом попался на простое «слабо». Дескать, ругать легко, ты сам возьми да напиши. Ну и напишу!

Получилась пьеса «Сквозь поражение», которая первоначально носила название «Мысли первые и вторые, или Вверх по лестнице», потом стала называться «Перед последней чертой», а позже была поставлена на татарском языке – «Үзенэ хыянэт итсэн» («Если предашь самого себя»). Случилось это в 1969 году. Герою нашему перевалило за тридцать – и в жизни его в тот год произошло много важных событий.

Первым читателем пьесы, как и всех его произведений, стала жена Дина Каримовна, которая мужа горячо поддержала. Ярмолинец с Кобчиковой первый драматургический опыт друга тоже одобрили, хотя критиковали в частностях. Новую редакцию автор дал Аязу Гилязову – известному писателю, прозаику и драматургу, пьесы которого уже шли в Татарском академическом театре имени Г. Камала. Тот похвалил Валеева на словах, что для

начинающего драматурга уже подарок, и поддержал на деле: отнёс пьесу молодого автора главному режиссёру камаловцев. Обещал сделать литературный перевод на татарский язык, если пьесу примут в репертуар. Марсель Салимжанов прочитал «Сквозь поражение» и подтвердил, что будет её ставить. Для Диаса Валеева это было началом нового, драматургического этапа в жизни и творчестве, тем более, что предыдущий – прозаический – закончился весьма драматично.

К тому времени Валеев уже пятнадцать лет сочинял. Опубликовал ряд рассказов не только в местных газетах, но и в столичных журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Сельская молодёжь». Публикаций хватало, однако они оставляли внутреннее ощущение случайности, эпизодичности, отдельности. Бесконечные отказы из казанских и московских издательств составили целый том «документального романа», переплетённого позднее на память. Хотелось настоящей известности. Пока же его как писателя знали лишь несколько таких же, как он, молодых сочинителей, собиравшихся в литобъединении при Доме печати.

Как вспоминает о том времени один из литобъединенцев, доктор философских наук Булат Галеев:

«На стыке 50-60 годов бурлило, гудело в Казани молодёжное литературное объединение при Союзе писателей республики и редакции газеты «Комсомолец Татарии». По молодости лет ходил туда и я. Там встретился с Диасом Валеевым. Интересные, радостные были времена: недавно прошёл XX съезд, и нам всего по 20... Ждали каждого четверга трепетно, как праздника. Читали, спорили, критиковали друг друга, не щадя живота – своего и

чужого. Приходили иногда художники, музыканты – К. Васильев, А. Аникиенко, Л. Блинов. Многие из тех, кто засиживался тогда допоздна на верхней лестничной площадке Дома печати, прокуренной и полутёмной, теперь, – “классики”. По крайней мере, известны у нас в республике, а то и в стране: Рустем Кутуй, Роман Солнцев (тогда ещё Ренат Суфеев), Мария Аввакумова. Помнится – среди наших «яблок на ладони», «солнца на рельсах» и прочих поэтических кружев Диас Валеев выбивался, раздражал своим прямо-таки неистовым косноязычием. Мы называли его рассказы “чёрными”, уж больно безрадостно было в них всё, не ко времени (а за окнами – “Синий троллейбус” Окуджавы, “Политехнический” Вознесенского!). Всё у него было слишком серьёзно – никаких вам метафор. Ссылался Диас Валеев на неведомых нам Замятина, Пильняка. Это тоже раздражало – он знает, а мы нет... Так уж получилось, распалось наше литобъединение как раз под редкую каплю леденеющей оттепели. А может, просто разбросало всех нас после студенческих лет. Выпускник геологического факультета КГУ Диас Валеев уехал в Сибирь. Бог знает, чем он там занимался, но, вернувшись, стал работать в “Комсомольце Татарии”. С литературой, судя по всему, дела шли туго, бродили слухи – перепало ему изрядно, авансом, даже без публикаций. Продолжал раздражать, вероятно, кого-то повыше нас...»

Вместо признания Диас Валеев получил... приглашение явиться на «Чёрное озеро». Так в царские времена назывался знаменитый в Казани парк недалеко от Кремля, известный цирком-шапито и зимним городским катком. Неподальку

располагалось здание жандармского отделения. В советские годы там разместилось ВЧК, позднее переименованное в НКВД. С тех пор «Чёрное озеро» обрело для казанцев тот же страшный смысл, какой в Москве получила старая добрая Лубянка.

В Комитет государственной безопасности, что по-прежнему располагался на улице Дзержинского, у парка Чёрное озеро, Диаса Валеева пригласили по телефону, без повестки. Просто позвонили в редакцию, назначили время. И беседовали два полных дня. Это называлось профилактическими беседами.

Допрос начался с анализа рассказа «Груша». О том, как мальчик любил девочку... Гэбисты допытывались, почему героиня живёт в старом доме, а не в новенькой пятиэтажке (Дания Каримовна выросла в доме №23/15 по улице Фатыха Карима, где я бывал однажды в гостях и действительно видел в саду совсем уже старую грушу). Следователи, их было трое, четвёртый вёл стенограмму беседы, намекали на сознательное очернение советской действительности. Вывод шили неутешительный: товарищ Валеев – диссидент, антисоветчик. Таких у нас учат уму-разуму в психушках, говорили ему. А можно и в тюрьму посадить, повод найти легко. Однако ограничились лишь взятой с автора объяснительной запиской.

Позднее в документальном театральном романе «Чужой, или В очереди на Голгофу» он подробно опишет те допросы, на которых его пытались раздавить, а он старался не подавать вида, что испугался, хотя пот порой тёк по спине ручьями.

Герой нашего повествования имел основания опасаться. И если не за свою жизнь, то за свою писательскую судьбу. В первый же вечер

Диас Валеев собрал все свои рукописи, всё написанное за пятнадцать лет, оставив лишь наброски, не представлявшие для КГБ особого интереса. Мешок отнёс в деревянной сарай, что стоял во дворе дома его матери на улице Нариманова. А геологический рюкзак на рассвете отвёз на дачу в Карьере (за Компрессорным заводом) и спрятал в подполе.

...Что же стало с валеевскими рукописями? Оказалось, они очень даже хорошо горят. В апреле 1969 года Валеев едет в Москву на V Всесоюзное совещание молодых писателей, а в это время сарай во дворе материнского дома по улице Нариманова сам собой загорелся в одну из весенних ночей. Диас Назихович уверен, что его подожгли нарочно, хотя один из следователей Виктор Степанович Морозов, выйдя на пенсию, несколько раз в 90-х годах божился Валееву, что к пожару на улице Нариманова их ведомство не имело никакого отношения.

Весной 69-го случилось небывалое половодье, подпол на даче залило, рюкзак свалился с табурета в воду. Написанное пером (чернилами, а не теперешней шариковой ручкой) размылось в сплошную нечитаемую синеву...

Это был страшный удар, оправиться от которого было трудно. Ещё тяжелее было сознавать, что на «дальнейшей литературной работе», как и на ещё не написанных произведениях можно ставить жирный крест.

Диас Валеев решил начать всё сначала.

Во все времена успех в театре начал славу. Наутро после премьеры автор часто просыпался знаменитым. Михаил Булгаков, когда его

прозу перестали печатать, переписал роман «Белая гвардия» в пьесу «Дни Турбиных» (на нейтральном заголовке настояла цензура). Премьера во МХАТе сразу принесла ему неслыханную славу. Нет ничего удивительного, что и Диас Валеев решил пойти по тому же заманчивому, но такому неверному, непредсказуемому пути.

...Окрылённый автор написал и принёс в театр вторую пьесу – трагедию «Охота к умножению». Новую пьесу Диаса Валеева взялся переводить другой татарский классик – Гариф Ахунов. Ко времени премьерной афиши название пьесы трансформировалось в «Суд совести».

Так счастливо сложилось, что в сентябре 1970 года Московский драматический театр имени М.Н. Ермоловой приехал в Казань на гастроли. Однажды по окончании очередного спектакля Диас Валеев с супругой (кстати, искусствоведом) зашёл за кулисы, чтобы поздравить известного актёра и уже набиравшего силу режиссёра Андреева с успехом у местных зрителей. А от себя прибавил, дескать, пьесы-то можно было бы выбирать и лучше. Владимир Алексеевич огрызнулся, мол, сами знаем, что современная драматургия – не фонтан... Но местный нахал не унимался, знать-де надо, где искать. Вот я сам пишу пьесы. И намного лучше того, что вы сейчас играли. Хотите почитать? Завтра принесу.

Столичная знаменитость нахала не прогнала, более того, пьесу его прочла. Через полмесяца после окончания гастролей ермоловцев в редакции «Комсомольца Татарии» раздался междугородний телефонный звонок... Так Валеев познакомился с режиссёром, который принесёт ему в дальнейшем всесоюзную известность.

ДИАС ВАЛЕЕВ родился в деревне Казанбаш («казан» в переводе с татарского – котёл, «баш» – голова, башка, что в сочетании тоже можно трактовать как «котловина, яма») Арского района Татарской АССР 1 июля 1938 года. Так по метрикам, а по рассказам матери, герой нашего повествования появился на свет то ли в тряском тарантасе на просёлочной дороге, что ведёт из деревни в Арск (райцентр в сорока километрах от Казани), то ли во дворе Арской районной больницы. Спрашивается, зачем родителям, жившим тогда в Казани, понадобилось срочно ехать в Казанбаш? Позднее в путаницу с местом своего рождения Диас Валеев внесёт интригу – публично заявит, будто родился, возможно, в Испании, в которой тогда коммунисты воевали с франкистами. В СССР переправляли пароходами испанских детей, порой совсем младенцев (см. документальные кадры в фильме Андрея Тарковского «Зеркало»). Уж не ради ли легализации младенца понадобилась легенда о рождении в тарантасе на безлюдном тракте? В Казанбашском сельсовете зарегистрировать приёмшиа было проще, чем в Казани, где тогда проживали родители. И назвали они Диаса испанским именем. Впрочем, в этом биографическом компюте даже следователи с «Чёрного озера» толком не разобрались, так что нам, театральным историкам, остаётся его лишь выттить.

Свои журналистские годы в «Комсомольце Татарии» Диас Валеев вспоминает всегда тепло, подчёркивая особо, что в те подцензурные застойные годы пишущим давали больше творческой свободы, чем мы имеем теперь. Лично он всегда писал лишь о том, о чём сам хотел. Поскольку мне довелось работать в той газете, когда она изменила название на «Молодёжь Татарстана», могу свидетельствовать – это всегда была самая живая и неуживчивая редакция...

Пора нам подступить к первому упоминанию о диасизме – религиозном учении, которое, быть может, ещё не сложилось тогда в определённую, текстуально оформленную теорию, но уже существовало в сознании его пророка. Именно в том 1969 году, с которого мы начали своё

повествование, случилось «второе откровение новой сверхрелигии», которое пережил Диас Валеев, стоя на пепелище сарая во дворе дома по улице Нариманова, где жила его мать. Первое произошло семью годами раньше, 16 ноября 1962 года, в Горной Шории, в посёлке Одрабаш, где молодой специалист-геолог работал по распределению после окончания Казанского университета. Что это было? Снисхождение небесной благодати, в один миг раскрывшей перед двадцатичетырёхлетним искателем истины всё то, к чему он шёл в долгих размышлениях о себе, о жизни, о человеческой истории? Во всяком случае, тот день, точнее полдень, тот краткий миг озарения прочно врезался в сознание нашего героя как один из самых важных, высших моментов его жизни! В «Сокровенном от Диаса» Валеев опишет

это глубочайшее духовное переживание коротко: «наитье, в котором... в один миг явились основные черты будущего учения».

Основной идеей диасизма сам пророк признаёт обращение к человеку: стать мега- или богочеловеком, прийти от не-бога (дьявола) и Бога (единобожие Христа, Будды, Мухаммада и нынешних адептов мировых религий) к Сверхбогу – и супер-религии, объединившей бы всех верующих Земли в одном религиозном служении.

«В состоянии микро-я... человек служит своим инстинктам, мелким физиологическим целям, когда его связи с Космосом обесточены, он не может отвечать за мир. Он ответствен только за какую-то его микроскопическую часть. В состоянии макро-я... человек служит нации, классу, социальному слою, объединению, его национальный, классовый или групповой эгоизм тоже может быть самоубийствен. Он ответствен лишь за определенный макромир. Спасение – в выходе на мегауровень. Мессия, Спаситель порождается человеком из себя самого, из бого-я» («Сокровенное от Диаса», §8).

Наиболее отчётливо идеи диасизма получили воплощение в трагифарсе «Пророк и чёрт», который в первых публикациях назывался «Пророком из казанского Заречья». Не случайно, наверное, в первом упоминании об этой комедии «Литературная газета» (21.03.1973) допустила красноречивую опisku: «пророка» заменила на «прораба». В самом деле, от драматурга, дебютировавшего на московской сцене с пьесой о строителях КамАЗа, все тогда, конечно, ждали продолжения производственной тематики...

Сценическая судьба этой пьесы оказалась не особо счастливой. В Москве её собирався ставить Лев Дуров, однако к репетициям в театре на Малой Бронной так и не приступил. На читке в театре имени Г. Камала труппа приняла «Пророка» восторженно, но «чёрт» не допустил её выхода на сцену. Впрочем, самому автору лет через пять после написания комедия эта принесла неожиданный сюрприз. Однажды супруга писателя, Дина Каримовна, пришла домой из магазина и сразу с порога заявила:

– Собирайся! Иди со своим героем знакомиться.

Оказалось, возле одного из домов в новостройках казанского Заречья, где Валеевы получили квартиру, появился чудак, который сажал деревья вокруг дома просто так, от любви к прекрасному. Диас Валеев действительно пошёл туда, познакомился с этим человеком. А потом описал его в одном из очерков для «Литературной газеты», включил его в число примеров для подтверждения существования мега-человека в окружающей действительности, когда писал свои религиозно-философские трактаты – «Истина одного человека, или Путь к Сверхбогу», «Третий человек, или Небожитель», «Уверенность в Невидимом».

Главный режиссёр Московского драматического театра имени М.Н. Ермоловой Владимир Андреев, прочитав первые три пьесы никому тогда неизвестного казанского драматурга Диаса Валеева, готов был, кажется, ставить, каждую из них – сначала «Сквозь поражение», затем «Охоту к умножению». Однако из политических соображений остановил свой выбор на пьесе «Продолжение», которая на

афише ермоловцев получила название «Дарю тебе жизнь».

Успех спектакля «Дарю тебе жизнь» в ермоловском театре открыл дорогу пьесе для новых постановок. Десятки театров по всей стране кинулись её ставить. О Диасе Валееве начали упоминать в центральной прессе, появились первые рецензии, в целом благожелательные. К нему пришла всесоюзная известность.

Сразу изменилась и жизнь самого драматурга. Первые же денежные переводы из ВААП показали, что на отчисления с кассовых сборов можно содержать семью. Появилась возможность оставить службу в газете и целиком посвятить себя литературному труду.

Он пережил огонь и воду (сгоревший сарай и подтопление на даче, уничтожившие все его ранние рукописи), пережил и «медные трубы». Его включали в состав многих писательских конференций, выездных совещаний, где довелось общаться с многими знаменитыми писателями из разных союзных республик. Его приглашали на писательские съезды и семинары, ему давали слово на заседаниях. Одним словом, внешне это была наивысшая точка в писательской судьбе Диаса Валеева.

Конечно, не всё тогда гладко складывалось. Поменялось к нему отношение в Казани. Ещё совсем недавно он здесь был «начинающим драматургом» – и вдруг центральная пресса чуть ли не каждый месяц упоминает его имя в «поминальниках» среди одарённых молодых писателей, талантливых представителей новой драматургии союзных и автономных республик, более того, в списках самых часто ставящихся на советской сцене авторов. Разумеется, не всем это в Татарстане могло нравиться. Тем более, сам Диас Валеев

вёл себя не самым дипломатичным образом. Он торопил местные театры с новыми постановками, не понимая, почему его имя в премьерные афиши ставить каждый сезон никто не торопится. «Сквозь поражение» в камаловском театре сначала долго переводили на татарский язык, затем режиссёр долго подбирал актёров. Наконец, с первого раза постановку не приняли, потребовав целого ряда переделок...

«Ищу человека» – это не только крылатая фраза древнегреческого философа и название последней пьесы трилогии, но клич писателя Валеева. Драма писалась одновременно с главной книгой Диаса Валеева, которая тогда называлась «Третий человек, или Небожитель», а впоследствии стала двухтомником «Уверенность в Невидимом». Поэтому в пьесе не могла не появиться эта главная тема.

Когда автор читал эту пьесу труппе качаловского театра, ряд актёров сделали замечание: слишком выдуманным в пьесе получился Иван Иванович Иванов. «Ищу человека» в театре имени В.И. Качалова так и не поставили. И больше с той поры сам драматург ни в какие местные театры пьес своих не предлагал.

...В годы работы актёром Казанского театра юного зрителя мне довелось участвовать в работе над спектаклем «1887». Всё, что я знал тогда о Диасе Валееве, признаюсь с сожалением, не предполагало моего благожелательного отношения к этой хорошо одетой и изящно постриженной знаменитости. Пьеса на заведомо скучную тему ещё до начала читки не интересовала ни меня, ни моих друзей актёров, которым уже было известно распределение ролей.

Однако в ходе репетиций моё предубеждение относительно автора и его сочинения постепенно менялось. Мне, начинающему артисту, дали эпизодическую роль. Две сцены, одна реплика... Окончательно изменила моё отношение к «1887» крайне резкая реакция на тюзовскую постановку со стороны художественного совета Министерства культуры Татарской АССР. Обычно просили что-то в спектакле переделать, кое-что убрать. Цеплялись за отдельные реплики, в крайнем случае, заставляли подкорректировать ту или иную сцену. А тут запретили спектакль целиком, потребовав кардинальных переделок!

Для автора трагедии «1887» проблемы со спектаклем в Казанском ТЮЗе оказались далеко не единственными. Эта пьеса принесла ему ещё много сюрпризов. И самый тягостный из них был связан с театром, который Диас Валеев искренне считал своим.

Главный режиссёр Московского театра имени М.Н. Ермоловой Владимир Андреев хоть и взял эту пьесу к постановке, но ставить сам её не собирался, он передал пьесу молодому режиссёру Михаилу Скандарову. Тот же с произведением татарского драматурга обошёлся чересчур вольно: текстовые длинноты, жаркие революционные споры он вымарал по собственному разумению, не согласовывая сокращения с автором. Драматург посчитал единственной приемлемой для себя формой протеста против произвола ермоловцев не явиться на премьеру.

Молодой татарский режиссёр Рустем Фатыхов, закончивший в ГИТИСе курс Анатолия Васильева, по возвращении в Казань решил поставить двухсерийный телевизионный фильм по пьесе Диаса Валеева

«1887». Фатыхов сумел убедить телевизионное начальство в возможности создать телефильм малыми средствами – не то чтобы малобюджетный, а практически беззатратный! Всё снималось в реальных интерьерах университета, изомузея, ТЮЗа (старинных фойе бывшего здания Купеческого собрания).

За год до этого фильма закончилась тягостная эпопея Валеева со спектаклем «День Икс» в Казанском Большом драматическом театре имени В.И. Качалова. История данной постановки, занявшая в театральном жизни Казани целых три года скандалов, толков и суждений, подробно описана и дважды издана самим Валеевым. И теперь любой может взять его роман-документ «Чужой, или В очереди на Голгофу», чтобы прочесть обо всём в авторской версии.

23 ноября 1984 года на качаловской сцене состоялась премьера спектакля «День Икс» в постановке главного режиссёра театра Натана Басина. Приёмочная комиссия Минкультуры ТАССР спектакль не приняла, но и премьеры не отменила. В протоколе заседания значится 21 замечание. После этого комиссии различного состава собирались по поводу спектакля ещё десять раз, требуя всё новых и новых переделок. Спектакль, поставленный к 40-летию Победы и 80-летию со дня рождения Героя Советского Союза Мусы Джалиля, тем не менее, продолжал идти, показывался на гастролях в Челябинске и Тюмени. 15 февраля 1986 года – в день юбилея поэта «День Икс» был сыгран качаловцами последний раз...

И всё же Диас Валеев продолжал бороться именно за спектакль в Казани. Почему? Всё дело в том,

что в Татарском академическом театре имени Г. Камала шла пьеса Туфана Миннуллина «У совести вариантов нет» в постановке Марселя Салимжанова – о подвиге того же Мусы Джалиля. Разумеется, речь не идёт о плагиате или заимствованиях. Вот только в письме заместителю начальника Управления театров Министерства культуры РСФСР Игорю Скачкову Диас Валеев по поводу не понравившегося рецензенту ИМЛ заглавия «Божество у всех одно – свобода!» в заключение возьми да обмолвись: «Свобода – один из главных лозунгов революции. Я думаю, здесь не может быть никаких двусмысленных толкований. Но есть и другой вариант названия: «У судьбы вариантов нет». Правда, его я хотел приберечь для другой пьесы. О Джалиле» (23.04.1980).

И ещё одно совпадение: в пьесе Туфана Миннуллина «У совести вариантов нет» тоже есть образ поэта-современника, который ведёт своё следствие. Что же получается? В одном городе в одно и то же время два известных драматурга пишут две пьесы об одном и том же герое, при этом используют одинаковые сюжетные приемы и схожие названия – при этом пьесы абсолютно оригинальные, собственноручно обоими написанные. Невольно в голову приходит мысль о «творческом соревновании». Или нетворческой закулисной подоплеке?

Внешне они были похожи. Диас Валеев на заседаниях «Литмастерской» нам рассказывал, как к нему порой обращались на улицах «Туфан абый». Оба были красивы и бесспорно талантливы. Первые годы они даже дружили семьями, ходили друг к другу в гости.

Однако к концу семидесятых их дороги расходятся. Диас Валеев

приводит даже примерную дату – в последних числах сентября 1977 года: «Тогда он заявил мне, что моё творчество не нужно и не будет нужно ни татарскому народу, “ни русским, ни евреям”, как он позволил себе выразиться, что поскольку я “не татарин” – не пишу по-татарски, то я, по его мнению, не имею даже права называться татарским драматургом и т.д. В тот вечер “от имени татарского народа” этим человеком (причём всё это происходило у него дома, за его столом, в присутствии наших жён) было сказано довольно много подобных “обвинительных” слов в мой адрес. Пожалуй, я бы отнёсся к этому разговору, несмотря на всю его абсурдность, как к частному, даже случайному, если бы не ошеломивший меня вывод, брошенный Т. Миннуллинным в завершение этого разговора: “С нашей шайкой” (это буквальное выражение), в которую, по его же словам, входят главный режиссёр Академического театра М. Салимжанов, ещё кто-то, “тебе придётся считаться”. Короче говоря, татарский народ, от имени которого я подвергался остракизму, свёлся до “шайки” из нескольких человек, как видно, довольно известных и уважаемых в нашей республике, и мне одним из её представителей прямо, нагло и с чувством полной безнаказанности был предъявлен ультиматум, сулящий перспективы далеко не благоприятные».

Почему-то не хочется думать, что режиссёр Марсель Салимжанов, треть века посвятивший славе татарского театра, а также его друг и соратник Туфан Миннуллин могли столько времени и сил тратить на травлю Диаса Валеева. Пусть даже за то, что он не пишет на родном языке...

Не видел принципиальных разногласий в личной ссоре Диаса Валеева с Туфаном Миннуллинным и председатель правления Союза писателей ТАССР в те годы, всеми уважаемый Гариф Ахунов: «Диас Валеев пишет на русском языке. Это ещё одна интересная особенность нашего времени. В национальных республиках создание литературных произведений на русском языке во второй половине двадцатого столетия стало нормой и утвердилось как одно из ответвлений национальных литератур. В Киргизии – Чингиз Айтматов, в Азербайджане – наш соплеменник Ибрагимбеков, в татарской литературе – Рустем Кутуй и Марсель Зарипов, в молдавской – Ион Друцэ, все они пишут на русском языке. Среди татарских писателей, пишущих на русском, – и Диас Валеев... Поле его наблюдений – вся страна. Но при всём при этом Диас Валеев именно татарский драматург. Последнее обстоятельство я особо подчёркиваю».

...Долгие годы борьбы закалили. О Диасе Валееве всегда в Казани говорили, что он скандалист, говорит, что думает, пишет письма, куда вздумается. Но не был он ни склочником, ни сутяжником. И конфликт, если разобраться, возник не конкретно с Туфаном Миннуллинным, ни с местной властью в частности или с режимом в целом. Валеев по природе своей всегда себя ощущал в противопоставлении с внешним миром, средой, бытом. Он был не столько «против», сколько «поперёк», «вовне». Можно сказать, что драматург не вписывался в своё время, но можно сформулировать и так, что он в нём попросту не умещался.

...Ещё в предперестроечные годы, когда режим пытался

андроповскими репрессиями и черненковскими «заморозками» сохранить всё как было, Диас Валеев окончательно сложился в восприятии современников как видный общественный деятель. Он помогал несправедливо осуждённым, обращавшимся в письмах к известному писателю за помощью. Благодаря ходатайствам в высшие инстанции, статьям в местных газетах и центральных журналах были освобождены из-под стражи несколько невинно пострадавших людей. Такая правозащитная деятельность имела резонанс: бывали случаи, когда задержанных в милиции прекращали избивать, стоило тем закричать, что они обратятся за защитой к писателю Валееву.

Особенно громко, на всю страну прозвучала история защиты Диасом Валеевым бедного возчика с Колхозного рынка, который соорудил на пустыре свинарник и откармливал скот базарными отходами, а деньги от реализации мяса перечислял в казанский Дом ребёнка, ивановскую школу-интернат или в Фонд мира. Вместо благодарности «новому Деточкину» пытались шить уголовные дела по факту спекуляции, незаконному предпринимательству или, на худой конец, использованию казённой лошади в личных целях. В московском журнале «Смена» в течение ряда лет вышло шесть больших статей Диаса Валеева о казанском бессребренике Асхате Галимзянове, который сам с семьёй живёт в трущобах, в бедности, но все заработанные в свободное время средства отдаёт детям. Он стал героем валеевского трактата «Третий человек, или Небожитель», как пример мегачеловека, который живёт не сиюминутной выгодой, не классово-клановыми интересами, но высшими ценностями, как он их понимает.

Усилия Валеева не прошли бесследно: Горсовет, а позже и Совет министров республики приняли по Галимзянову отдельные решения, возчика-мецената оставили в покое. А в дальнейшем даже дали ему двухкомнатную квартиру, представили к ордену... Помнится, Диас Назихович водил меня в те годы знакомиться с этим чудиком, эдаким Дон Кихотом базарных задворков, привыкшего прикрываться маской юродивого, чтобы я написал о нём очерк. Но у меня так ничего и не вышло. Не моя тема. Да и не разглядел я в Асхате Галимзянове, как ни старался, того человека будущего, которого увидел в нём Диас Валеев.

...Окружающий мир всегда относился к Валееву странно. Восемь спектаклей по его пьесам были насильственно приостановлены или запрещены. Четыре раза неизвестные угрожали ему убийством, дважды предпринимались попытки упрячь его в психбольницу. При этом в глазах общества он представал эдаким везучником, несправедливо обласканным судьбой. Сам он считает, что мегасоставляющая его духа настолько выламывалась из обычного ряда, что обывательская среда имела основания для его неприятия.

Из «Литмастерской» Диаса Валеева вышел добрый десяток членов Союза писателей, в том числе и автор сих правдивых строк, однако многие из бывших его учеников теперь считают, что своим становлением обязаны исключительно себе самим. Нашлись среди них и такие «мастера», кто в малом либо по-крупному предал своего наставника. Тем не менее, многим именно Диас Валеев помог с изданием первых книг или с выходом первых публикаций. Как говорится, Бог им судья.

Не от одного меня, но и от многих современников, словно облако каких-то предубеждений застигло истинный облик Диаса Валеева. Для татар он оставался чужаком, который пишет на языке колонизаторов. Русские тоже не признавали его своим – фамилия-то татарская. Ещё сложнее было отношение к его проповедям. Ещё бы, казанский пророк предлагает человечеству новое прочтение версии Бога? Что же, он ставит себя в один ряд с Заратустрой, Иисусом, Мухаммедом? Да по нему психушка плачет!..

Даже уйдя в некое добровольное затворничество, почти не показываясь никому, Диас Валеев продолжал вызывать непонимание.

И вот в конце девяностых Диас Валеев опубликовал роман «Я». Он писал его тридцать пять лет. Во всяком случае, первые наброски автор датирует 1962 годом. Так долго Валеев пытался сложить в единое целое разрозненные куски своих философских набросков, биографических записей и культурологических заметок. Пока, наконец, не нашёл сюжетного приёма, который позволял соединить в целостный художественный замысел чуть ли не всё написанное и передуманное за всю сознательную жизнь.

Действительно, Диас Валеев поместил в роман «Я» все излюбленные сюжеты, начиная от первого опубликованного рассказа «Вокруг земного шара». Эпизод, основанный на реальной житейской истории (очевидно, самого автора), стал и сюжетной завязкой первой его драмы «Сквозь поражение». Его он использует снова в своём первом (и последнем – всю жизнь писавшемся) романе «Я», чтобы познакомить своего героя-двойника Булата Бахметьева с Ниной Араповой.

Тема двойничества возникает в романе, как и в «Карликовом буйволе», только на более высоком и глубоком уровне... Диас Валеев строит свой роман о Бахметьеве, где самого себя выводит под своим именем в качестве одного из главных героев. Они учились на одном геологическом факультете Казанского университета, ходили в одно литобъединение при музее Горького, попали в одну поисково-съёмочную партию в Горной Шории.

А потом с Бахметьевым стали происходить страшные вещи. В реальной жизни они могли произойти и с Валеевым, попавшим в те годы на крючок КГБ. К счастью, в жизни автор избежал сумы и тюрьмы, зато пустил по кругам ада своего Бахметьева, который тридцать лет провёл в следственных изоляторах, тюрьмах, лагерях. «... Бахметьев мой двойник. Его Я было словно моим Я. Но имелось между нами и отличие. Если я в раздумье останавливался перед водным потоком, он тут же бросался в него. Если я был на свободе, он пребывал в тюрьме. Если я останавливался в растерянности перед образом Либертуса, в частности из прямого страха смерти, он, не задумываясь, осуществлял этот замысел. Если я выдвигал идею нового Сверхбога, он не задерживаясь на этом, шёл уже проповедовать его».

Перед своим исчезновением в 1964 году Бахметьев передал Валееву на хранение рукописи. Разбирая черновики пропавшего друга, автор сам стал писать о нём роман-расследование, роман-воспоминание. Но разрозненные черновики никак не складывались в целое. Три линии сюжета никак не могли слиться воедино. Во-первых, это задуманная Бахметьевым-Валеевым сага о Либертусе и Люцифере – двух вечных антиподах, персонажах,

сотворённых иерофантом Тотом, первым поэтом на Земле.

Во-вторых, Бахметьев задумал роман о своём отце, сгинувшем в фашистских застенках. Сын встречается с оставшимися в живых свидетелями, которые знали отца по подполью или могли быть повинны в его гибели. Тут роман Диаса Валеева переходит в драматическую форму, имитирующую магнитофонные записи бесед Бахметьева с предателями отца.

Третьей линией романа стала история любви Бахметьева. В онкологическом диспансере под стенами Казанского кремля (там ранее была тюрьма, куда в 1887-м привезли после ареста Володю Ульянова, а в 1937-м уже отца Бахметьева) теперь умирает от саркомы его жена Гюльназ. Она не хочет ждать страшной мучительной смерти, поэтому просит Булата принести ей несколько упаковок различных снотворных препаратов... Но странное дело: пока я продирался сквозь хорошо известные мотивы творчества Диаса Валеева, свирепея от бесконечных повторов и скучая на много-речивой эссеистике, я не заметил, как судьба Бахметьева меня действительно увлекла и поманила за собой, как и самого автора. Взрыв озарения и катарсис сопереживания герою случился в четвёртой части романа, когда Бахметьев через тридцать лет вернулся в Казань и посетил Диаса Валеева. Он уже знал, что обречён, чувствовал, что за ним охотятся агенты древнейшей тайной организации, которой не понравился роман о Либертусе – воплощении мечты по бесконечной свободе человеческого духа. И всё же Бахметьев идёт прощаться с Ниной Араповой, которая все эти годы ждала его в Лядском саду, как они договаривались во время своего

давнего путешествия «Вокруг земного шара». Идёт, чтобы сказать ей столько лет ожидаемое «я люблю». И погибает...

Над заголовком «Я» знакомые за глаза подсмеивались, дескать, Диас Валеев в своём репертуаре – от скромности не умрёт. Но я, дочитав роман, вдруг открыл для себя совсем другого Валеева! Двадцать лет каждый год я перечитывал «Мастера и Маргариту» – настолько был увлечён посмертным булгаковским романом... А теперь готов был сравнить с ним «Я» – по глубине и масштабности замысла. Что и сделал, помнится, на страницах «Республики Татарстан». Тут и надо мной знакомые стали подсмеиваться...

Драма диасической драматургии как составной части творчества Валеева, на мой взгляд, состоит в том, что в другой стране, в ином столетии новое поколение читателей её для себя ещё не открыло. Да и неизвестно, откроет ли когда-нибудь. Возможно, она так и останется лишь страницей советской литературы, отечественной драматургии.

«По метрическому свидетельству я татарин, родной язык у меня русский, первая моя книга вышла на украинском языке, а сам я, возможно, испанец, – так начинается его завещание “Последнее слово”. – Впрочем, я ни в чём не уверен до конца... Четыре народа тем не менее – татарский, русский, украинский и испанский – вправе считать меня своим писателем. Если захотят или если в том возникнет необходимость, продиктованная внутренним развитием этих наций и нуждой в дополнительной духовной опоре. Сам я себя считаю татарским художником...».

► Галина Булатова

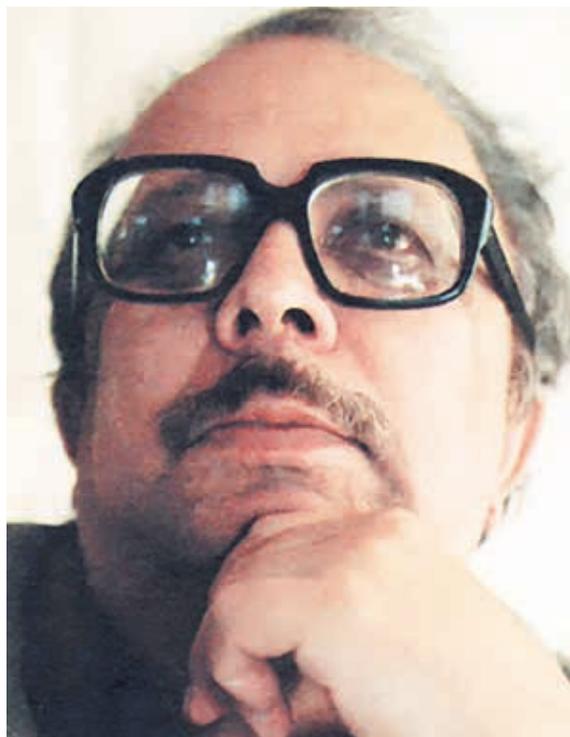
ЧИТАЯ ВЕЛИКУЮ ДУШУ ТВОРЦА

В 2008-м году мне попал в руки двухтомник «Уверенность в Невидимом», изданный в Казани. Тогда я ещё не знала, что его автор – Диас Назихович Валеев – известный прозаик, драматург, философ, эссеист, человек удивительно интересной и сложной, во многом трагической судьбы. Открыв ту, в кожаном коричневом переплёте с серебряными буквами прекрасно изданную книгу, я уже не могла от неё оторваться. «Человек порой духовно воссоединяется с будущим задолго до реального соединения», – писала я в своей тетрадке слова Диаса Назиховича и понимала, что

прикасаюсь к чему-то громадному, всеобъемлющему, вызывающему дрожь открытий. Надо сказать, что незадолго до случайного (случайного ли?) обнаружения двухтомника я прочитала «Розу Мира» Даниила Андреева. Было очевидно, что литературно-философское течение, по волнам которого я уже неслась, подарило мне алые паруса в лице Диаса Назиховича и его путеводных книг.

Глубина и объём написанного (а вслед за «Уверенностью в Невидимом» я с удовольствием «проглотила» романы «Я» и «Астральная

любовь») заставляли меня удивляться всё больше и больше. «Человек может и должен сам, не полагаясь на чудо и авторитет, выбирать между добром и злом... только в этом постоянном выборе, в постоянном поиске выхода из лабиринта и проявляется его человеческая сущность...». «Границы искусства, как и границы государств, требуют тщательной охраны. Но есть ли часовые на его границах?». «Вся история философии – это путешествие по стране гениальных метафор, обнимающих собой мир». Нравственность, искусство, философия – во всём автор являл себя ярко и

доходчиво. Когда же я осознала, что Валеев совершил переворот в моём мировоззрении теорией мегачеловека и Божественного Абсолюта, то мне захотелось написать ему и поблагодарить от всей души, ибо очень мало на свете книг, созданных именно для нас, способных раскрыть и объяснить нам мир, объяснить в некотором роде себе самих себя.

Так началось наше общение с Диасом Назиховичем. Он ответил на письмо, поблагодарил за неравнодушие и поддержал мою надежду, что когда-нибудь я смогу приехать в Казань (тогда я жила в Тольятти – прим. автора.) и пообщаться с ним лично. Повод приехать и даже переехать в Казань вскоре нашёлся. Кроме того, я давно мечтала иметь котёнка, а кошка Валеевых совсем недавно окотилась, и Диас Назихович говорил, что был бы рад подарить мне котёнка.

2009-й год. В памяти отпечатались скромная обстановка квартиры Валеевых на улице Груздева, радушие Дины Каримовны, супруги Диаса Назиховича, и необыкновенно внимательный, с затаённой грустинкой взгляд человека, пришедшего с обложки книги, человека-легенды – так виделось и ощущалось мной.

...Диас Назихович рассказывал о трудной судьбе своих произведений, о сложных взаимоотношениях в среде литераторов, о политической и властной составляющей жизни, которая часто становится лакмусовой бумажкой человеческих отношений... Не о том ли его мысли из «Уверенности в Невидимом»: «Часто, например,

говорят, что стало уже банально-стью: «Власть портит человека». Нет, власть не портит, а лишь выявляет в человеке те качества, которые в других условиях были незаметными, существовали не как действительность, а как возможность?» Многие было поведано, многое почерпнула из его книг...

«Освобождение от Бога в его старых формах, древних языческих, присущих микроэпохе, или формах, найденных шестью основными мировыми религиями в макроэпоху, есть обретение Бога в формах, адекватных текущей современности, адекватных новой колоссальной эпохе мегамира». Я вчитываюсь снова в эти слова, рассматриваю зарисованную мной из книги схему религиозных учений каждого времени.

«Все традиционные религии несут в себе мотив страха. Все боги зывают к человеку: «Уверуй в меня!». Идея таких взаимоотношений между человеком и Богом – уверуй, покорись, признай меня как Высшее начало – резко звучит и в индуизме, и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе... И нигде Бог не говорит человеку: «Поднимись! Стань лучше! Стань выше!» Нет, всюду непременно один и тот же вопрос: «Уверовал ли ты в меня?» Религия Сверхбога задаёт человеку другой вопрос: «Поднялся ли ты, человек? Возвысился ли над собой, вчерашним? Стал ли выше, чем был сегодня утром?»

Несколько раз мы посещали Диаса Назиховича вместе с поэтом Эдуардом Учаровым, говорили о религии и философии, науке и поэзии. Волнительно просматривался светлый горизонт нового времени, куда показывал Диас Назихович:

«Впереди состояние сознания, когда наука станет полностью “обожена”, а понятие Бога, Небога, или Абсолюта, полностью “онаучено”. Панрелигия будущего – универсальная философия, контуры которой я пунктиром намечаю, очевидно, воспользуется всем полезным и необходимым, что накопили предшествующие мировые религии, оккультизм, астрология, науки, мистический опыт, искусство».

Да, и искусство тоже. Искусство как часть творчества, которое по своей природе шире и глубже: «Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы. И здесь ещё одно отличие от традиционных религий: основной путь к Богу в них – молитва, слово. Молитва остаётся и в религии Божественного Абсолюта. Но, возможно, главный путь к Сверхбогу – делание, поступок, творчество, производство».

И вставал вопрос: как современники, соотечественники воспримут откровение человека, покусившегося на святая святых – догмы традиционной религии? В романе «Я» автор выдаёт потрясающую по своей пронзительности мысль: «Нет пророка в своём отечестве, и это истина. Нет его и в своём времени. Можно представить своему ближнему право на прочтение одного слова, строчки. В крайнем случае, абзаца или страницы. Но дать право на новое прочтение всей книги бытия?.. В высшем смысле всякое настоящее творчество новых ценностей есть всегда преступление. За него отступников наказывают сурово и беспощадно».

Невозможность до конца понять, осмыслить гигантскую фигуру философа-эссеиста, политика сдерживания публикаций его произведений, интриги, зависть, преследования – всё было (так и хочется крикнуть: доколе?) в судьбе Диаса Назиховича. Как трагически звучит его голос в романе «Чужой, или в очереди на Голгофу»: «...Я пытался доказать – кому, неизвестно, – что справедливость в мире всё-таки есть, что и совершенно одинокий человек в ратном поле тоже воин. Всё это время я бился, наверное, не только за своё писательское достоинство, не давая его растоптать, смешать с грязью на глазах у всех, но и за достоинство художника вообще. Я пытался доказать – кому? зачем? – что над художником нет на земле другой власти, кроме власти его собственной души, Бога, истины. И что же в результате? После всего пути, который я прошёл, мне в миг моей победы открыто и нагло плюют в лицо и предлагают поднять руки вверх. И моя победа тем самым должна превратиться в моё поражение?! И в поражение тех, столь же одиноких, кто встал на мою защиту? Кажется, я не дал никому ни

малейшего повода думать о себе низко, но на сатанинском уровне бытия иные, не низкие мысли, вероятно, просто не существуют». И – как выдох – далее: «...легче поднять плугом целину, чем вспахать окаменевшую твердь стылой человеческой души».

Безусловно, «счастье, добро, истина – это прежде всего победа», но «доброта, мягкость и честность не стоят ни черта, если за ними не стоит сила» – это признание лирического героя из драмы «Сквозь поражение».

Верится, что не за горами то время, когда учение и наследие Диаса Валеева будет с благодарностью принято и осмыслено потомками. Да услышится голос человека, который осмелился озвучить приближение новой, объединяющей религии человечества, религии в самом широком смысле этого слова. «Некоторые идеи, как некая инфекция, передаются из века в век. Возможно, над землёй распростёрта некая аура сознания, принадлежащая жившим некогда на ней пророкам, колдунам, мыслителям, художникам, философам, и высказанные

идеи живут в ней вечно и носятся по просторам Вселенной как некие вещи бессмертные птицы?»

Как коротка человеческая жизнь! Время Диаса Валеева – это «Время Солнца».

*Время дадено для Солнца казначеем
От начальной до последней жизни дольки.
От восхода до заката ровно столько,
Сколько нужно, чтоб исполнить назначение.*

Но со мной остаются светлые, жизнеутверждающие книги Диаса Валеева. Его беседы и внимательный взгляд уставшего, но не сломленного человека. Эта маленькая квартирка на 3 этаже на улице Груздева в Казани, где память о своём муже бережно хранит Дина Каримовна Валеева, пытаюсь пробить глухую стену непонимания и равнодушия высоких инстанций, всё ещё надеюсь, что издательство выполнит данное несколько лет назад обещание издать книги Диаса Валеева... И чёрно-белый пушистый подарок Диаса Назиховича по имени Марфа... ■

2011, 2018

► Владимир Лавришко

Родился 29 февраля 1944 года в Казани. Окончил Казанский медицинский институт. Член Союза писателей Татарстана. Лауреат Державинской премии 2005 года. Автор книг «Перевод с глухонемого», «Слеза на лице», «Занозы в памяти», «Любовь, которую придумали русские», «Холодный дом Антона Чехова».

ДИАС ВАЛЕЕВ: его дело и его место

ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ И ГЛЯНЦА (в сокращении)

*...Ты никогда не задумывался над проблемой – человек и его дело?
Не задумывался, что происходит с человеком, если дело крупнее его?
И что происходит с делом, если человек мельче его?
Диас Валеев «Дарю тебе жизнь».*

Некоторые вещи обретают своё подлинное значение только в свете дальнейшего знания. Как-то летом, в году, если не ошибаюсь, 1969-м, я провожал поздним вечером Диаса Валеева, зашедшего ко

мне на огонёк. Жил я в то время на тихой окраине улицы Пушкина, метрах в двухстах за зданием обкома партии. Диас был на шесть лет старше меня, опубликовал пару-тройку рассказов в «Комсомольце Татарии»,

где он тогда работал, но дальше этого дело никак не шло. Возможно-сти издать книжку не предвиделось даже в отдалённой перспективе... За невесёлым разговором мы обогнули молчаливую тёмную громаду

цитадели власти, где на самом верхнем этаже светилось одинокое окно. Диас поднял глаза и саркастически произнёс: «О нас думают!». Помолчали. Каждый о своём. Потом запнувшийся было разговор наш потёк по накатанной колее. Не помню уж по какому поводу я оборнил вычитанную где-то фразу: «Лучше временно унизиться, чтобы в конце концов победить, чем победить таким образом, чтобы победа эта привела к бесконечным унижениям». «Как? Как?» – переспросил Диас. Я повторил и благополучно забыл об этом.

Всё вдруг всплыло в памяти спустя сорок лет, когда, читая книжку Александра Воронина «Драма диасизма», я наткнулся на следующий пассаж: «В Комитет государственной безопасности, что по-прежнему располагался на улице Дзержинского у парка Чёрное озеро, Диаса Валеева пригласили по телефону, без повестки. Просто позвонили в редакцию, назначили время. И беседовали два полных дня». Далее следовала воспроизведённая слово в слово объяснительная записка приглашённого на беседу: «Я, Валеев Диас Назихович, в конце января – начале февраля был приглашён в Казани в Комитет государственной безопасности по вопросам, связанным с моим творчеством... Состоявшиеся беседы были для меня неожиданными и заставили о многом задуматься. Считаю, что беседы эти были полезными и нужными... Сам же тон разговора, в котором я почувствовал обеспокоенность за мою судьбу, я воспринимаю как доверие ко мне, молодому прозаику...» Подпись и дата – 4 февраля 1969 года.

Да-да, точно! Это был 1969-й год! Всё ярко всплыло в памяти: одинокое горящее окно в цитадели власти, сарказм Диаса и его неожиданно

острый интерес к моей фразе, брошенной вскользь... А потом у Диаса вдруг словно плотину прорвало: в 1971-м – премьера пьесы «Суд совести» в татарском театре Галиаскара Камала, в 1972-м – постановка пьесы «Дарю тебе жизнь» в качаловском театре Казани, затем в Москве, а следом в доброй сотне театров по всей стране; попутно выходят книги в местном и московских издательствах, на автора посыпались весьма благожелательные рецензии маститых критиков... Диас... – виноват, Диас Назихович Валеев – превращался в живого классика.

В юности сходишься с людьми легко: иногда и не припомнишь потом, как и где с человеком познакомился. Но знакомство с Диасом Валеевым могу датировать точно: произошло это в октябре 1968-го года на новоселье у редактора «Комсомольца Татарии» Николая Харитоновича, где собралась вся редакция знаменитой молодёжной газеты. Я же присутствовал там в качестве родственника, поскольку моя жена приходилась родной сестрой жене новосёла. Праздновали шумно, быстро достигнув того градуса, когда многогранно талантливого литсотрудника Юру Казакова усадили за пианино, и редакция дружно затянула блатные песни, бывшие в ту пору в большой моде у интеллигенции. Запевалой выступал сочинитель ядовитых фельетонов, задиристый, как воробей, Иван Волокитин. «Сижу на нарах, как король на именинах!..» – самозабвенно сверкая близорукими диоптриями на курносом носу, фальцетом выводил грозный фельетонист.

На меня, приبلудившегося родственника хозяина, к тому же, непьющего, особого внимания никто не обращал. Когда я, устав листать случайные журналы, в очередной раз

отправился на лоджию перекурить, там уже скучал ещё один непьющий и даже некурящий человек. Человек, назвавшийся странным именем Диас, был смугл, как индус, но на чистом русском, без церемоний поинтересовался, кто я, что я, где учусь, пишу ли и что пишу... Учился я в медицинском институте, писал стихи, иногда рассказы, но опубликовать успел к тому времени всего пару-тройку виршей да несколько газетных материалов. Рассказы Диаса Валеева не раз попадались мне на страницах «Комсомольца Татарии». Внимание почти классика, что и говорить, польстило. Мы проговорили на этой лоджии весь остаток весёлого новоселья, и собеседник потряс меня свободными обращениями то к Плутарху, то к Тациту, то к Платону, то к какому-то Замятину, о которых я, возросший в скудной интеллектуальной жизни между базаром и вокзалом, и слыхом не слыхивал. Уже одного этого хватало, чтобы смуглый эрудит, да ещё и обладатель совершенно нездешнего имени, меня заинтриговал.

Хотя и до того я знал легендарную историю его появления в «Комсомольце Татарии», поведанную мне самим редактором газеты. Однажды Коля Харитонов узрел сидящего на ступеньке Дома печати молодого человека, запикивающего в папку растрёпанную рукопись, которую ему только что вернули из издательства. Редактор же возвращался с совещания, где его просвещали искусствоведы в штатском. Говорилось на этом совещании в том числе и об одном отщепенце, на обучение которого государство потратило большие деньги, а он бросил свою геологию, нигде не работает, сочиняет мрачные рассказы с непонятной философией и – уж куда дальше! –

демонстративно игнорирует выборы в Верховный Совет СССР! И вот именно этот самый «отщепенец» сидел перед редактором Харитоновым на ступеньках Дома печати. Не то чтобы пригласить его трудиться в комсомольской газете, за три версты обходить бы его надо! Тем более, что тот уже года полтора не платил членских комсомольских взносов и не мог уже считаться по этой причине комсомольцем. Но талантливое перо газете было в ту пору не лишним. И редактор Харитонов отстоял перед обкомом комсомола кандидатуру «отщепенца». О чём впоследствии приходилось ему, впрочем, не раз пожалеть. Нет, материалами новообретённый сотрудник снабжал газету исправно. Но как-то не по-компанейски устранился от бурной жизни сплочённого коллектива, который готов был «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете!» Горячие творческие посиделки коллектива происходили зачастую и после работы. Иногда и за рюмкой чая. А Диас Валеев категорически не пил чая рюмками, имел на всё свое мнение и был до побагровения ушей упрям в отстаивании оногo. Среди журналистской порывистой братии, каждую секунду готовой сорваться с места и лететь куда угодно по делу или без, он отличался некой вальяжностью жеста и походки, какой-то осторожностью в общении с незнакомым собеседником – так сапёр обращается с миной замедленного действия.

Меня, только входившего в мир и по наивности считавшего, что человек человеку друг, товарищ и брат, Диас не раз удивлял неожиданными откровениями о несовершенстве мироздания и человеческого рода. Как-то он посоветовал посмотреть понравившуюся ему французскую киноленту «Пир хищников», в

которой фашистский офицер с университетским дипломом психолога ставил психологический эксперимент над компанией добропорядочных парижских буржуа, собравшихся приятно провести вечерок. Гуманный эсэсовец доверил им самим выбрать из своей компании двоих заложников, претендентов на расстрел. Вполне достойные и милые люди превратились в клубок хищников, грызущихся между собой в стремлении поставить к стенке своего ближнего!

Нет, Диас Валеев не был мизантропом, но при общении с ним ощущалась дистанция, некая стеклянная стена, а вернее сказать, окуляр микроскопа, в который он изучал собеседника с чисто энтомологическим интересом и скепсисом.

Впрочем, реалии советского бытия проникали в дом даже скептика. Тогда повсюду приветствовались социалистические соревнования с переходящими красными знамёнами, и Диас Валеев организовал внутрисемейное соревнование в поведении и успехах между двумя своими дочерями Диной и Майей. С вручением по итогам прожитого дня «дурацкого колпака» проигравшей. Думаю, больше всего он сам страшился обрести незримый «дурацкий колпак» неудачника. Подойдя вплотную к возрасту Христа, в тридцать три года был он всего лишь литсотрудником молодёжной газетки с девянosta рублями жалования, на которые ни разгуляться, ни семью с двумя детьми прокормить. В это время родной его брат, лишь несколькими годами старше, готовился защищать докторскую диссертацию, а двоюродный брат и ровесник Рустем Кутуй издал уже несколько книг в Казани и Москве...

Однако всего лишь девянosta-рублёвый Диас Валеев упрямо

ходил, пусть в изрядно потрёпанной, но неизменной шляпе, каковую обязательной униформой считали тогда для себя высокое начальство и деятели культуры (хотя, надо сказать, всё чаще ею маскировались стеснительные алкоголики). Никакой кепки или берета, бывших в фаворе у работников пера и пишущей машинки! До подобных головных уборов унизиться он себе не позволял. И вообще вставал на дыбы перед любым начальством в защиту собственного достоинства.

Хотя к журналистике своей Диас относился как чеховская кошка, которая с голодухи ест на огороде огурцы, размахом обобщений в своих материалах, социальным темпераментом он выходил далеко за рамки малоформатной провинциальной «комсомолки». Но отдавал газете время, лишь строго ей положенное. Без пяти минут до конца рабочего дня он, сложив бумаги аккуратной стопкой на одной стороне стола, а карандаши и ручки пристроив в пластмассовый стакан на другой, следил за минутной стрелкой на больших настенных часах, и ровно в пять, нахлобучив потрёпанную шляпу, покидал редакцию, что бы там ни горело в коллективном смысле. Сказать, что подобным поведением он заслужил поголовную любовь коллектива, было бы большим преувеличением. Сказать, что обыкновением, потеряв интерес к собеседнику, поворачиваться к нему спиной, оставив того на половине произносимой фразы, он приобрёл много ему симпатизирующих, было бы ещё бóльшим преувеличением.

Но ко всему этому Диас Валеев относился индифферентно. Прибрав редакционный стол, ровной походкой, никуда по пути не сворачивая, он в любое время года неизменно шёл пешком домой, вешал шляпу

на гвоздик, садился за пишущую машинку, которая не пропечатывала уже половины букв, задёргивал за собой линейку ситцевую занавеску и продолжал сочинять очередной роман, прерванный накануне на полупhrase, хотя и предыдущий роман благополучно был отправлен десятком издательств в корзину.

Мне не однажды приходилось бывать в его тогдашнем тесном жилище со всеми удобствами во дворе. Он упорно строчил на машинке, а его упорно не печатали. Как-то он доверил мне пухлую папку со своим машинописным романом. Роман был странный, действие происходило то в древнем Египте, то в древнем Риме, то в Париже времён Великой французской революции, а то вдруг возникал Муса Джалиль в моабитском застенке... Концы с концами не сходились, роман рассыпался на эпизоды, архитектоника не складывалась, не было ни сквозного действия, ни героя из плоти и крови, вещал с машинописных страниц некий абстрактный Либертус... Да, пожалуй, был это вовсе и не роман, а философский, слегка беллетризованный трактат, ибо романы держатся страстями, характерами, нравственными терзаниями и приключениями героев, а тут приключения происходили с идеями, с авторской мыслью, персонализированной этим самым Либертусом. Нельзя сказать, чтобы подобное повествование было в моём вкусе, но автор поразил меня богатейшей эрудицией и тем, что можно иметь свой взгляд на вещи, казалось бы, незыблемые, однажды и навсегда поименованные. Роман этот открыл передо мной, не особенно отягощённым в то время мировой, да и просто культурой, неисчерпаемые богатства античной литературы, философии, безграничные просторы мировой истории.

Диас Валеев упорно верил в свою великую миссию вразумителя человечества. Можно было относиться к нему как угодно, но личность с несгибаемым стержнем в нём чувствовалась сразу. Он обладал и неким даром внушения безотчётного уважения к нему... Даже на расстоянии. Однажды он, собираясь в Москву и намереваясь познакомиться там с писательницей Майей Ганиной, послал ей телеграмму на адрес, добытый в справочнике Союза писателей СССР, чтобы та его встретила на вокзале. Майя Ганина, автор нашумевшего романа «Сказание о зерне горчичном», была тогда в большом фаворе у критики и читателей. Диас Валеев был не известен никому. Но Майя Ганина пришла на вокзал...

Пишущая машинка за ситцевой занавеской продолжала упорно стучать. Кроме романов, рассказов и повестей появились ещё и две пьесы. Одна – «Охота к умножению», переведённая на татарский язык и получившая название «Суд совести», даже была поставлена в камаловском театре. Но ни славы, ни особых денег автору не принесла. И Диас Валеев продолжал ходить на опостылевшую ему работу.

В 1970 году я окончил институт и уехал по распределению работать врачом в Набережные Челны, где только-только разворачивалось строительство автогиганта на Каме. Редакция «Комсомольца Татарии» попросила меня быть собственным корреспондентом на этой знаменитой стройке. Журналисты, писатели, местные и столичные поэты не вылезали из камазовских командировок. КамАЗ не был зарифмован тогда разве что с «намазом». В моём общежитском жилище укладывалась на ночлег почти вся пишущая братия Казани, посещавшая Челны,

поскольку с гостиницами в Челнах был большой напряг. Поэтому, когда Диас Валеев попросил приютить его недели на две, я, уезжая в отпуск, привычно отдал ему ключи, полагая, что приедет он сочинять что-нибудь эдакое документально-эпохальное для газеты. Что он сочинил, я не знал. Но в один из моих наездов в Казань Диас Валеев сильно удивил меня и родную редакцию, явившись на работу в новой шляпе и новом пиджаке и веером выложив пригласительные билеты в качаловский театр на премьеру спектакля по его пьесе о строителях КамАЗа «Продолжение». Но ещё более он потряс родной коллектив, когда, небрежно усевшись на краешек редакционного стола, набрал номер одного из секретарей обкома партии: «Это говорит драматург Диас Валеев. Приглашаю вас на премьеру моей пьесы». Когда он положил телефонную трубку, откуда доносился голос, перед которым полагалось стоять навытяжку, а не сидеть на краешке стола, болтая ногой, редакция представляла собой почти немую сцену из гоголевской пьесы.

Потрясённый коллектив из любопытства премьеру посетил почти в полном составе. Приговор был однозначен: «Конъюнктура и халтура!» Была ли эта его пьеса конъюнктурой? Естественно. Иначе и быть не могло. Чтобы вызвать широкий читательский интерес, литературное произведение должно откликаться на самые животрепещущие запросы, злободневные проблемы. У Достоевского все сюжеты взяты из ещё не просохших от типографской краски газет.

Вскоре пьеса, переименованная главным режиссёром Владимиром Андреевым в «Дарю тебе жизнь», появилась в афише московского ермоловского театра. А вслед за ней и другая пьеса Диаса – «Диалоги».

Это стало началом восхождения Диаса Валеева на олимп литературного успеха, пьесы его пошли почти в сотне театров по всему Союзу, принося весомые гонорары и хвалебные рецензии... Но было это, видимо, и началом его человеческой драмы, которую он скрывал от чужих глаз, утверждая, что производственная пьеса – самая удобная для него форма философского и социального высказывания.

Однако вот передо мной письмо Диаса Валеева завлиту ермоловского театра Елене Якушкиной: «Разговор о третьей пьесе («Продолжение» – В.Л.) я понял как разговор людей, просто интересующимися друг другом, и поэтому обещал прислать. Дебютировать же в Москве я хочу или «Поражением» или «Охотой». Мне нужна не просто постановка в Москве, мне нужен крупный, ощутимый, веский успех. И прежде всего творческий... У меня двое детей. 95-рублёвая работа в газете, которой я вынужден отдавать все свои лучшие – утренние и дневные силы».

Письмо это опубликовал Александр Воронин в уже упоминаемой книге «Драма диасизма» при жизни автора. И, надо полагать, с полного его ведома. Извлечённая из архивной тьмы эпистола открыла Диаса Валеева даже мне, знавшего его довольно близко чуть не полвека, с совершенно неожиданной стороны. Я-то полагал, что он взял «ермоловцев», что называется, на абордаж под пиратским флагом производственной конъюнктуры. А оказывается, в ермоловском театре три года до этого лежали без движения две другие его пьесы – «Охота к умножению» и «Сквозь поражения», за которые он упорно, но тщетно сражался, отвергая навязываемую «производственную» премьеру.

Конечно, Диас Валеев мог и не давать столичному театру требуемую производственную пьесу, скроенную по расхожим лекалам. И ждать, и бороться дальше... Но ему было уже 33 года... Он согласился. И вдруг обрёл долгожданный успех там, где и не искал: пьесы его пошли по всему Союзу. Вместе с успехом пришли заметное общественное положение, литературный вес, безбедное существование и радужные перспективы. Было ли причастно ко всему этому известное ведомство на казанском Чёрном озере, как утверждают злые языки? Может быть, поэтому и заинтересовало его тогда неожиданным совпадением с его жизненной ситуацией процитированное мной изречение «Лучше временно унизиться, чтобы в конце концов...»? А может быть, он просто понял в доверительных черноозерских беседах, что сидят там не менее инакомыслящие, чем он сам. Ибо там, за непроницаемой даже для инженеров человеческих душ ширмой, руководили не только литературным, но всеми прочими процессами в стране. Там квартировали самые большие диссиденты Советского Союза, которые вели страну к переменам осторожно, поскольку, наученные горьким опытом Венгрии, вовсе не хотели оказаться повешенными на фонарях. Коммунистическая утопия разрушалась с двух сторон: с одной стороны, негласно поощряемые и высылаемые, якобы в наказание, за рубеж, поливали оттуда советскую власть помоями да набирались капиталистического опыта, а с другой стороны, надо было выпускать излишний пар, чтобы ситуация не взорвалась раньше положенного времени. И слово охотно давалось философствующим критикам-улучшателям: глашатаи и воспеватели трудовых

буден при стремительно пустеющих прилавках вызывали у народа не менее стойкое отвращение к советской власти, чем самые зловерные диссиденты.

Всё было продумано тонко и взвешено тщательно. За ширмой строго соблюдали пропорции. Ефремовскому МХАТу даже вполне безобидный «Старый новый год» Рощина не позволяли прежде, чем не обязали поставить какую-нибудь производственную пьесу. Ефремов поставил «Сталеваров» Бокарева. В портфеле ермоловского театра давно лежали не разрешаемые великолепные пьесы Вампилова «Старший сын» и «Прощание в июне». В афише они появились только после валеевского производственного опуса «Дарю тебе жизнь».

Когда в июле 1978 года ермоловский театр приехал на гастроли в Казань, в его афише значились две пьесы Диаса Валеева и две непроизводственные пьесы Вампилова. На диасовских «Диалогах» я тогда был. Поставлены они были донельзя халтурно, актёры на сцене словно отбывали повинность, но после спектакля Диас написал мне на программке: «Сегодня хороший вечер!» И расписался. Держал ли он просто этот удар или его на самом деле всё устраивало? Трудно сказать. Таковы были правила игры, и Диас Валеев их принял. Кто его осудит? Что было бы, если бы он заартачился? Нет, едва ли его бы посадили. Да и за границу бы не выслали – не еврей же, кому он там нужен? Но вот схлопотать «психушку» и стать городским сумасшедшим со своими странными философскими романами он бы вполне мог. А так во благовремени они были изданы. Так что ничего плохого, кроме хорошего, ГБ ведомство Диасу Валееву не сделало, если оно действительно к сему причастно.

Статус литературного мэтра дал Диасу Валееву возможность щедро помочь и другим. И он эту возможность, в отличие от прочих, использовал на полную катушку. Организовав при «Комсомольце Татарии» литературную мастерскую, он поставил на крыло не менее десятка птенцов, помог им обрести литературное имя и издать первые книжки. Такого не сделала вся, так называемая, русская секция Союза писателей Татарии за всё время своего существования. Стараниями Диаса Валеева не канул в небытие талантливый, но непутёвый поэт, его старший товарищ по литобъединению при музее Горького, Юрий Макаров. Диас Валеев пробил своим авторитетом выход в Татарском книжном издательстве его первой книги. И находил спонсоров для выхода последующих, когда времена сменились, а Макаров особо бедствовал. Помог в своё время Диас Валеев и мне, хотя никакой его литературной мастерской я не посещал. Он провёл мою многострадальную поэму «Узел связи», которую лет семь поливали помоями, как антисоветскую, через русскую секцию Союза писателей Татарии, без благословения которой издательство первую книгу автора не принимало. Так что началом литературной биографии я обязан и Диасу Валееву.

Невзирая на своё, теперь вполне генеральское место, в литературной табели о рангах, Диас Валеев не забронзовел, стал только менее саркастичен и язвителен, но много более уверен в себе, безапелляционен, социально активен. То он летел к открывателям большой сибирской нефти на Самотлор, то вызволял из тюрьмы невинно осуждённого, обратившегося к нему с письмом (и вызволил!), то писал о никому ещё неведомом благодетеле Асгате Галимзянове, которому стоит теперь под Казанским

кремлём памятника, то выступал против национализма, по сути оказывая этим националистам большую услугу, выводя национальную проблему в Татарстане в сферу гласности, то открывал миру очередного гения, на этот раз живописца...

А времена менялись. Но и в новое время он не переставал удивлять особостью взгляда на происходящее: герой его последней, так и не поставленной пьесы, имел большое родимое пятно на лбу и говорящую фамилию Ворвачёв, будучи при этом ставленником ЦРУ. Многих видных деятелей мировой культуры и науки Диас считал величинами дутыми. Солженицына ничтоже сумняшеся называл лагерным стукачом. Он и Мусу Джалиля, что совершенно уж кощунственно для Татарстана, назвал как-то в беседе со мной предателем. Сам Диас, невзирая на пламенные клятвы, данные на Чёрном озере, быть отныне и навсегда настоящим советским писателем, после провала театрализованного путча ГКЧП демонстративно сжёг свой партбилет.

Незадолго до смерти он как-то спросил меня, покупаю ли я книги? «По мере возможности», – сказал я. «А я давно уже нет», – Диас кивнул в сторону стола, под которым высилась изгнанная с почётных мест в шкафах книжная гора. То ли одним из первых он ощутил близкий конец эпохи Гутенберга, то ли пахнуло на него заокеанским жаром в 451 градус по Фаренгейту, то ли к концу жизни он разочаровался в литературе... Сам он уже несколько лет как не писал. Хлопотал только об издании своего семитомника, главным в котором считал своё учение о трёхипостасном человеке и о Сверхбоге. Устраивало ли Диаса Валеева его место

в большой политической игре? Типично диасвалеевский «проклятый» вопрос о человеке и его месте. Что бывает с человеком, когда занимаемое им место меньше его? И что с ним происходит, когда он меньше занимаемого места? Пожалуй, Диас Валеев был всё же поболее отведённого ему места. Но времена эпохи Просвещения, когда поэтов и писателей делали министрами и губернаторами – увы! – давно миновали. На выборах в первый демократически избираемый Верховный Совет его с треском «прокатили»... Мавр сделал своё дело, мавр может уйти. И этот удар он перенёс внешне спокойно, иронически улыбаясь.

Был он философом более, чем беллетристом, а у Канта, как известно, существуют «вещь в себе» и «вещь для нас». «Вещь для нас» Диаса Валеева могла жить в полученной, наконец, двухкомнатной квартире, затем в трёхкомнатной, потом в четырёхкомнатной в престижном доме, а под конец жизни, поменяв её для дочери и внуков, снова в двухкомнатном вагончике хрущёбы с неработающим телевизором и продавленными креслами, оставаясь той же независимой личностью. Но какой «вещью в себе» был Диас Валеев? Помнится, однажды в разговоре с ним я охарактеризовал в сердцах некоего знакомого литератора одним словом: «Фашист!» Диас иронически сощурился: «Ну, а я, по-твоему, кто такой?» Я отшутился: «Вскрытие покажет!». Вскрытие ничего не показало. Диас Валеев завещал после смерти сжечь себя, категорически запретив касаться его тела прозекторским скальпелем. Не станем касаться и мы. Он уже перед тем единым Сверхбогом, которого он проповедовал, и который, будем думать, во всём разберётся. ■

► Дина Валеева

► Дина Хисамова

► Майя Валеева

«ДИАС ВАЛЕЕВ НИКОГДА НЕ БЫЛ КОНЪЮНКТУРЩИКОМ...»

Ответ на статью В. Лавришко «Диас Валеев: его дело и его место»

Статья Владимира Лавришко о Диасе Валееве, которую он показал супруге писателя, вызвала у Дины Каримовны самые противоречивые чувства. Некоторые факты просто надуманы, а иные даже провокативны, считают супруга, а также дочери писателя Дина Хисамова и Майя Валеева. Их ответ на статью, присланный в редакцию журнала, – жест защиты чести и достоинства писателя и его семьи.

*...Гиены никогда не пойдут на прямую атаку, пока их противник жив и силён. Но львы и гиены существуют не только в африканских прериях...
Львы и гиены живут среди нас...*

Майя Валеева

Диас Валеев был необыкновенным человеком – вероятно простым, доступным для общения, очень добрым, в чём-то наивным, уязвимым перед подлостью и предательством, с другой стороны – недостижимым по типу своего мышления, интеллекту. Тем самым часто вызывал зависть, с которой не могли совладать даже ученики, те, кому он протягивал руку помощи, поддерживая в жизненных ситуациях и на творческих дорогах. Некоторые из них становились завсегдаями нашего дома, гостеприимно открытого для многих...

Владимира Лавришко, автора «юбилейной» статьи, явно мучает и через столько лет вопрос: как же случилось, что Диас Валеев сумел пробить стену и выбился в первые ряды современной литературы? По мнению Лавришко, без соответствующих органов тут не обошлось. Диас Валеев никогда не скрывал факта, что с ним проводили разъяснительные беседы на тему «очернительства советской действительности», вот и Лавришко ссылается на книгу Александра Воронина «Драма диасизма», в которой опубликована записка Валеева от 1969 года. Вся неприглядность в том, что автор опуска

выдёргивает из контекста цитаты и извращает смысл события так, как это хочется видеть ему самому. Самое чудовищное, что, по мнению Лавришко, Диас Валеев чуть ли не стал сотрудничать с КГБ! Автор примеривает к Диасу Валееву фразу, что «лучше один раз унизиться, чтобы потом победить», и предполагает, что писатель сделал именно такой выбор.

Автор проводит вопиющую по дерзости мысль о покровительстве «органов», без которых, якобы, было невозможно «восхождение», и о конъюнктурности валеевских

пьес, поставленных в десятках театров СССР. Оказывается, писатель своими производственными пьесами лил воду на мельницу недругов страны, тем самым разжигая ненависть к строю и исподволь разрушая его!

Но жизнь и судьба валеевских произведений после этого эпизода с КГБ вовсе не менялась в течение ряда лет и не была связана с ним никак. На КамАЗ он поехал по собственной воле, по убеждённости быть на «горячих точках» кипения жизни, по стремлению понять и увидеть людей, за тысячи километров приезжающих на новые стройки. И это было в судьбе Валеева не впервые. Ещё будучи студентом геологического факультета Казанского университета, он, чтобы набраться настоящих жизненных впечатлений, взяв «академку», уезжал для работы на Магнитку, в Казахстан... Это тоже была конъюнктура или сбор материала для «производственных» произведений? Это был поиск Человека, Характера! Диас Валеев никогда не был конъюнктурщиком, всё созданное им – о сильном, необычном человеке, и главный вопрос его произведений – что сильнее: человек или обстоятельства? Этот материал он искал повсюду – и на грандиозных советских стройках в том числе!

А что касается «органов», то хотелось бы в связи с этим вспомнить эпизод, ставший водоразделом в отношениях Диаса Валеева с близким другом, который однажды признался ему в своём сотрудничестве с КГБ и в том, что он занимался доношением на молодого писателя. Этот разговор стал последним в их дружбе. Диас Валеев расценил это как предательство и более никогда не подавал ему своей руки.

Невозможно примириться с ещё одним тезисом статьи об отношении писателя к Джалилю: якобы Диас Назихович называл Джалиля предателем. Валеев всегда восхищался Джалилем, который, зная о казни, в камере создавал стихи о любви к Родине и жизни! Почитайте его пьесу «День Икс», она о Мега-человеке Джалиле!

Следующий вымысел – о том, что после ГКЧП Диас Валеев сжёг свой партийный билет! Диас Валеев никогда не мог сделать такое! Он не билет сжёг, а вышел из КПСС, когда понял, куда ведёт страну Горбачёв. И сделал это гораздо раньше, чем случился ГКЧП. Свой билет коммуниста он сдал в архив с другими своими документами.

Автор статьи также намекает, что Диас Валеев завидовал своим сверстникам и старшему брату, которые к 33 годам достигли немалых успехов, а он всё ещё продолжал оставаться «неудачником» (где же тогда роль КГБ, такая «благоприятная» для Д. Валеева?). Но Диас только радовался успеху близкого человека, первым звонил, поздравлял, писал рецензии... Он никогда никому ни в чём не завидовал.

И все другие пассажи, которыми Лавришко щедро «украшает» статью – «история о шляпе», о работе в «газетке» или «газетёнке» (между прочим, речь идёт о республиканской молодёжной газете «Комсомолец Татарии», работа в которой никогда не была для Валеева «опостылевшей»), невероятные измышления о «дурацком колпаке» – кажутся досадными уколами в адрес писателя и его семьи. Яд, сарказм, двусмысленные намёки, попытки унижить и принизить человека и

писателя, явные претензии на «обличительность» материала пропитывают буквально всю ткань статьи. Хотя нельзя не признать, что в ней имеются отдельные интересные мысли о творчестве Диаса Валеева, но это немногое положительное тонет то в одних, то в других некорректных домыслах автора.

Мы, семья писателя, здесь не пытаемся оправдаться после клеветы, мелкими стежками которой прошита практически вся статья, потому что писатель не нуждается в оправдании, это слишком мелко и недостойно его памяти. Мы призываем читателя изучать первоисточник – произведения самого Диаса Валеева. Там есть всё – и позиция писателя, и его жизненное кредо, и кристальная честность, и обострённое чувство справедливости...»

Дина Каримовна Валеева, жена писателя, кандидат искусствоведения, член Союза художников СССР, член Союза художников России в Республике Татарстан, член Ассоциации искусствоведов России, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан;

Дина Диасовна Хисамова, дочь писателя, кандидат искусствоведения, член Творческого союза художников России в Республике Татарстан, член Ассоциации искусствоведов России, заместитель директора Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан по науке;

Майя Диасовна Валеева, дочь писателя, член Союза писателей СССР, член Союза писателей Республики Татарстан, лауреат литературной премии Республики Татарстан им. Г.Р.Державина. ▀

Родился 13 декабря 1951 года в Казани. Окончил Казанский финансово-экономический институт. Член Союза писателей РТ. Автор пяти книг прозы – «Прощание с ангелом» (1991), «Странные истории» (1998), «Конец лабиринта» (2001), «Беглец» (2007), «Веретено» (2016). Лауреат премий им. М. Горького и Г. Державина. Долгие годы посещал литературное объединение при музее М. Горького, которым руководил Марк Зарецкий.

Рустем Сабиров

ЛОВУШКА ДЛЯ МИЧМАНА ФАБИАНА

Из романа «Сказание
о Летучем Голландце»

Ее звали Ортанз, Ортанз Ламбер, французенка-гугенотка из Лангедока. Их немало было тогда на Манхэттене, где я служил в ту пору. Она обреталась в заведении под названием «Пансион мефрау¹ ван Зейль». На самом деле, никакой то был не пансион, а обыкновенный бордель. Правда, дамочки, коих принято было именовать воспитанницами, помимо основного ремесла заняты были также вышиванием лентами или бисером, игрой на мандолине или на фисгармониях в четыре руки, умели играть в фанты, гадать на картах, толковать сны и танцевать контрданс и кадрили.

Бывало, стоило мне свистнуть, да-да, именно свистнуть, причём, этак по-особому: вот так «тиу-фью-фрр»! — она бросала свои ленты, пальцы, карты, даже мимолётных кавалеров и кидалась ко мне на колени. У неё даже прозвище было Сиффлэ². Чёрт побери, ведь я любил

её. Я верил в то, что в блудилище она попала в силу рокового стечения обстоятельств, каких-то интриг и прочее. Хотя в самой глубине души понимал, что всё это не более, чем простодушное враньё, которое нашёптывают несчастные блудницы своим кавалерам. Я клялся ей, что как только отработаю контракт, получу деньги, так тотчас и вернусь вместе с нею во Фрисландию, в родной Харлинген, где у моего батюшки была прядильная мануфактура, и о её прошлом никто бы не узнал.

Возможно, так оно и было. Возможно. Но, как водится, случилось непредвиденное.

А случилось такое — могикане, жившие в прибрежных лесах на материке, переправились ночью на пирогах через пролив и дотла спалили посёлок Ауде-Дроп, что на острове Статен-Эйландт. Сожгли кальвинистский храм вместе с пастором и сторожем, перерезали скот, отравили колодцы, убили несколько человек. Англичане предпочли не вмешиваться, хоть и были осведомлены. Тогда наш пакетбот «Тритон», на свой риск и страх, разнёс

¹ Мефрау (mevrouw, голл.) – госпожа.

² Sifflet (франц.) – свистулька

из пушек их прибрежную деревню Сацкауэ. Дело обычное, но при этом погибла вся семья вождя могикан, а сам он потерял глаз. Это уже не шутка. Могикане такого не прощают. Миром уладить не вышло. Англичане дали понять, что это не их дело. Приключилась война. Раза два краснокожие даже пытались взять нас на абордаж, приходилось схватываться врукопашную. Мы тогда потеряли едва не треть команды.

Длилась заваруха месяца четыре. И вот в первый же день мира, когда нас отпустили на берег, чёрт меня занёс пьяного в игорный дом «*Dame de Pique*», где тамошние шулера обобрали меня до грошика. Даже позолоченные часы, подарок батюшки, остались там безвозвратно.

Ну а далее, как вы понимаете, ноги сами меня завели в тот почтенный пансион, где госпожа ван Зейль огорошила меня тем, что мадемуазель Ортанз Ламбер у них более не состоит и, более того, она уже месяца два, как не Ламбер, а мадам ван дер Хиден, жена почтенного торговца пушниной и корабельным лесом, двоюродного брата господина бургомистра. О её гривуазном прошлом говорить вслух было негласно запрещено. Однако госпожа шепотком сообщила, что почтенный ван дер Хиден уж три дня, как отбыл за Гудзон в факторию и, верней всего, воротится не ранее субботы.

Дом господина промышленника я отыскал быстро. Подгонял голод и мерзкое ощущение пустоты в карманах. Вообще, ветер в карманах всегда попутный, господа!

Дверь отомкнула пышная мулатка, служанка, с ворохом косичек и в кружевном фартучке. Я церемонно раскланялся и справился, изволили ли быть дома её госпожа. Та испуганно округлила и без того круглые, маслиноподобные глазёнки и попятилась, явив саму госпожу ван дер Хиден...

Клянусь вам, она выглядела как истинная аристократка бог знает каких кровей. Я вообще не думал, что на свете бывает такое. Однако пока я приходил в себя, Ортанз с радушной холодной улыбкой вывела меня в залу, где уже был, похоже, наскоро, накрыт стол, горели свечи. А возле стола стоял, скукожившись над какими-то бумагами, коротконогий, кудрый господин, весь в чём-то серо-зелёном, и коего

впору было бы принять за прислугу — конюха или кучера, ежели б не высокая треуголка с серебряным гербом Голландской Вест-Индской компании. Тут-то я понял, что явился совсем не ко времени.

— Дорогой! — звонко изрекла Ортанз, — дозволю представить нашего гостя, благородного моряка голландского флота Фабиана де Фриза.

Хозяин кивнул, от бумаг не отрываясь, а я ненароком подумал, донёсся ли до её супруга дух полгода нестиранного белья, дрянного табака, дешёвого бренди и вшей, ежели, конечно, вши имеют запах.

Затем господин ван дер Хиден отбросил бумагу, крикнув, откинулся в кресле, оглядел меня с ног до головы. Лицом своим он мне напомнил тролля из какой-то шведской гравюры. Я даже едва не прыснул.

Мне сесть не предложил, и я, постояв некоторое время, присел деликатно на краешек обитого лиловым плюсом пуфика. Хозяин оттопырил пухлую нижнюю губу, однако смолчал, лишь расстегнул ворот плаща, нацедил себе рома в узкий посеребрённый бокал и, к моему удивлению, выпил залпом не поморщившись. Мне он выпить, опять же, не предложил, и тогда, пожав плечами, я в точности последовал его примеру. Ром оказался дьявольски крепким, видно, портариканским. Господин ван дер Хиден же слегка изменился в лице: у него мелко задрожал слоёный подбородок, а полукруглая зальсина стала багроветь и покрываться пупырышками пота. Это позабавило ещё более.

Хозяин отставил бокал, бурно откашлялся в рукав и оборотился к супруге.

— Ортанз, душечка, ступай-ка наверх. Я вскоре буду пить бенедиктин, а к нему, ты знаешь, я предпочитаю арахисовое пирожное. Ступай. Впрочем, можешь не слишком торопиться. Ликёры, как ты знаешь, я раньше семи часов не пользую, а до того ещё почти полчаса времени. Побудь у себя.

Ортанз поднялась наверх, на полпути остановилась, глянула на меня и приподняла ладонь, что, как я понял, означало: «будь осторожен». Я успел заметить, что от внимания господина ван дер Хидена сие не ускользнуло.

Хозяин вновь откашлялся, на сей раз несколько делано.

— Итак, покудова хозяйка отсутствует, я хотел бы кое-что вам сказать, господин, как вас там...

— Мичман де Фриз, с вашего позволения. Фабиан де Фриз.

— Так вот, пока хозяйка занята... Я в курсе прежней жизни мадам ван дер Хиден. И во многих подробностях, уверяю. Слыхивал и о вас. И скажу коротко: вы немедленно встанете и покинете этот дом до прихода хозяйки. И ежели вы посмеете хоть раз явиться сюда ещё, я спущу на вас псов. Всех разом. Не искушайте судьбу, господин Никто. Настоятельно советую также вообще покинуть Манхэттен. Это положительно скажется на вашем здоровье.

Я, конечно, мог предполагать, что приём будет не слишком сердечным, однако такого не ждал. Честно говоря, просто растерялся. Бог весть, что бы я ответил ему — со мной, верьте слову, ещё никто этак не говаривал.

— Милый, — извини, что перебила, — Ортанз стояла посреди лестницы. — Но арахисовое пирожное закончилось. Если хочешь, я пошлю за ним Эмилию, она сбегает в лавку мадам Мейер и принесёт...

— Марш наверх, дрянь!!! — взревел ван дер Хиден и вновь зашёлся в приступе раздражающего лающего кашля.

— Отчего же, — я наконец подал голос, — эка беда арахисовые закончились. Тут других полно. Эй, душечка Сиффле...

— Вот что, господин де Фриз...

— Э, да вы вспомнили моё имя. Это обнадеживает...

— Видит Бог, я хотел всё уладить миром. Теперь не получится. Дуэль, господин Никто. Ду-эль!

— Извольте. Через полчаса я приду с секундантом.

— Через полчаса?! — ван дер Хиден разразился квохчущим смехом. — Это чтоб вы ускользнули с утра пораньше на вашу посудину и ищи потом вас свищи? Нет, господин Никто. Именно сегодня. Ждать долго не придётся. Сейчас придёт секундант, уж поверьте, человек проверенный. И я вам растолкую, как следует обращаться к моей жене, госпоже ван дер Хи-

ден! Впрочем, ежели вы попросите прощения, причём, громко и с чувством...

— Это как вам будет угодно. Но ежели вы ещё хоть раз назовёте меня господином Никто, я убью вас прямо здесь, без секундантов. Поверьте, не шучу.

Хозяин изобразил на лице ехидную гримасу, хотя, по всему виду, слова мои принял серьёзно.

— Ждите! — вымолвил он, нахлобучив шляпу. — Долго ждать не заставлю. А чтоб вы ненароком не расстроили меня внезапным исчезновением, я, с вашего позволения, спущу во дворе с цепи собак. Всех! Знаете, сколько их у меня? Лучше бы вам этого не знать. До скорого свидания, господин... де Фриз.

* * *

Дверь захлопнулась, негромко проскрежетал ключ. Вскоре двор впрямь наполнился безудержным собачьим лаем.

— Ну и что думаешь делать, mon amour? — спросила Ортанз, когда за хозяином затворилась дверь. — Только уж не пей больше!

— Да? А я как раз и намеревался выпить этого вашего забористого портариканского рому. Ты чертовски красива, Ортанз... Дальше? Дальше дуэль. Не бойся, убивать его я не буду. Прострелю ляжку и будет с него.

— Дуэль?! — Ортанз упёрла руки в бока, глаза её полыхнули восхитительной яростью. — Какая дуэль? Какая, к чёртовой бабушке, дуэль. Дуэли не будет. Сюда придёт не секундант, а убийца. Тупой убийца, который за всю свою жизнь ничего другого не делал. У тебя есть пистолет?

— Нет, но...

— Тогда погоди.

Она кошкой подскочила к стене, откинула большой овальный гобелен, открыла со скрежетом бронзовую дверцу и вытащила два пистолета Лепажы.

— Ого! Неплохо, Сиффле. Но почему два?

— Больше не зови меня так, ладно? И вообще, меньше вопросов. Стреляй сразу первым! Сначала убьёшь Анголу. Только не промахнись, *pour l'amour de Dieu*³! Потому что Анго-

³ Ради всего святого (фр.)

ла не промахивается никогда. На твоё счастье, они думают, что ты безоружен. Убьёшь Анголу, потом убьёшь его. Из второго пистолета. На перезарядку времени нету.

— Кого, мужа твоего?

— Да, чёртова тупица, да! Мужа моего, Ридера ван дер Хидена! Убьёшь, да так, чтоб сам Дьявол не смог его поднять из мёртвых. Ведь только так ты сможешь пережить сегодняшний день. Да и я тоже...

* * *

И вот тут дверь распахнулась, сначала влетел порыв сырого осеннего ветра вперемешку с истошным собачьим воем. Первым вбежал хозяин, в мокром плаще и съехавшей на затылок треуголке. К груди он прижимал, едва не сгибаясь от тяжести, боевой пехотный мушкет. Это было бы забавно, ежели б следом не ворвался негр семи футов ростом, голый по пояс в чёрных шароварах и красной шапочке до ушей со старинным протазаном с укороченным древком.

— Прощай, Ангола! — сказал я полушёпотом и выстрелил.

Это был лучший выстрел в моей жизни, клянусь святым Мартином! Пуля вошла в чернокожего чуть выше середины ключицы, начисто избавив, я полагаю, его от мук предсмертных агоний.

Хозяин дома вознамерился было выстрелить в меня из мушкета, но даже поднять его на нужный уровень не смог. Заплакал, отбросил его и уселся на пол.

— Успокойтесь, господин ван дер Хиден. Ни вы, ни ваша жёнушка, ни ваши деньги мне не надобны. Ну да, не скрою, я зашёл к давней знакомой слегка разжиться денежкой. Поиздержался, знаете. Но коль скоро приключилось такое, я не возьму здесь ни гульдена, ибо получится, что я грабитель. А это не так. Всё, что от вас требуется сейчас, это посадить на цепь своих псов и дать мне уйти. Я моряк флота Соединённых Провинций, а не грабитель.

— Да, — господин ван дер Хиден сопливо всхлипнул и закивал головой. — Произошло

недоразумение и мы его быстро уладим. Ведь правда, *cher Hortense*?

— Истинная правда. Поди-ка, мужёнок, впрямь уйми собак, а то я их страсть как боюсь, особенно Фанга.

Господин ван дер Хиден торопливо закивал, боязливо озираясь, засеменил к двери. Но едва он прикоснулся к дверной ручке в виде филина с кольцом в клюве, как за моею спиной грохнул выстрел. Пуля вошла ниже затылка, крови почти не было. Ван дер Хиден замедленно, точно лениво, сполз и лёг, свернувшись калачиком возле косяка, как домашняя собачонка.

— Ты убила его?! Зачем?!

Спросил, хоть и ожидал в глубине души чего-то подобного.

— Ты не понял, как всегда. Если бы он успел отворить дверь, он бы крикнул во всю глотку: «*дерфайнд*⁴!!!» И сюда влетела бы стая псов. Восемь или девять. Из них половина — людоеды. Как тебе это?

— Хорошо, и что теперь прикажешь делать?

— Каждому делать своё дело. Тебе — уходить. Только не через сад. Собаки меня не послушают, скорее, сожрут вместе с тобой. Из дома есть другой выход. Подойди к убитому. К мужу, да! Вытащи у него из левого кармана жилета ключ с ручкой в виде звезды... Ну! Скорее же, *merde*⁵! Ты же мужчина!

* * *

Дверца располагалась под лестницей, и была укрыта точно таким же овальным гобеленом с изображением поющих ангелов. Дверца была такую же бронзовой, в полчеловеческого роста.

— Иди вперёд, — Ортанз сунула ему в руку кованный подсвечник с тремя горящими свечками. — Я за тобой. Мне вперёд страшновато.

— Э, нет, милашечка. Вперёд пойдёшь ты. А я уж посвечу.

— Боишься? — Ортанз ядовито осклабилась.

— Скажу так: остерегаюсь. Знаешь, как однажды сказал мой капитан... — тут я не договорил, запнулся о выбоину в брусчатке, едва не упал.

— Так что он сказал, твой капитан?

⁴ Der Feind (нем.) — враг.

⁵ Ругательство.

— А не стóбит. Ещё обидишься. А нам нынче ссориться ни к чему.

Прошли тоннель, футов, пожалуй, полтора-раста длиною. Встали возле двери.

— Кстати, как зовётся твоё судно, если не секрет?

— А к чему тебе это знать? Хочешь прийти и помахать платком?

— Кто знает, сладенький.

— Фрегат «Амбер», — соврал я, сам того от себя не ожидая. — Приходи. Я буду на корме с хризантемой в петлице. Ладно, пошутили. Кстати, что ты скажешь полиции? Что они перестреляли друг друга, играя в покер?

— Вот как раз это я и хотела обсудить с тобой напоследок, *mon chere*, — Ортанз вдруг придвинулась совсем близко. — Полиции я скажу, что Ангола решил меня изнасиловать. И не просто решил, а натурально изнасиловал. Думал, что хозяин в отлучке. А хозяин-то возьми и вернись. Ну и увидел меня в объятиях этой чёрной образины. Схватился за пистолет. Но Ангола, парень прыткий, успел вырвать у него из рук пистолет и убил первым. А я... а я убила Анголу из второго пистолета, который в отсутствие мужа всегда держу возле, под подушкой на банкетке. А что оставалось делать?.. Убедительно?

— Не очень.

— Если б вторым убитым был белый, стали бы разбираться, глядишь, докопались бы. А тут — чернокожий. Тем более, с дурной репутацией.

— А мне сдаётся, ты хочешь сдать полиции меня и зажить весёлою вдовой.

— *Imbécile*⁶! Если б я этого хотела, тебя бы уже вели в кутузку. Служанка Эмилия давно бы сбегала. Забудь об этом. Я о другом, — она прильнула ко мне так, что у меня перехватило дух, и встало дыбом всё, что только может встать. — Надо, чтобы было видно, что меня изнасиловали. Нет, я могу расцарапать себе лицо, спину, разбить губу, прочее. Но это — детские игрушки. Надо, чтоб — поверили. Ты меня понял, *mon chere*?..

* * *

Когда я наконец пришёл в себя, Ортанз, чертыхаясь и поминутно сплёвывая, силсилась открыть неподатливый замок. Наконец раздался долгожданный скрежет, дверца отворилась вовне. Магический дух мокрой, грубой травы повеял, как исцеление от кошмара. Я оттолкнул её локтем и шагнул в проём, как в спасение своё. Это был отвесный склон оврага, заросший колючим волнообразным диким плющом.

— Эй, мичман, ничего не хочешь сказать на прощание?

— Прощайте, мадам ван дер Хиден.

— Скажи хоть, как называется твоё судно?

— Я уже говорил.

— Я успела забыть, скажи ещё раз, *mon ami*!

— Фрегат «Амбер». Стоит на южном пирсе, неподалёку от складов.

— Ну так торопись, *mon ami*. Пройдёшь оврагом, дойдёшь до моста святого Мартина. От него до южного пирса десять минут пути. Торопись, умоляю. Как бы не случилось чего... Кстати, а всё-таки, что такое-этакое сказал твой капитан, что ты боялся меня обидеть?

— Хочешь знать? Он сказал: «Шлюха — не профессия и не образ жизни. Это особый ток крови», — вот что он сказал.

* * *

Взволнованная торопливость Ортанз мне показалась странной. Посему-то я решил не торопиться. У меня был ещё почти час времени, я слонялся по улицам, для чего-то заходил в лавки, даже завёл долгий разговор с полицейским о падении нравов, об индейцах, что англичан давно пора гнать отсюда взашей, ибо все беды от них...

* * *

Когда я приблизился к пирсу, увидел небольшое сборище возле фрегата «Амбер». Пятеро конных полицейских с пиками и ещё столько же в штатском, в плащах. Редкая толпа любопытствующих и снующая меж всеми служанка Эмилия, что-то всем с жаром доказывающая. Я почёл за благо не попадаться ей на глаза и,

⁶ Идиот! (франц.)

нахлобучив треуголку на брови, двинулся в сторону восточного пирса, где стоял на якоре наш «Тритон». Особый ток крови. Воистину...

* * *

На судне было спокойно. Я поднялся как ни в чём не бывало по трапу, ответил на приветствие вахтенного, прошёл в каюту, с трудом снял сапоги и завалился спать. Проспал, наверное, с час, меня разбудил вахтенный и сказал, что меня немедленно зовёт к себе капитан. Я был спокоен, судно давно тронулась, Новый Амстердам⁷ уже почти скрылся в волнистой белёсой дымке. Кошмар уходил прочь... Так думалось тогда.

* * *

Капитан Скрантон был доброжелателен и учтив. Посочувствовал моему конфузу в игорном доме, поинтересовался, «оттянулся» ли я, по обыкновению, в притоне госпожи ван Зейль. Поинтересовался, как там красotka Ортанз, всё так же прелестна и волнительна?

— Увы, господин капитан, мамзель Ортанз нынче почтенная матрона. Супруга некоего фабриканта, фамилию, право, не припомню. Ван дер...

— Хиден, — улыбнувшись подсказал капитан. — Ван дер Хиден. Так его зовут. Вернее, звали. Увы, мой друг, увы. Сегодня, буквально-таки пару часов назад, какой-то негодяй ворвался в их дом. Убил хозяина, убил лакея, зверски — именно так и было сказано — изнасиловал его жену. Ужас.

— Известно, кто это?

— Трудно сказать. Звать его, по словам служанки, — капитан сделал паузу, — Фабиан де Фриз. Сказала, что служит мичманом на фрегате «Амбер». Там, кстати, недавно были люди из полиции. Потом они пришли сюда. Я им сказал, что таковой на судне не значится. Да-с. Не значится. Тем более, полицмейстер, мой давний друг.

— Интересная история. Злодей ворвался в дом, убил хозяина и слугу, отымел хозяйку. Зверски. После чего любезно сообщил ей своё

имя и название судна. Пусть не совсем точно...

— Бросьте мичман, бросьте, — капитан Скрантон устало махнул рукой. — Всё серьёзно, мичман. Вот эти вещички были в вашем ранце.

Капитан с нарочитой неторопливостью выложил на стол сперва полновесный, туго набитый кошель с затейливо вышитой серебряной нитью монограммой «R v d H», затем увесистый золотой перстень с тою же монограммой, браслет в виде золотой змейки с рубиновыми глазками...

— Там ещё кое-что. Бусы какие-то, броши. Всё недешёвое. В кошельке полторы тысячи золотых гульденов. И примерно столько же английских фунтов. Что-нибудь скажете об этом?

— Скажу. Я не убивал ван дер Хидена и пальцем не прикасался ко всему тому, что лежит у вас на столе. Можете мне не верить...

— А какое имеет значение, верю я или не верю. Важно, кому поверит судья. Вам или вдове ван дер Хиден.

— Сдадите меня властям?

— Ежели б я этого хотел, ты бы уже был в кандалах.

— Но при этом пришлось бы расстаться с содержимым моего ранца, которое, по всему виду, вам глянулось.

— Дурак. Для того, чтобы выдать тебя властям, достаточно было показать тебя служанке. Просто показать.

— Чего же вы хотите?

— Послушания. Полного. Слепого. И молчания.

— Я могу идти?

— Можете. Барахло своё заберите да и ступайте себе.

Он швырнул мне в лицо мой опустошённый ранец.

* * *

Через три месяца после пышных похорон злодейски погубленного манхэттенского промышленника Риддера ван дер Хидена в дом его явились нотариус и стряпчий. Было громко и зачитано завещание, из коего следовало,

⁷ Так назывался Нью-Йорк во времена голландского владычества.

что все пушные фактории, лесные делянки, лесопилы и прочее хозяйство переходили в собственность сына усопшего от первого брака Маркуса ван дер Хидена. Дом со всем скарбом, а также небольшая вила на острове Нотен отошли его вдовствующей сестре Николине ван Цвольф. Упомянуты были многочисленные слуги, о коих сказано было так: «пусть всё, что они украли, принадлежит им отныне по праву». Служанка Эмилия удостоилась помимо этого, ещё и серебряного венецианского зеркала с фальшивыми изумрудами.

Безутешная вдова Ортанз ван дер Хиден, к общему удовлетворению, в завещании не было помянута вовсе, будто и не бывало её отродясь.

На следующий же день госпожа Николина поспешила перебраться в своё новое жилище вместе с щедеушной, болезненного вида девчонкой лет десяти и вертлявым усатым мулатом Чунчо. Едва ступив на порог, домовладелица в категоричнейшей форме велела госпоже Ортанз убираться на все четыре стороны. Ортанз возражать не стала. На выходе была подвергнута тщательному досмотру. Особенно усердствовал мулат Чунчо. Он общупывал хохочущую вдову так долго и тщательно, что госпоже Николине пришлось отослать его наверх. Убедившись, что в сумке у вдовы и на ней самой нет ничего, представлявшего какую-то ценность, она за плечи подтолкнула её к двери.

— Теперь, облезлая подстилка, иди откуда пришла. В свой лупанарий.

— Куда-куда? Простите, не поняла.

— В свой бордель, дура!

— Вон как. Интересное слово. Надо запомнить, госпожа... запаматовала вашу фамилию...

— Ван Цвольф! — горделиво вскинув тройной подбородок, ответила Николина. — Кстати, вы обязаны вернуть себе прежнюю фамилию. Мы не позволим, чтобы какая-то...

— Об этом в завещании ничего не сказано, сударыня. Фамилию я менять не стану. Она мне ещё сгодится, я надеюсь. Насчёт вашего предложения подумаю. Кстати, и вы подумайте, куда пойдёте, когда ваш племянник вытурит вас с дочкой и альфонсом из этого дома.

— Как смеешь, дрянью...

— Знаю, вот и смею. Засим прощайте, госпожа ван Цвольф. Как вы сказали? Лу... Лупанарий? Запомню...

Через два дня выяснилось, что из дома начисто пропали все драгоценности и наличность. А также оба ключа от потайной двери.

А ещё через полгода Маркус ван дер Хиден после недолгой тяжбы, заплатив кому надо, обнаружив, что госпожа ван Цвольф не придётся усопшему родной сестрой, опротестовал в суде отцово завещание, выдворил тётушку из отчего дома, оставив ей в утешение небольшой дом с садом на острове Нотен (во вполне, впрочем, приличном состоянии). А вскоре вселился сам, да ещё с молодой женой по имени Ортанз...

Особый ток крови, господа, особый ток крови... ■

Адель Ревович Хаиров родился в Казани в 1963 году. Закончил филфак КГУ. Занимался в ЛитО при музее Горького в Казани у Марка Зарецкого. Работал в казанских газетах, журналах, на ТВ корреспондентом и редактором, писал сценарии, вел ретро-программу на радио, водил по городу экскурсии. Публиковался в журналах: «Октябрь», «Новая Юность», «Казанский альманах», «Казань», «Идель», «День и ночь», «Дружба народов». Лауреат премии «Русский Гулливер – 2015».

Адель Хаиров

КАЛЕНДАРЬ ДАРЬЯЛОВА

На стене вдруг встали с таким трудом заводимые — не дай бог сдвинуть на миллиметр — старинные французские часы. Дарьялов вздрогнул. Ему показалось, что это сердце остановилось. Он даже помассировал грудь и прилёг на диван. Свежий после ливня ветерок нежно накатила волной на лицо. Вспоминалась Абхазия. К тому же за окном шины шуршали как волны по гальке.

В сумерках большого кресла вдруг кто-то пискнул. Из-под клетчатого пледа высунулся белый клюв. Уйдут после смерти из человека волшебные токи и погаснут в нём лампочки. Чужим он предстанет родне в гробу и только по носу его признают! Когда-то этот нос был носиком, и Дарьялов его согревал губами в Фуксовском саду. Часы вздрогнули и снова пошли...

Дарьялов вдруг на несколько секунд забыл, как зовут птицу, которая клюёт его всю жизнь. Ранки мелкие, но саднят. Вспомнил — Инна! Зашаркал на балкон в свой летний кабинет, заваленный журналами и книгами. Если ими пошелестеть, то можно отыскать заначки: приплюснутые сигареты, сотенные бумажки, плоские цветы, сохраняющие сферические летние образы с трескотнёй кузнечиков внутри. Здесь

же, прищепленный к белье верёвке, сох от пролитого кофе читанный-перечитанный Камю. Иногда огрызком карандаша, но чаще ногтем, Дарьялов помечал понравившиеся места: «Она носила целомудренные платья, но тело её пылало» и т.д.

Дарьялов распахнул створки балкона и втянул ноздрями в маленькую грудную клетку весь этот вечерний влажный воздух, в котором шипели остывающие угли самоварного солнца. Вспомнил вчерашнее своё ощущение, когда он перенёс глаза с распахнутой книги на шумливые листья берёзы и продолжал читать её как природный фолиант от кончиков обвисших кистей до самой макушки, бултыхающей небо. Всё слилось воедино. Переплелось, сцепилось миллионами стежков, и Дарьялов был крепко вписан в этот пейзаж!

Костяшки клавиатуры защёлкали, буквы начали послушно выстраиваться, заполняя аквариум экрана, но потом быстренько самоуничтожились. И так несколько раз подряд аквариум заполнялся и опорожнялся. Мозг в эти минуты как бы засыпал, а пальцы самостоятельно играли свою музыку на пианино компьютера. И ведь что-то от этих бессмысленных манипуляций вдруг рождалось на свет. Необъяснимо!

В первые минуты Дарьялов блаженствовал. Громко прихлёбывал остывший чай, отчаянно бултыхал ложечкой. Такое повторялось сотни раз, и, увы, он знал, чем всё это закончится. Через час ликований с обязательным откупориванием коньяка к нему приходило глубочайшее разочарование. Он бежал в ванную и вставал под контрастный душ. Бил себя по щекам, отфыркивался, но неизменно наступал отлив. Море уходило, оставляя пустые ракушки и трупы рыб. Пляж, где резвились Музы, превращался в грязь с мёртвыми медузами.

Лицо Дарьялова медленно вытягивалось рюмкой, он начинал свистеть, пускать слюни. После чего следовала отупелая пьянка. В результате Дарьялов признавал новый рассказ графоманским без смягчающих обстоятельств и пытался избавиться от своего пышного псевдонима. Может, просто подписываться своей родной — Набиуллин или же взять девичью фамилию птицы — Фрумкина?!

Он, обессиленный, задремал. Птица взяла с полки календарь. Ухватила пальчиками очень осторожно. Она вообще всё брала осторожно и медленно. Глаза у неё ничего не выражали, зато ноздри могли многое. Они были говорящими! Презирали, удивлялись, симпатизировали. Сейчас они мелко дрожали, как бы готовились к прыжку.

Наступала осень, и календарь был весь испещрён кружками, квадратиками, треугольниками, цифрами и разными буквами. Он напоминал ребус или даже письмена исчезнувшего народа. И птица почувствовала себя лингвистом Юрием Кнорозовым, который споткнулся о кусок плиты с иероглифами майя. В глубине её ноздрей вспыхнул интерес!

Пока Дарьялов пьянствовал, птица вновь обрела имя и даже порозовела. Смысл жизни вернулся к Инне! Она должна была разгадать эти таинственные знаки на календаре во что бы то ни стало. Многочисленные «Л» и «В» раскусила легко. Зимой — «Лыжи», летом — «Велосипед». Дарьялов рассекал на них парковый ландшафт, а придя взмокший и довольный, фиксировал фломастером день. Перевернутая рюмка означала «стоп, машина!», иногда она сопровождалась восклицанием — «12 дней», «30 дней и ночей». Если же рюмашка стояла закрашенной, то есть

полной, тогда на неделю, а то и две, писатель как бы отсутствовал, и календарик оставался чистым. Тишина!

Но потом вездесущий нос птицы слегка погнулся о первое серьёзное препятствие. Долго она ломала голову над буквой «Р», которая приобняла 12 июня. Помог дарьяловский дневник. В нём она разыскала эту дату и заглянула в скрытую жизнь мужа. Там стояло слово «Разочарование» и поздняя приписка другой пастой — «Выпила бутылку кагора и сблевала на книгу. Дурак, ещё подписывал!»

Дарьялов преподавал в институте культуры неподалёку от дома. Вёл сценарные курсы. Птица, найдя ключик к разгадке календаря, вошла в азарт. Дневники были, пожалуй, даже интереснее его романов: «Жара. Автобус, как печка. Девушка в коротком синем колокольчике положила баллон с холодной водой себе на колени, и вода с пузырьками бултыхалась, освещая озорными зайчиками сумерки её междуножья».

Потом «междуножье» было зачёркнуто и поверх вписано «глубин», но Дарьялову и это слово не понравилось.

Август был весь в зелёных и синих квадратиках. Они чередовались, помеченные сверху буквами «V» и «Z». Инна вспомнила, что Дарьялов в эти дни ходил подозрительно весёлым. Возвращался поздно, весь какой-то взъерошенный с вишнёвыми губами. В разглаженном клочке спасённого ею из мусорки рассказа (была написана всего одна страничка) она, шевеля клювом, разобрала: «Эдгар был влюблён сразу в обеих. Валентина, невзирая на своё имя, была смуглой. Зарема, наоборот, светленькой, молочной. Встречаясь с ними поочередно, он уводил их в глубь запущенного парка на одно и то же место, где жила белочка. Когда стреляла резинка трусов, и над краешком вылезшей плоти принимался зудеть комар, наглая белочка забиралась Эдгару на плечо и оттуда смотрела это пошлое кино».

Дарьялов выписывал в дневник, как и все писатели, разные цитаты, интересные опечатки (например, «Цоконье копыт» или «Ожирелье»), или понравившиеся фразы («Пустые стаканы подъездов» и т. д.), или же какие-то обрывки чужой прозы. Из рассказа Валерия Попова он оставил себе:

«В другие дни ездил на велосипеде за продуктами, умоляя жену не гоняться за мной, дать хоть немного свободы. Но когда она встречалась мне, бегущая по шоссе, нервно прихрамывающая, с растрёпанными седыми патлами, я не хотел, как прежде, в ярости переехать её велосипедом, а мирно останавливался и говорил что-нибудь вроде: “Ну, не ходи ты так часто на дорогу!” — “В старомодном ветхом шушуне?” — виновато улыбаясь, говорила она».

17 июня было подчёркнуто дважды — рядом мелкими буквами написано «Жертвоприношение», чуть вкось — «См. рассказ Мамутова, журнал “Ночные огни”». И комментарий Дарьялова — «те же мысли!» Инна залезла в интернет, отыскала тот самый рассказ Мамутова, и почти сразу нашла «эти мысли»:

«Ночью проснулся. Долго смотрел на неё. Захотелось пойти на кухню, схватить нож и не глядя бить, бить, бить... Перья облепили бы её искромсанное тело. Очень похоже на то, как в деревне потрошат курицу».

Она ощутила, как лезвие рывками входит в её сонное тело. Гнётся о кость, выбивает фонтанчики крови. В её ушах заскрежетал нож, он хрустел, захлёбываясь в мясе, и это было самым противным.

Дарьялов сидел, насупившись перед монитором. Инна смотрела на липкую шею мужа, которую когда-то обхватывала дрожащими пальцами, когда он поедал её молодым львом, держа на весу в комарином парке. И тогда шея тоже была мокрая. Но было это в другой жизни. Две шеи одного и того же мужчины. Или одна шея двух разных мужчин?

Птица запуталась в мохнатом пледе, как в силках, и заснула. Дарьялов тоже посидел-посидел немного, тупо глядя в компьютер, сказал «чудесно!» и повалился на диван. Ему приснилось, как он идёт на кухню, берёт хлебный нож и возвращается в спальню. Нож с зубчиками, а шея белая, в ней перекачивается то ли слюна, то ли крик.

Они вскочили одновременно. Он внимательно осмотрел свои руки, она потёрла шею.

Инна тихо проследовала на кухню и там отпила из початой бутылки мужа коньяк. Два маленьких глотка согрели её ноги, упав солнечными зайчиками в пятки. Птица осмелела. Укладыва-

ясь спать, увидела, как муж заключает 21 августа в траурную рамку. А 21-е уже было сегодня!

Она слетала на кухню за ножом, крепко сжала рукоять в кулачке и накрылась пледом. Нож был в апельсине, и этот запах немного успокаивал. Она прокручивала в голове, как надо действовать в случае опасности: полоснуть по лицу лезвием наотмашь (так она видела в сериале) или же лучше ткнуть прямо в глаз (так она читала у Марининой)?

Дарьялов сгрёб свою большую рукопись и этот шурующийся ком отнёс на кухню. Запихнул ногой в ведро. До этого был ещё один вариант, он его уничтожал постепенно в течение года. Напишет и порвёт. Напишет и порвёт. После уничтожения романа ощутил себя Царь-пушкой. Так и не выстрелил!

Писатель, в поисках красного «офицерского» карандаша, открывал один за другим ящички стола, как вдруг ему навстречу выкатился целый арсенал холодного оружия: резак краснодеревщика, канцелярский ножик, хирургический скальпель, сувенирный кинжал из Алжира, ещё один декоративный в виде турецкой сабли из красного дерева, небольшая, но безупречно лаконичная финка, которую он приобрёл в Хельсинки, куда ездил с делегацией. Финка так и просилась в тело, как в ножны! Казалось, только направь её, укажи цель, и она сама скользнёт в складку плоти...

Дарьялов взял финку в ладонь, примерил. Подумал, что нож, как и собака, был первым приручён человеком. Но слово «одомашненный» сюда не подходит. Всё-таки это не овца! Это уж, скорее, некий договор...

Писатель хотел было записать эту мысль, но птица вдруг заелозила во сне и заплакала. Нахмурившись, он обернулся и в сумерках глубокого кресла увидел совсем молодую Инну, которая так утомилась на лыжной прогулке, что, не дождавшись, когда он погрееет фаршированный перец (они их называли фонариками с мясом), заснула с шерстяным носком на одной ноге. Он залюбовался ею. Прошептав «о, сволочь, родимая сволочь!» тихонечко подкрался, чтобы поправить плед, а заодно заглянуть в свою молодость, когда они поехали дикарями в Абхазию. В самом конце отпуска он приревновал её к шашлычнику Арсену. Она стояла на пирсе и фыркала.

Удивительно, но этот самый кусочек из прошлого приснился в тот момент и Инне. Вот Дарьялов уходит от неё по пляжу. Горы шевелятся, как заросшие плечи Арсена в дымке шашлычной. Она кричит мужу, даже швыряет в него галькой, но он, обиженный, уходит всё дальше и дальше, пока, наконец, не превращается в своей белой рубашке в одинокий парус.

И тут её накрыла тяжёлая туча, из которой выснулось небритое лицо, пахнущее водкой и жареным мясом. Руки, как пружины, разогнулись, чтобы оттолкнуть тучу. Но та начала хрипеть пузырями и грузно опадать. На Инну закапало что-то липкое. Стальная рукоятка торчала молнией из горла тучи. Она в ужасе отпрянула, и тогда Арсен сорвал с неё плед и накрылся им с головой. На пледе зашевелились бежевые листья в чернильных лужах. Шашлычник громко застонал, но почему-то голосом её мужа! Инна осторожно потянула плед на себя, и перед ней появилось бледное лицо Дарьялова. Он надувал кровавые пузыри. В лысом кулаке писателя хитрым зверьком блестела финка...

Потом появились люди в форме. Что-то спрашивали, что-то записывали, щёлкали фотоаппаратом. Инна, не обращая на них внимания, придвинулась к монитору, налила в кремовую чашку мужа кофе и, обжигаясь, принялась читать последнее, что написал Дарьялов:

«Подглядываю за девушкой, ожидающей на пустой платформе электричку. Похоже, опоздала. Смотрит вдаль “а вдруг”, и ветер от невидимого состава отбрасывает ей волосы. На ней юбочка, которая пенкой взбивается над коленками. Смуглые длинные ноги, уже позабывшие плен чулок. Я карабкаюсь по ним вверх, как старая обезьяна, и девушка вдруг становится деревом с гладкой кожей, которая нагрелась на солнце. Электричка превращается в ветер, девушка в дерево, я – в обезьяну. Так и лучшее из написанного мной станет частью природы: летним вечером, забрызганным колокольчиками, одичавшим огурцом, взбежавшим по жердочке к скворечнику, речным камушком в её босоножке...».

Инна достала с антресоли три чёрных пакета, куда на протяжении года аккуратно собирала всё, что выбрасывал Дарьялов: реже скомканные

страницы, чаще клочки. Свои вещи, из-за слабого зрения, он распечатывал. Брал рукописи на холм у станции «Новаторов», это было его любимым местом. Холм был узкий, как горб дромадера с пучками рыжей травы вдоль тропинки. Дарьялов сидел на своём верблюде, попивая холодное пиво, неспешно вносил правки. Когда ему что-то не нравилось, он не психовал. Давал себе остынуть, чтобы взглянуть на вещь отстранённым глазом. Аутодафе совершал по ночам на кухне. Раньше поджигал в вазе для фруктов, но после того, как вспыхнул тюль, начал кромсать рукопись ножницами. Птица появлялась на кухне под утро, когда обессиленный Дарьялов уже спал, вздрагивая во сне. Она вынимала бумажный ворох из помойного ведра и прятала в пакет.

Теперь Инна почувствовала себя реставратором древней рукописи. Она ещё не знала в точности, что это? Цикл рассказов, повесть или роман? Оказался, роман, это стало понятным уже в начале пути. Все фрагменты, как пазлы, были разложены на полу хрущёвки, включая балкон, столы и подоконник. Птица прыгала, как цапля, на одной ноге с тубиком клея в руках. Найдя какой-нибудь обрывочек на кухне, она скакала обратно на балкон, где лежал другой отрывок, и прикладывала друг к другу края разрывов. Если «братья» оказывались родными, начинались поиски их «папочки» или «мамочки», так называла вслух эти бумажки Инна. Восстановленные листочки она складировала на засаленном диване. Через месяц выросла стопка, но это было только начало. Теперь ей предстояло восстанавливать забелённые или зачёркнутые места, разгадывать ребус сокр. и допл.

Прошёл целый год кропотливой работы. Птица, ползая среди этих листочков, превратилась в ящерицу. Результат – 380 стр. эротического романа. Последнего!

Издатель Аркадий Трескун, давний ценитель Дарьялова, развязал тесёмки и долго с любовью смотрел на титульную страницу. «Томные аллеи» – так была озаглавлена вещь. С претензией, однако! Издатель, узнав о нелепой смерти писателя, первым примчался к вдове и после соболезнований, хотя как-то странно их было приносить самой убийце, пусть и невольной, которая оборонялась от пьяного и обезумевшего Дарьялова, стал умолять отдать ему за хорошенький

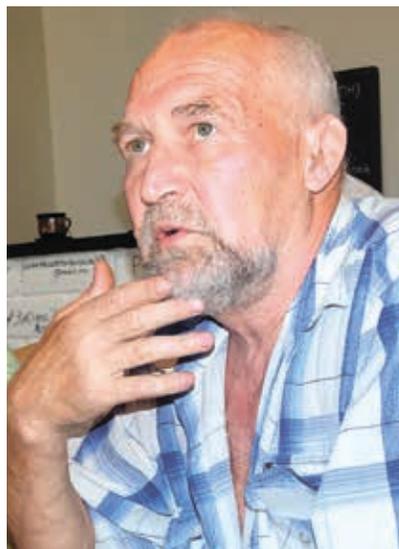
гонорар его последнюю вещь. Покойный и сам распускал слухи, что пишет что-то скабрёзное. Она пообещала подготовить рукопись мужа к публикации...

И вот теперь эта вещь лежала у него на отполированном грабе роскошного стола в его кабинете на улице Капустной. Издатель раскурил трубку, позволил себе чуть-чуть бренди и начал погружение на самое дно романа. Три страницы проглотил махом, не жуя, но после почувствовал пресноватый вкус скуки. До 23 стр. он ещё не терял надежды, прячась в дымок, но потом как-то резко всё понял. Пошлые, нет, даже пошловатенькие похождения старого козла. Трубка погасла.

Глаза всё ещё не хотели верить и пытались нырнуть то в середину произведения, то в конец. Но ему, как искущённому читателю, всё уже было понятно и так. «Кикс!» — наконец произнёс он, как заядлый бильярдист, у которого подушечки пальцев по вечерам бывали всегда в меду. Издатель поморщился и принялся усердно выколачивать свою трубку о граб, как он всегда делал, когда выяснялось, что его надули. Со стороны могло показаться, что он вколачивает молотком гвозди в крышку гроба.

Уже перелистнув последнюю страницу и собираясь завязать тесёмки, он увидел внутри сложенный календарь за позапрошлый год, испещрённый пометками, разрисованный разными геометрическими фигурами. Его внимание привлекла буква «А», которая аркой встала над 27 января — днём рождения самого Аркадия Трескуна. «Ну, и что бы это значило?» — почесал он переносицу мундштуком трубки и тут увидел тонюсенькую кривую стрелочку, уводящую в сторону. В уголке мелким, но чётким почерком было написано: «Зачем, Аркаша, ты пошёл в издатели? Тебе ведь без разницы, чем торговать: мороженой треской или книгами, а ещё трубку курит!»

Инна, закутавшись в новый плед с одуванчиками, сидела в кресле. Прикрыв глаза, она ждала звонка от Издателя. И вдруг ей приснился всего на несколько секунд Дарьялов в своей любимой летней рубашке с маками на жёлтом поле. Значит, в Раю! Он успел только выпалить короткое «Дура!» и испарился, оставив её в совершеннейшем недоумении. ■

Айдар Сахибзадинов

Родился в Казани 2 декабря 1955 года. Окончил школу №98 в посёлке Калуга. Учился в КГУ на истфилфаке, окончил Литинститут им. Горького. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии журнала «Флорида» (США) 2010 года, Державинской премии 2013 года. Живет в Подмосковье.

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Отрывок из рассказа

В ЛитО при музее Горького я начал ходить ещё школьником. Семидесятые... Это прежде всего молодой и красивый Марк Зарецкий, бедный вдохновенный поэт с длинными, как у Христа, волосами. Прекрасная дикция, знание наизусть сотен страниц российской поэзии, великолепное артистическое чтение — как альтернатива стихам заносчивых «гениев».

Я тоже принёс тогда поэму. Сусальный эпос в стиле Пушкина. Меня разбили...

До этого я показывал отрывки из неё Юрию Белостоцкому, секретарю Союза писателей,

ветерану-бомбардировщику. Это был плешивый, очень симпатичный дядя с синими глазами. Он здорово хвалил мою рукопись. Помню, мы сидели в кабинете в Доме печати на Баумана. Кто-то вошёл. Белостоцкий не сдержался, кивнул: «Гляди, юный Лермонтов!» Я был на небе. Возвращаясь, вспоминал тот осенний вечер в саду в пору детства: свершилось, я стал писателем.

И вот какой-то «Мрак Зарецкий», как называл его в своём эпосе Лоренс Блинов... Нет, у меня просто слов не было! Я взял шапку, рукописи и пошёл вон. Демонстративно загремет тяжёлой зимней обувью по трескучему дереву старых ступеней!

— Ты вернёшься! — воскликнул Зарецкий.

Я пошёл, конечно, к Белостоцкому. Понёс обиду.

В тот день я увидел сразу всех казанских писателей. Было заседание правления. Я нашёл актёрский зал, приоткрыл дверь и узрел уши избранных. Со сцены выступал Ян Винецкий. Жестикуюлируя, он яростно критиковал чей-то роман о шахтёрах. За то, что герой выпивает после работы. Где это видано в советской стране! Разве можно доверять такому отбойный молоток — священное орудие стахановца?!

Тогда был январь, на улицах мело. Шапка в моих руках была мокрая. На душе тоже стало неуютно. Я прикрыл дверь.

После заседания Белостоцкий принял меня сдержанно, хмурился. Наверное, обо всём знал. Прозаик, он, кажется, понял свою ошибку: так, как я, нынче не пишут.

Зарецкий был прав: я вернулся. Любовь к поэзии была выше моих амбиций.

Я терпел критику, изломал стиль. Меня били по-прежнему. Громили и студенты-старшекурсники. Таланты Сергей Карасёв, Равиль Бухараев были ещё терпимы. Но вот эрудиты и «вознесенцы» рвали меня в клочья. Выросший в татарской семье, где говорили только на родном языке, я был ещё мало начитан, и не мог противостоять им. Кроме Пушкина и романа «Война и мир», ничего не хотел знать. Толстого я читал медленно, с упоением, перестал ходить в школу. Меня поразило его стиль, он был, как стерео-голос — над полями сражений, балами, дубравами, над всей моей жизнью. Я

жил той эпохой, её чувствами и понятиями о чести, родине.

Вот это и было то, что я мог им противопоставить. Не знание, не эрудицию, а чувство, как должно быть писателем. Как видеть мир. Теперь, сопоставляя Льва Толстого и Вознесенского (у которого земной шар — мотающийся «арбуз в авоське»), можно представить, какие были шибки, то есть какие обиды получал я...

Мне не повезло, я попал в литобъединение раньше своего времени, мальчишкой. Года через два волна старшекурсников должна была схлынуть, и я бы избежал «дедовщины». Сыграла роль и вписываемость души. Пацан, я был им неинтересен. А если «возбухал», то давили на равных. Да так, чтобы поболее молчал, не отнимал времени.

Однажды литобъединение посетил высокий старик со всклокоченной шевелюрой. Он спорил с молодёжью. Рассеянный, с большими узловатыми руками, что-то доказывал, отрицал со страдальческим оскалом на лице. Племя, «младое, незнакомое», подтрунивало, мелькали ехидные усмешки. Старик казался одиноким. Зарецкий молчал, наблюдал с интересом.

И вот этот сухой, высокий человек, исчерпав аргументы, поднялся на сцену (чего никогда не делалось) и начал рассказывать стихотворение. Размашисто жестикуюлируя, он напоминал корявое дерево над обрывом. Его огромные пятерни с растопыренными набалдашниками пальцев взмывали к потолку. Он закончил стихотворение словами о гробе человечества «из бетона и стекла».

Молодёжь, как во время чтения, так и после снисходительно кивала — с сожалением об очередном старце-маразматике...

Когда он ушёл, я узнал, что это был поэт Леонид Топчий. Бывший узник концлагерей. Причём, кажется, и немецких, и советских.

Зарецкий устраивал в ЛО кровопролитнейшие сражения. Между «зубастыми». Он бредил схватками. Чего стоили Булат Галеев и Лоренс Блинов! Умница, ходячая энциклопедия, в критике Лоренс был сущая пиранья и рвал с мясом.

Если Зарецкий проживёт лет на пять больше, то это благодаря адской энергии, что инъецировал через укусы Лоренс.

Однажды Зарецкий сел и написал гениальное стихотворение.

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Как положено, переписал в трёх экземплярах, раздал кружковцам, прочитал вслух и сел в ряды, притих...

Какая тут разразилась критика!

— Чепуха! — полетело со всех сторон. — Вата! Это мог написать человек с умом кролика. Идиотизм!

Казалось, с каждым ударом Зарецкий становился ростом меньше, в плечах уже. (Надо представить, какой бармалеевский зуд, между тем, он удерживал в желудке! В его сети попала вся стая пираний. Сразу!)

Он выжидал. Чтоб зафиксировать факт окончательно, чтоб поглубже впутались.

— Так, хорошо, — пробурчал наконец всё ещё с видом побитого. — Чепуха? Может быть. Кролик писал? Тоже очень может быть...

Обиженно кривя шею, он поднялся, достал из портфеля книгу.

— А.С. Пушкин. Стихотворения. Том такой-то, страница такая-то... — прочитал он и заново, уже по книге, повторил то, что было подано на съедение в виде рукописных знаков.

Наступила историческая тишина.

Казалось, было слышно, как в подвале, где работал когда-то Пешков, в музейной печи, шоркаются в чанах тараканы...

Наконец в задних рядах зашевелились. По-слышались шаги по деревянной лестнице.

— А чё, Пушкин плохих стихов не писал, что ли? — обронил кто-то.

— Хи-хи-хи...

С тех пор прошло четверть века.

Он всё так же ведёт литобъединение. Лишённый работы, но бескорыстный. Государство не платит ему лет десять.

Когда я вошёл, увидел те же очки и глаза. Лишь голова седая. Он готов, как и прежде, сидеть с начинающими авторами допоздна, до голодного обморока. И никто не уйдёт, не обсудившись. Ни юнцы. Ни, тем паче, пенсионеры, щепетильный и ревностный пиитический класс. Он тщательно прорабатывает каждое стихотворение. Ибо знает, какой ценой они даются.

Давным-давно из иных мест я прислал в литобъединение через сестру рукопись. Это была уже проза, первый рассказ. Его читали вслух и обсуждали на полных правах присутствующего. Отзыв в письменной форме я получил в камере. Тёплые слова сделали меня вольнее вольных...

Он служит слову.

Почему он не стал единоличным правителем муз, не развил в себе автора?..

В нём живёт три таланта: Олеси, Бабеля и Мандельштама. Они пожирают друг друга, бражничают и толкутся, не давая возможности кому-то в уединённой муке реализоваться. И он, обильный, пошёл в люди, в сердца — вибрацией произносимого слова.

В литобъединении при музее Горького занимались Рустем Кутуй, Диас Валеев, Роман Солнцев, Ахат Мушинский, спасший меня от тюрьмы.

Это единственное место в Казани, где меня бьёт мандраж поэзии.

Уходя, я пожал его дряхлеющую руку.

— Дрожит? — сказал я.

— Ничего, в бронзе не будет! — заверил он, широко обнажив сквозь бороду зубы.

МАТЕРИН ГОСТИНЕЦ

«Надо же, хлеба нет! Дожили! Хоть бы пряник какой — супу с толком пожрать!» — недоумевал Сашка, вернувшись с работы.

Уже неделю стояли крещенские морозы. Хлеба в магазинах не было. Говорили, сломалась мельница.

Сашка, мужичья плоть, без хлеба есть не сиделся. Без хлеба хоть кастрюлю щей наверни, всё — как в прорву. И вот мечтал о прянике, хотя сладкое не жаловал. Ещё недавно мать приносила ему пирог с яблоками, толстый, пористый, — так и не научилась по-интеллигентному тесто катать; с войны, что ли, любовь к муке?..

— Ещё раз принесёшь, выброшу, — в который раз предупреждал Сашка, жалея мать. — Ведь всё равно сладкое не ем!

— Как же, сынок?.. Это ж пирог!.. — отвечала виновато.

Сашка сожительствовавал с Любкой, соседкой. Любка была ленива и нигде не работала. Раскинув ноги на кровати, глядела в потолок:

— Мужа иметь нынче глупо. Варить, стирать!..

Сашка работал бурильщиком. Приходил поздно. Любка выпивала, иногда дома не ночевала. Говорила, что была у подружки. Однажды вернулся измождённый, ни пожрать, ни согреться. В злобе написал пальцем на пыльной крышке телевизора: «Дубина, вытри пыль».

А вечером, придя с работы, читал: «Дубина, вытри пыль».

Сегодня Сашка был на ремонте. Пришёл обедать домой, прогнал Любку за хлебом к хлебозаводу, где из окошечка иногда торговали. Любка сходилла, принесла... новость: хлеб жмёт мафия.

«Гады! Спину гнёшь, весь чёрный от работы, а тута...» — скрежетал Сашка.

Полмесяца назад скончалась мать. С утра занемогла, слегла на соседней койке напротив отца, разбитого параличом (они жили у младшего брата). И вдруг, сердечная, позвала детей, сказала: «живите мирно» — и скользнула по лицу её тень, как от облака в поле...

После похорон сидели у брата. Молча. Столы уже убраны. Решали, как быть с отцом. Не-

вестка устала покрасневшие глаза в угол: за тестем убирать она не будет!

И вдруг за дверью дико закричал отец. Кинулись в комнату.

Выпроставшись наполовину из-под одеяла, отец упирался о локоть. Другую руку, как прижавевшую саблю, пытался вырвать из-под бока...

— В дом старости мя! — трясся с пеной у рта. — В дом старости!..

Сыновья выносили его на носилках, виноватые и притихшие, словно боялись получить подзатыльники. Родитель, полулёжа, молча и зло указывал путь — тыкал клюкой в пружинящие двери. Эх!..

В животе урчало.

«Хоть бы пряник, хоть бы пряник. Пряник бы!..» — дурел Сашка.

Он решил слазить на хлебозавод.

— Сашк, а помают?

Любка тоже хотела хлеба.

— Не боись... — Сашка, одетый, сузил глаза и вышел в сени. Любка, полуголая, сорвала с вешалки вторую авоську, выскочила следом. В морозном пару натолкнулась на Сашку...

— Цыц, курица!..

Глаза у Сашки были мокрые. Он смотрел на верхнее оконце в сенях. Там, на подоконнике, в заиндевелом газетном свёртке (Сашка вспомнил) лежал яблочный пирог. Щедрый, с толсто запечённым тестом, — последний материн гостинец... ■

1989 г.

Поэт, прозаик, журналист. Родилась в Башкирии, жила и работала в Набережных Челнах, Казани, Костроме. Автор книг стихотворений «Оловянный батальон», «В стране родной», «Бездомное сердце», «На закате не спят» и трёх книг прозы – «Синица в небе», «Ангелы», «Дама с прошлым». Стихи и проза публиковались в журналах «День и ночь», «Казань», «Идель», «Казанский альманах» и других изданиях. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. В музее Горького прошло три творческих вечера поэта (2005, 2009, 2011).

Вера Арямова

ПЁС

Муж Антонида превратился в пса. В крупного, хорошего пса непонятной породы. Произошло это постепенно. По какой причине, Антонида не знает – может, вирус какой подхватил, два года болтаясь вдаль от семьи, а может, думает она иногда с обидой, без всякого вируса, по собственному желанию. Потому как ни разу не видела Антонида, чтобы мелкие – поначалу – изменения, которые замечали оба, его огорчали или хотя бы удивляли. Он казался даже довольным, обнаруживая новые собачьи признаки на собственном теле.

А началось всё с запаха. Вернее, с его пропажи. Антонида собирала рубахи Алексея в стирку. И по женской слабости, а скорее, по старой памяти, ведь женской слабости к мужу у Антонида к тому времени уже не осталось, прижала их к лицу и вдохнула запах. Вот тут-то и обнаружилось, что прежнего, родного духа от них не исходило – рубашки резко и явственно пахли псиной. Большого значения этому Антонида сначала не придавала и, может, вскоре забыла бы об этом, если б не событие, последовавшее аккурат в тот вечер, когда выстиранные «Тайдом» с лимонным запахом рубахи она тщательно выгладила и повесила в шкаф на плечики – по две рубашки на каждое.

Закончив работу, она вошла в большую комнату, где последнее время спал на диване муж. Алексей смотрел телевизор, но на приход жены отреагировал, протянув к ней обе руки. Антонида легонько погладила его и присела на диван. Алексей с готовностью подвинулся и тут же, зевнув, потянулся во весь свой огромный рост. Одежда не хватило, и одна нога выпросталась наружу. Ладно бы нога, а была это не нога, а собачья лапа. Рыжеватая на вид, с крупными растопыренными когтями. Антонида, вскочив, оторопело глядела на неё, а после перевела взгляд на мужнино лицо. Он тоже смотрел на лапу, и, похоже, она занимала его больше, чем донельзя удивлённая жена. Потом, как бы с сожалением, втянул лохматую под одеяло и через секунду снова выпростал, но уже не лапу, а свою, вполне человеческую ногу.

Фу ты, причудится же такое! – облегчённо выдохнула Антонида и снова посмотрела на лицо Алексея. Он, как ни в чём не бывало, смотрел на экран. Куда ж это мне мозги-то повело, подумала Антонида, с чего мне всё это приоблазилось? Антонида устыдилась собственных галлюцинаций в отношении мужа и почувствовала себя виноватой перед ним.

— Алёша, можно я побуду с тобой, — жалобно сказала и обняла мужа. Тот заулыбался, глянул в глаза Антониде ласково и преданно. Она положила голову на плечо Алексея и вдруг услышала упругие, дробные удары в мягкую спинку дивана. Скосив глаза, увидела: крупный собачий хвост в лёгкую загогулину колотит, как бы от радости, по обивке дивана, и на ней остаются рыжеватые шерстинки. «Линияет...» — последнее, что подумала Антонида и хлопнулась в обморок.

Сначала Антонида пыталась разговаривать с Алексеем, надеясь остановить процесс.

— Я всегда изнутри был псом, — сообщил муж.

— Как это псом, я же влюбилась в тебя, замуж пошла, детей тебе родила! Никакого пса ты даже отдалённо не напоминал.

— Ну да, — ухмыльнулся Алексей, — я же старался тебе понравиться, на задних лапах перед тобой ходил.

— А почему же теперь не ходишь? — всхлинула Антонида.

— Ну, нельзя же всю жизнь на задних лапах проходить. Ты вот попробуй всю жизнь — на цыпочках...

На такой резон Антониде и не возразить было.

Дальнейшие разговоры на эту тему муж обрывал лаем. Как только заговорит Антонида об этом, Алексей — в лай. А потом стал лаять и по другим поводам.

Совсем прохудилась на веранде крыша. Антонида купила рубероид, Алексей покрыл половину крыши и забросил дело. Как только она напоминала ему о приближающихся вместе с осенью дождях — начинал лаять. При этом у него то уши собачьи прорастали ненадолго, то нос покрывался шерстью, а то и вся голова превращалась в псиную. Антонида пугалась и отступалась от него. Что делать с крышей, никак придумать не могла. Не просить же соседа чинить — при живом-то хозяине! В округе все знали Алексея как мужика с золотыми руками и большой силищей. У всех на виду Алексей когда-то один этот дом из разрухи поднял: и фундамент под него подвёл, и крышу сменил, и веранду пристроил, и много ещё чего. Соседи,

кажется, ещё не догадывались, что происходит с Алексеем.

Антонида весь этот ужас переживала вдвойне. Десятилетний Колька был свидетелем отцовских превращений, и, хотя его-то малолетство хранило от глубокого переживания происходящего, Антонида, как мать, не спасало ничто.

Она шла на работу. Сначала на одну, потом на другую — помимо основной, подрабатывала мытьём полов в двух магазинах и в подъезде жилого дома. Весь день таская с собой Кольку за руку, она чувствовала, что думает с ним об одном.

— Вообще-то, мам, я всегда мечтал о собаке. Как ты думаешь, папа когда-нибудь превратится в собаку насовсем? — высказался однажды Колька.

Антонида не сдержалась и заплакала.

«Насовсем» Алексей превращался в собаку довольно часто и собакой нравился ей больше, чем человеком. В собачьей ипостаси мужа проглядывала его бывшая человеческая сдержанность и дружелюбие. В человеческом же обличье и при частичных превращениях Алексей стал невыносим. Он чесался задней ногой, не снимая ботинка, добивался, чтобы вылизанные им тарелки и сковородки считались вымытыми, за стол с нею и Колькой садиться перестал, а издали, неотрывно и преданно глядя на людей, дожидаясь, когда Антонида поставит еду перед ним на пол. Колька порой забавлялся: служи! И Алексей, подмигивая сыну человеческим глазом, выхватывал подачку. Антонида впадала в истерику, Алексей начинал злобно рычать и скалить уже вполне собачьи клыки — он не выносил отрицательной эмоциональной реакции на своё поведение. А собакой ластился, лизал руки... Но однажды попытался обнюхать Антонида под подолом. «Прочь, прочь, пошёл вон», — закричала она не своим голосом, и пёс, поджав хвост, проворно выскользнул за калитку. Любопытно, что задвижку открыл быстро, вполне по-человечьи — передними лапами, встав на задние.

Быть женой полупса-получеловека невмоготу. Антонида тосковала и однажды излила тоску соседке Алле, рассказав всё. Алла была супругой бизнесмена. Новенький дом их гор-

деливо возвышался среди других, выросши, как гриб, за одно лето. Мужики-соседи проходили мимо, отвернувшись, потому как у себя дома отбивались от жён, ставивших им мужа Аллы в пример. Доказывали жёнам — никакой работой денег таких не заработаешь, только воровством. Зато женщины относились к новой соседской паре уважительно-подобострастно, сразу признав за ней первенство над всей улицей. И шли к Алле с любой нуждой — позвонить, денег занять, помочь похлопотать о чём-то, просили советов. Алла соседок привечала: ведь никакие железные решётки на окнах не спасут от грабителей, а вот хорошее отношение соседей ввиду такой опасности — дело совсем не лишнее.

Рассказ Антонида близился к концу, когда зашла Нина — позвонить с Алиного телефона. А Антонида остановиться не сумела, досказала свою историю при ней. И если глаза Аллы по мере рассказа становились всё более удивлёнными и испуганными, то Нина как будто не нашла в нём ничего удивительного.

— Ну и чего ты ревишь-то? * — строго сказала Антониде Нина. — Эко дело, пёс! Солидное существо, дом охранять станет. У меня вона — пятый год Васька пятак да хвост закорючкой отращиват, копыты, опять же. Да ещё хрюк-кат, как по пятаку-то хлопну газеткой или чем попало. Совсем превратится — куды его? На мясо, что ль? Никак нельзя, двои робят у нас, внуки.

— Женщины, вы с ума сошли, или разыгрываете меня?! — почти взвизгнула Алла. — Идите с Богом, думать надо было, за кого замуж выходите и от кого детей рожаете! И вообще перестаньте, всё это бред, бред!

— Дак вовсе не бред, Аль, — сказала Нина. — От винища всё. Сперва пьют-пьют, а под конец така мутация и выходит с имя. Ничё не понимают, ничё не делают, обыкновенный алкоголизм. Только раньше не превращались, а теперь превращаются. Вона смотри, спида раньше тоже не было, а ноне есть. Мало ли какого сраму нанесло, и это тож...

Алла меж тем уже поднялась с дивана, совладав с собой. Вежливо выпроваживая женщин, вышла с ними на крыльцо. Глаза её вдруг округлились, она смотрела в направлении дома Антонида. У калитки стоял Алексей и, глядя на пробежавшую мимо собаку, преобразался на глазах: встал на четвереньки, оброс шерстью, хвостом, завилал им и весело побежал за собакой...

— Ну вот и отдохнёшь от его теперь, — заявила Нина Антониде, — он за сучкой-то далеко убежит, может, с неделю его не будет, может, доле. Ты пока будку спроворь, он, может, больше в человечье обличье и не придёт, я об таком слыхала. Лучше б и не вертался, опосля того тебе с ним ещё хуже будет. Мне Ваську-то кастрировать пришлось, как он к соседской хрюшке в сарай зашёл. А твой не дастся — эко пёс какой громадный!.. ■

* ревишь — костромской диалект

► Рауль Мир-Хайдаров

Неизвестные факты из жизни ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ. 1911–1912 гг.

*... А жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок...*

Тукаевские дни, тукаевское столетие... Прекрасная традиция зародилась в новом Татарстане – собираться в день рождения великого поэта у его памятника. Там ежегодно объявляют имена лауреатов литературной премии имени Тукая, и этот день можно назвать Днем татарской литературы, Днем единения нашего народа в честь памяти нашего гения – народный праздник, иначе не скажешь!

Тукай был коммуникабельным человеком. Он часто становился центром событий общественной жизни. Он был ярким представителем татарской культуры для всего мира и других тюркоязычных народов России, олицетворяя ее искания в конце 19 века – пору расцвета татарского театра, литературы, журналистики.

Уже целое столетие историки и литературоведы процеживают его жизнь, его творчество через тончайшее сито, надеясь отыскать хотя бы одну его неизвестную строку или факты о неизвестных стародавних встречах поэта с друзьями, родственниками, коллегами, читателями. С каждым годом у тукаеведов открытий все меньше и меньше, жизнь

поэта изучена, если не по часам, то по дням точно.

Казалось бы, что мы уже все знаем о своем гении, но случаются в жизни и чудеса. Случаются, потому что Всевышний видит, что значит Тукай для татар. Хочу поделиться с вами, дорогие соплеменники, своим радостным открытием. Благодаря моим публикациям, я неожиданно оказался причастным к малоизвестному или неведомому многим факту из жизни незабвенного Тукая.

Начну издали. У меня с детства существует с Тукаем какая-то мистическая связь, наверное, оттого и пришли ко мне эти сведения. Хотя, казалось бы – где Казань, а где мой Мартук?

Я всегда аттестовал себя оренбургским татаринном. Мои родители и их предки во втором и третьем поколении были горожанами. Отсюда, от родителей, начинается и моя материальная связь с поэтом. Мартук находится в двухстах километрах от Оренбурга, города, где до революции преимущественно проживали мусульмане – татары, казахи, узбеки. Во время революции и Гражданской войны, особо жестоко

прокатившейся по Оренбуржью и больно коснувшейся даже нашего Мартука (в поселке есть мемориалы и памятники жертвам Гражданской войны), многие татары из Оренбурга бежали от репрессий и конфискации в Казахстан. Вся история татарской миграции с XVI века свидетельствует о том, что они всегда стремились туда, где был единый по вере народ, оттого и спаслись.

В нашей семье из достойного упоминания имущества, которое удалось сохранить от всех экспроприаций, остался лишь только большой, заводского производства, сундук красного сандалового дерева, весь окованный блестящими медными пластинами с вкрапленными в них разноцветными камнями. Думаю, что когда-то его мои предки привезли из Персии или Аравии. Сундук закрывался на медный, очень красивый ключ. Когда его открывали, пахло сандалом и звучала какая-то короткая восточная мелодия. Волшебный сундук! Внутри в торцах у него были глубокие узкие отделения, где хранились документы, какие-то украшения мамы, ордена отчима и фотографии-дагерротипы наших

На этой фотографии в нижнем ряду слева Амина апай сидит с внучкой Гулькай на коленях, рядом с ней справа Майнур апай, а над ней стоит Барый абый Шакиров – родоначальник этого большого рода. Справа в сером макинтоше стоит ридикюлем в руке ее старшая дочь Марзия, она очень похожа на мать. Все остальные на снимке связаны с Аминой апай только через замужество ее дочерей. 1957 г. Мартук.

родственников по материнской и отцовской линии, были фотографии родственников и моего отчима, он тоже родом из Оренбурга. Все снимки – семейные, и лишь на одном из них был изображен молодой человек с выразительными глазами и тонкими чертами лица. Много позже я узнал, что это – Тукай.

В конце 80-х, когда я стал печататься в «Казан утлары» (литературный журнал «Огни Казани» – прим. ред.), снимок Тукая я передал Равилу Файзуллину (Народный поэт Татарстана, советник генерального директора АО «ТАТМЕДИА». В 1989–2013 гг. – главный редактор «Казан утлары» – прим. ред.) и посоветовал ему собирать ретро-фотографии. Сегодня в архиве журнала собралась бесценная коллекция фотографий – история нашего народа в лицах. Я

рад, что имею отношение к этому собранию.

110-летие Тукая отмечали в Москве в Доме писателей, к тому времени уже было открыто Представительство Татарстана в столице. За день до мероприятия мне позвонил первый Полпред Татарстана в Москве Фарид Мубаракшевич Мухаметшин и спросил: «Как нам найти для сцены в ЦДЛ хороший портрет Тукая?» Я ответил: «В Москве живут сотни татарских художников, половина из них преклонного возраста и, наверняка, они чтят Тукая. Возможно, у них есть». Полпред горестно посетовал – обзвонили всех, нет ни у кого. И тогда я признался, что у меня, бесквартирного, живущего уже шесть лет в Перedelкино в Доме творчества, на стене висит портрет Тукая. И я отдал его. По окончании торжеств высокие

гости, прибывшие из Казани, попросили меня подарить Музею Тукая этот портрет – я и подарил. Портрет написал Шакир Закиров. Позже я заказал ему еще три портрета по тому фото, которое сохранилось в нашей семье. Эти портреты я подарил журналу «Казан утлары» и СП Татарстана, там они находятся и сейчас. Вот такие давние, уже не мистические связи у меня с Тукаем.

Теперь два слова о Мартуке – оттуда дорога ведет к неизвестной странице из жизни Тукая.

В 90-х годах я печатал в «Казан утлары» повесть, где упоминался Мартук. Неожиданно я получил большое письмо от хорошо образованной 80-летней женщины из Казани. Она читала журнал и увидела там упоминание о Мартуке. Оказалось, что до войны там отбывал ссылку ее

Нижний ряд: слева Амина апай, внук Марат и его мама Фаузия. Вверху справа стоит дочь Амины апай Марзия, слева – Ильсия, племянница из Ташкента. Обе дочери Амины апай похоронены на кладбище села Купербаш.

дед, духовное лицо, теолог, имевший опубликованные труды и некогда читавший лекции в исламских центрах Бухары и Самарканда. Оказывается, в молодости у них дома в Казани наш Мартук звучал, как Мекка – туда они писали письма раз в месяц, раз в год имели право отправить посылку, раз в два года – навестить своего родственника. Безумно жесточайшие годы! Это письмо я передал в «Казан утлары». Была еще жива моя мама, и я пытался отыскать его следы. Но, увы, время стирает следы даже таких достойных людей. Но он все же остался в памяти старшего поколения мартучан. Они слышали, что был в 30-х годах такой набожный человек в поселке, читал книги на арабском языке и жил тем, что отпевал умерших – жил от поминок до поминок. Наверное, оттого, что он у нас жил, в Мартуке всегда были грамотные муллы. Их всегда приглашали в соседние поселки и даже в Актюбинск и Ак-Булак.

Почему я о нем пишу? Потому что уж он-то точно знал женщину, по имени Амина, о которой ниже пойдет речь, которая волею судьбы в те же годы оказалась в моем Мартуке. Два просвещенных человека из Казани не могли не встретиться в

крошечном посёлке хотя бы на чьих-то похоронах.

В интернете на Facebook у меня есть страничка, где помещен рассказ «Станция моего детства». И вдруг мне, опять же из-за упоминания о Мартуке, приходит письмо, которое, наверное, будет интересно всем татарам, – оно касается личной жизни Тукая. Привожу письмо без комментариев – точнее и яснее, чем там, не скажешь. Письмо проверено, перепроверено, проанализировано, нашлись и фотографии людей, о ком идет речь, и даже их могилы. Есть одна неверная деталь о кумысе – Тукай приезжал в Купербаш на козье молоко.

Рамиль Шерланов:

Эту удивительную историю рассказала мне моя бабушка (по маминской линии).

Случилось это приблизительно в 1912 году. Жили они тогда в деревне Купербаш Арского уезда Казанской губернии. Отец (мой прадед) был зажиточным крестьянином, мать (моя прабабушка) – домохозяйкой. Прадед был набожным, добропорядочным и образованным, строгим, но справедливым человеком. Наверное, поэтому был избран старостой деревни. У бабушки была старшая сестра,

которую звали Амина. Она была очень красивой, скромной и трудолюбивой восемнадцатилетней девушкой. Амина всегда помогала маме по хозяйству. В эту деревню часто приезжал из Казани известный татарский поэт Габдулла Тукай. У него была чахотка (туберкулёз лёгких) и последние годы жизни по рекомендации врачей он лечился кумысом в Казахстане, а затем Татарстане. Кумыс кобылиц, которых содержал мой прадед, был самым лучшим в Казанской губернии. Амина всякий раз подавала Габдулле Тукаю чашу со свежим кумысом. Он пил кумыс, долго говорил с ней, при этом очень пристально смотрел на неё и, уходя, всегда благодарил её. Поэт тогда был очень бледен и худ, но черты его лица оставались тонкими, красивыми. Он был достаточно прилично одет: на нём были тёмный сюртук, костюм с жилеткой и тюбетейка.

Поэт производил впечатление весьма аккуратного и скромного человека. Он был образован, умён, интересен. Они полюбили друг друга с первого

взгляда. Дело дошло до того, что однажды Габдулла Тукай попросил её руки у моего прадеда. Но прадед отказал ему: мол, за неустроенного человека дочь не отдаст (к сожалению, отношение к поэтам в то время было таким же, как и к артистам).

В 1913 году в возрасте 27 лет Габдулла Тукай, так и не устроив свою семейную жизнь, умирает в нищете от чахотки. А Амина после революции выходит замуж за красноармейца Багаутдинова и уезжает с ним в г. Мартук Актюбинской области Казахстана, где рождает ему двух дочерей. Сейчас в г. Мартуке живут её внуки, правнуки и праправнуки. Амина до конца своей жизни не забывала свою первую любовь Габдулла Тукая, читала и перечитывала его стихотворения и тихо плакала. Моя бабушка говорила мне, что у Габдуллы Тукая есть стихотворение (названия не помню), которое поэт посвятил Амине.

Сейчас я живу в Нукусе (Каракалпакстане, Узбекистане). Фамилия Амины-опай (по мужу) и её двух дочерей (Фауззия-опай, Марзия-опай) – Багаутдиновы. Остались у Амины-опай внук Марат и внучка Гулькай. Они живут в Мартуке, внук Рустам и правнуки (насколько я знаю от своей тётки) переехали на родину Амины-опай и живут в г. Арске Казанской области. Фотографии Амины-опай у меня нет. Были у моей тётки (я их видел), но она (абыстай – женский мulla) их сожгла (по мусульманским традициям нельзя хранить фото (лики) умерших родственников). Спрошу у жены моего дяди, может, и сохранились у неё. У меня фотография есть

моей бабушки (младшей сестрёнки Амины-опай). Но, я думаю, в Мартуке у внуков есть фотографии самой Амины-опай и её дочерей.

Я являюсь внучатым племянником Амины-опай. Кстати, муфтий Усман Хазрет Исхаки – троюродный братишка моей мамы Самигуллиной Раисы Хисматуллаевны, а муфтий Талгат Тазеддин – её зять (женат на троюродной сестрёнке мамы). Мать Усмана-обый (поэтесса Рашида-опай) и тётка Талгата-обый (Салима-опай) – двоюродные сестрёнки моего дедушки Хисматуллы Самигулина. Их, сирот, воспитал старший брат моего деда мulla Захри-обый Самигуллин.

Сведения из метрики моей бабушки Хабибуллиной Гильминисы: Девичья фамилия Амины-опай – Хабибуллина (по-моему, после замужества она взяла фамилию своего мужа Багаутдинова). Ф.И.О. её отца (моего прадеда) – Давлетшин Хабибулла, Ф.И.О. её матери (моей прабабушки) – Галиуллина Махубзямал. После Октябрьской революции прадед был раскулачен, в 1918 году красноармейцы хотели его расстрелять (у них был мандат на его расстрел), вывели его в лес, зачитали приговор и уже хотели привести его в исполнение, но

крестьяне деревни Купербаш встали рядом с ним: мол, убейте и нас, коль убиваете нашего кормильца. Прадеда не расстреляли. Забрали всё и оставили его многодетную семью (у него было 10 детей) голодать. После чего деревня, не зная голода, познала ГОЛОД.

Получив письмо от Р. Шерланова, в начале мая я отправился в Мартук, в надежде отыскать там следы возлюбленной Г. Тукая. И мне это, как ни удивительно, удалось.

29 мая – 13 июня 2018 г.

Оказывается, тайна Тукая жила со мною рядом с первых шагов моей жизни в Мартуке. Я думаю, что появление Амины апай и Хайруллы абый в 1937 году в Мартуке было несчастливым, ведь они оба были детьми весьма состоятельных родителей, а, значит, и детьми «врагов народа», и карающая рука власти, останься они в Мендюше, могла дотянуться и до них. Выходит, мой Мартук для этой семьи стал прибежищем от бед, за это спасибо Всевышнему.

Могилы Амины апай и её мужа Хайруллы абый Багаутдинова нашлись. Амина апай после Татарстана всю жизнь прожила в Мартуке и

Внизу слева – Марзия, в середине Марат, справа – Фауззия. Вверху – племянницы из Ташкента.

Слева внизу стоит Фаузия (12 лет), сидит Хайрулла Багаутдинов – муж Амины апай (48 лет), рядом Амина апай (44 года) и племянник Камиль (7 лет). На заднем плане стоит Майнур апай (46 лет). 1939 г.

захоронена под девичьей фамилией – Хабибуллина. Этот факт косвенно подтверждает версию об её встречах с Габдуллой Тукаем. Уверен, что она хотела сохранить фамилию для нас, потомков. Этим, а также памятью и воспоминаниями о нем, она всю жизнь связывала себя с Тукаем. Так, наверное, поступила бы любая женщина, на которую пал выбор гения. Я, без сомнения, много раз видел Амину апай и Хайруллу абый с раннего детства, в дни мусульманских праздников получал из её рук, которых касался Тукай, угощения: или беляш, или румяную плюшечку, или кусок пирога с красным творогом, а иногда и копеечку на кино.

Брат Амины апай, Нурулла Хабибуллин, был женат с 1909 года на Бибисабире, дочери преуспевающего торгового человека из Мендюша по фамилии Багаутдинов. Но у Багаутдинова, кроме дочери, был ещё и сын Хайрулла, который так же, как и Тукай, был влюблён в Амину. Видимо, у отца Амины, в связи с родством с семьей Багаутдиновых

через сына, имелись какие-то тайные устные договоренности насчёт сватовства Амины и Хайруллы, но ни Тукай, ни Амина не могли знать об этом. И отказ Тукаю в сватовстве мог произойти и по этой причине. Могила брата Амины Нуруллы находится рядом с могилами дочерей Амины апай: Марзии и Фаузии в Купербаше. Как тесно связаны судьбы названных здесь людей с аулом Купербаш, где много раз бывал Тукай!!

Я беседовал с внучкой Амины апай Гулькай, которая ныне живет на Алтае, но она мало что знает, не в пример Рамилю Шерланову из Нукуса, с которого и начались мои поиски оставшихся на земле следов Амины апай, от которой тянулся очень ясный и глубокий след к Тукаю. Шерланову я очень благодарен за его твёрдую убежденность в том, что Тукай связывали личные отношения с Аминой Хабибуллиной, он же обозначил мне четкие места пребывания Амины и Тукай в 1911–1912 годах. В моих поисках стало ясно, что старинный татарский аул Купербаш не был

местом случайного пребывания Тукай, его туда тянуло, там он работал, лечился, и там жила Амина, он даже ненадолго снимал комнаты, чтобы чаще видеть девушку.

Выяснилось, что в Купербаше козье молоко на продажу предлагали не одни Хабибуллины, имелось оно и в соседних аулах, более близких к Казани. Теперь понятно, почему поэту молоко у Хабибуллиных казалось слаще и целебнее всего.

Я помню Амину апай, вижу ее сквозь время, в ней я чувствовал природное благородство, аристократизм, такт, у неё была не мартукская речь, поведение, бытовые привычки, которые передались ее дочерям. Их, Марзию и Фаузию, я помню молодыми, они имели присущую Амине-апай самостоятельность не только в поведении, но и суждениях. Повторюсь, мы жили кучно, на мартукской Татарке, а Марзия апай была каким-то начальником на предприятии, где работал мой отчим Исмагиль абый, и бывала у нас дома не раз. То же самое я могу сказать о ее сестре

Амина апай со старшей дочерью Марзией.

Фаузии. Удивитесь, как глубоко жила в сестрах тяга к Татарстану, родным местам матери, они бывали там часто и всегда возили на родину Амину апай. Сестры при жизни ухаживали за могилами своих родственников в Купербаше.

Конечно, сестры знали тайну матери, но узнали поздно, время было жестокое, немногословное, разговоры о своих родителях, об их статусе в буржуазном обществе, о высоких отношениях с поэтом из царского прошлого в то суровое время могли обернуться бедой. Они, как люди образованные и много повидавшие, знали и видели грустные примеры судеб людей не из рабочекрестьянской среды – в Мартуке мне все дни вспоминалась судьба великого Амирхана Еники.

Только закончился 37-й год, оставивший печальный след в судьбах людей на долгие годы, острая фаза которого длилась до самой войны, когда они неожиданно с детьми прибыли в Мартук, где у них была родственница – Майнур апай, сестра

Хайруллы, мужа Амины апай. С 1917 года произошел разлом всей жизни России – в центре и на окраинах. Распад Империи завершился невиданным голодом в Поволжье в 20-х годах, коснувшимся особенно жестоко Татарстана и Башкирии, и дальше гибельно шагнувшим в Казахстан. Семья Амины и Хайруллы, созданная в 1919 году, в селе Мендюш, в имении Багаутдиновых, попала в водоворот истории. Классовую ненависть они, как «враги народа», ощутили на себе так, что их правнуки помнят об этом до сих пор. Они потеряли капиталы родителей, собственность, землю, социальное положение, надежды на будущее. Их семья попала в наш нищий Мартук, который оставался нищим – без света и без работы – до 1960 года, только тогда появились первые плоды освоения целинных земель в Казахстане. Тогда же в Мартуке появилось и электричество – в 1959 году. В те годы у нас в Мартуке, кроме милиции, был и уполномоченный НКВД, а впереди маячили

годы с продолжением репрессий, а потом война, да и послевоенные годы были не слаще. Какие тут могли быть разговоры о Тукае, о времени, когда они жили в достатке и были счастливы?! Такие беседы были бы губительны для молодых, да и в татарских традициях тех лет девушки не уведомляли о своих чувствах и личной жизни весь свет. И Тукай вряд ли кому признавался в своем неудачном сватовстве, хотя он чувствовал, как поэт, как мужчина, что он желанен этой девушке, и сердца их бьются в такт. Гордость тукаевская, гордость татарская известна.

Встречи Амины апай с Тукаем, беседы с ним, его подарки и внимание, сердечные признания – это дар Всевышнего ей на всю оставшуюся жизнь. Только эти, навсегда запечатленные в ее сердце воспоминания, дали Амине-апай силы выжить, вырастить детей, дать им образование и возможность приезжать с ними в Купербаш, посещать могилы близких и вспоминать только одно счастливое лето 1912 года, когда ее сердце

Внизу справа сидит Амина апай. Вверху слева стоят: внучка Гулькай, муж Фаузии Адигам Ахмеджанов, дочь Фаузия, внук Марат. 1960 г. Мартук.

было наполнено Тукаем, его поэзией и любовью.

В то сложное переломное время, длившееся почти тридцать лет, мало у кого была путеводная звезда в кромешном мраке революций, войн, преследования людей не только по идеологическим убеждениям, но и по социальному и имущественному статусу. А у Амины был Тукай. У нее не было желания делиться заветными воспоминаниями ни с кем, она жила с ними в обнимку всю жизнь, отсюда она и черпала силы, чтобы выжить, поднять детей. Только семье она открыла какие-то сведения уже в конце 60-х. Но подробности жизни знали только ее дочери. «Да будет благословенно его имя», – говорила она часто своим дочерям, с которыми была в редкой духовной близости.

Слава Аллаху, что Амина и Хайрулла вообще смогли сохранить жизнь и продолжили род Хабибуллиных и Багаутдиновых. Сегодня мы видим их многочисленный род, разбросанный на всем постсоветском пространстве. И все они, как один, оказались достойными людьми. Они живут в Ташкенте, Нукусе, Ашхабаде, Алматы, Чимкенте, Петербурге, Арске, Алтае, Уфе, Мартуке, Актюбинске.

Сегодня запоздало вспомнилось, что дочь Амины апай Марзия очень нравилась моему дяде Рашиду, младшему брату моей матери, о нем у меня много страниц в романе «Ранняя печаль», но что-то у них не срослось. Жаль, а ведь я мог бы стать родственником Амины апай... Вот в какое кольцо может иногда сворачиваться жизнь. И не случайно не к кому-нибудь, а именно ко мне, пришла весть из счастливых дней для Амины апай лета 1912 года. И это уже не мистика, это и моя судьба, связавшая меня с

детства с фотографией Тукая из нашего волшебного сундука сандалового дерева.

Единственным близким родственником Амины апай в Мартуке остался ее внук – Марат Ахмеджанов, 1951 года рождения, он присутствует на многих фотографиях. Марат не только подтвердил написанное Рамилем Шерлановым, но и многое добавил, уточнил, ведь он вырос на руках Амины апай, своей бабушки.

Вот его дополнения: Амина апай родилась в 1895 году – умерла в 1976. На момент встречи с Тукаем ей было 17 лет. Родилась и жила она в ауле Купербаш, приезжал туда Тукай на козье молоко. Приезжал Тукай туда много раз в 1911-1912 годах, потому что в ту пору он жил неподалеку от ее села, эти адреса биографам поэта известны.

Тукай подарил юной Амине свою фотографию и две свои книги – одна поэтическая, другая – иллюстрированная сказка «Шурале». Марат в детстве видел и фото Тукая и держал в руках его книги, прижизненно изданные. Бабушка читала ему «Шурале» и стихи Тукая. Видел Марат и фотографию бабушки в юном возрасте – она была выше среднего роста, статная, белолицая красавица, порода в ней чувствовалась и в преклонном возрасте. В Арске и в Мартуке нашлись и новые фотографии Амины апай.

В Мендюше у Амины апай родились две дочери – Марзия (1922 г.) и Фаузия (1926 г.). В Мартуке родился и сын Вагит, 1938 года рождения, он есть на фотографии 1939 года. Вагит умер в возрасте четырех лет и похоронен в Мартуке. Обе дочери лицом и статью пошли в мать: красивые, видные, это очевидно по многочисленным фотографиям. Обе, по тем временам, одевались стильно, это я хорошо запомнил в юности. Потому,

Камень на могиле Амины апай Хабибуллиной.
17 мая 2018 г.

что Амина апай прекрасно кроила и шила, у нее была швейная машинка, которую семья берегла как зеницу ока. Эта машинка и кормила их в Мартуке с 1937 года. Шила Амина апай и для мужчин, и для женщин, шила новое и перелицовывала старые довоенные вещи – пальто, костюмы, брюки. Оттого ее знал весь Мартук, ее любили за трудолюбие, за безотказность, вкус, за бескорыстие. Шила она и в долг, и за продукты. Такой несгибаемой, работающей была в жизни возлюбленная Тукая.

Дочери Амины апай, всю жизнь проработавшие в Мартуке, на исходе жизни вернулись туда, где начиналась жизнь их матери, которую они любили безоглядно – в Купербаш, и обе похоронены на сельском кладбище.

В Арске, по улице Красная слобода, д.50 живёт младший сын Фаузии – Рустам Ахмеджанов, 1964 года рождения, хирург по профессии. Рустам тоже многое добавил в историю своей бабушки. Он обошел в Купербаше и Мендюше всех старожилов, дальних родственников Амины апай и Хайруллы абый, нашел фотографии. Главное, в долгих беседах на

родине бабушки он услышал отголосок тех давних событий, которые интересуют нас, а именно о том, что

Тукай приезжал в Купербаш не только из-за козьего молока, а потому, что был влюблен в красавицу Амину и имел на нее виды.

Старожилы говорили, что в нее невозможно было не влюбиться – столь хороша, умна, воспитана она была. В Арске, у Рустама проживает и его отец, 96-летний Адигам абый Ахмеджанов, фронтовик, первый зять Амины апай. Адигам абый потерял на войне руку, после войны закончил кооперативный техникум и всю жизнь проработал в Мартуке в райпотребсоюзе бухгалтером. Адигам-абы остался у меня в памяти с детства, они жили на нашей улице, он знал мою маму, её сестёр, моего отца, с которым вместе ушли на фронт. Очень авторитетный в Мартуке был человек. В 90-х годах прошлого века я часто принимал Адигама абый и его друзей, татарских и казахских аксакалов, в Мартуке, в доме своего брата, об этих встречах остались фотографии.

Я написал много остросюжетных политических романов, основанных на реальных фактах. Настолько реальных, что за первый роман «Пешие прогулки» на меня было совершено тяжелое покушение, я пробыл 28 дней в реанимации и остался инвалидом 2 группы. Тем, кто умеет сопоставлять факты, изучать документы, думать логически, удается восстановить все до мельчайших деталей. К чему я это пишу? Потому что у меня есть опыт восстановления событий, тем более я имею подробное письмо Рамиля Шерланова из Нукуса. Он представляет род Самигуллиных-Хабибуллиных, к которому

принадлежала наша героиня Амина ханум. Ее жизнь прослежена мною с 1912 года, когда она, по воле Аллаха, встретила с Г. Тукаем, до ее последних дней в Мартуке по 1976 год. Я представляю вам историю ее жизни, фотографию ее могилы и другие фотографии и свидетельства ее родственников по линии Хабибуллиных и Багаутдиновых.

Амина апай прожила 81 год. Я обошел огромное мусульманское кладбище в Мартуке. По надгробным камням я понял, что людей, родившихся, как Амина апай, в 1895 году и даже в начале 19 века, и проживших так же долго, как она – просто нет. К 1976 году, когда она умерла, из ее поколения до 60 лет дожили всего... три местных казаха. Отмечая столь феноменальный для того времени возраст Амины апай, я думаю о высочайшей милости Всевышнего к ее судьбе: встретиться с Тукаем, прожить столь трудную жизнь в невыносимо жестокое время, выпавшее ей с юных лет, и при этом поднять детей, внуков и оставить после себя многочисленный и достойный уважения род.

Семья Рустама Ахмеджанова из Арска, внука Амины апай.

Рамиль Шерланов

Получив письмо Рамиля Шерланова, я тут же без согласований-указаний поехал в Мартук и Актюбинск. Путь не близкий – полтора суток в дороге! Там я встретился со множеством людей, наговорил много часов по телефону со многими родственниками Амины апай, живущими сейчас в разных концах постсоветского пространства. И все эти люди, даже потерявшие связь друг с другом и редко общающиеся между собой, помнили об этой истории или что-то слышали об Амине и Тукае. В разговорах с ними я не ощутил никакого сговора между ними, желания утвердиться за счет истории, связанной с Тукаем. Такую трагическую историю столько людей сочинить и придумать не могли – не те люди, врать не будут. Спасибо им за то, что они помнят историю своей семьи, любят и чтят свой род, своих предков. Сомневающиеся, скептики и заинтересованные в иной трактовке жизненного пути Тукае могут обратиться ко мне, и я передам им телефоны потомков Багаутдиновых – Хабибуллиных. К этому тексту прилагаю фотографии и ожидаю поступления новых, среди которых надеюсь увидеть снимок юной Амины – такой, какой увидел ее Тукай в 1912 году.

У меня есть и другой, не книжный, опыт отслеживания судеб людей. Я провел большую работу с биографическими материалами и написал эссе о жизни одного из выдающихся в мировом культурном пространстве

художника и скульптора Чингиза Ахмарова. Его я лично знал с 1971 года. Меня так тронула его судьба, что я поехал в Троицк, где прошло его детство. Кстати, и Тукай бывал там. Став художником, Чингиз-абы, иллюстрировал книги Тукая.

Мое эссе явилось открытием для многих в Казани, хотя Чингиз Ахмаров с 1956 по 1958 г. оформлял казанский оперный театр. Статья получила столь широкий резонанс, что Всемирный конгресс татар попросил журнал «Мирас» перевести ее на татарский язык, и этот номер журнала вручали всем участникам съезда. Это эссе «Чингиз Ахмаров» можно найти на моем сайте: www.mraul.ru.

Осталась непроверенной часть биографии рода Багаутдиновых. Я не стал делать это сознательно. Я доверяю всему тому, о чем так искренно и эмоционально написал мне доктор Рамиль Шерланов. Перечитайте письмо Р. Шерланова, где подробно указана его родня. Со стороны Багаутдиновых в Уфе живет достойный представитель этого рода – муфтий Талгат Тажутдин. А в Казани ныне живут и работают Самигуллины – внуки муллы Загретдина Самигуллина – духовные лидеры современного Татарстана, и другие достойные имена. Все они представляют род Багаутдиновых. А сам Загретдин Самигуллин – дед Рамиля Шерланова.

Очень рад, что благодаря своему рассказу «Станция моего детства» о Мартуке, я открыл неизвестные страницы из жизни величайшего татарского поэта, основоположника современной татарской литературы.

Воистину, пути Аллаха неисповедимы. Думаю, что только ради обнародования этой печальной истории, связанной с Тукаем, мне стоило стать писателем, чтобы через 106 лет донести эти неизвестные факты из его жизни татарскому народу.

PS. Пользуясь случаем, хочу подсказать татарским литературоведам, чиновникам от литературы и искусства, что в Актюбинске более 60 лет есть улица Героя Советского Союза Кутуева. В Актюбинске по сей день живет сын Героя – Ринат, мой ровесник, в юности мы тренировались у одного тренера по боксу, он упомянут в нескольких моих рассказах. В 60-х годах, когда я ещё не бывал в Казани, он рассказывал мне, что часто гостил там у своего двоюродного брата Рустэма Кутуя и его матери. Кстати, ещё о улицах в Актюбе. Там всегда были улицы Тукая и Мусы Джалиля. Первая улица Актюбинска, основанная более 150 лет назад, появилась на горе, рядом с мечетью, местечко это ещё тогда называли Татаркой, там со дня основания Актюбинска кучно селились татары. Факт о том, что первая улица города появилась на Татарке отмечен в биографии города, и улица Кутуева находится там.

В Актюбинской области жили многие сподвижники Мусы Джалиля, после его реабилитации они время от времени печатали свои воспоминания в газетах, с ними организовывали встречи в школах, вузах. Кстати, родина Мусы Джалиля от Мартука всего в двухстах километрах. В Мартуке в 60-х я ещё встречал людей, лично знавших его.

В Казахстане и Средней Азии хранятся ещё много татарских тайн и забытых достойных имён. Поздравляю всех татар – найдена могила возлюбленной Тукая!

Рауль Мир-Хайдаров с внуком Амины апай Маратом Ахмеджановым. Мартук, май 2018 г.

Немилосердная судьба, злой рок не позволили им соединиться, а какая бы получилась красивая семья, и мы бы могли увидеть продолжение рода нашего великого поэта. Воистину, трагическая судьба, трагичнее не придумаешь. Не сбылось ни у них, ни у нас.

Но помните, знайте – история и открытия истории никогда, ни при нас, ни без нас, не заканчиваются.

И вновь совсем свежая, неожиданная связь с поэтом. В Москве 10 июня ко мне обратился профессор Гамер Баутдинов с просьбой помочь отыскать в Лондоне перевод стихотворения Г. Тукая «Парат», сделанное англичанами в 1914 г., и статью профессора Вильямса «Российские мусульмане» в американском журнале «The Russian Review». Затем я получил письмо 12 июня из Казани из Музея поэта с этой же просьбой. Мне удалось найти и эти документы столетней давности.

20 апреля 2018 г.

Перепечатка этого текста полностью или части его возможна только с письменного разрешения автора. Авторские права защищены законом, с вытекающими из него последствиями. ■

ИДЕАЛЬНЫЙ ЛИТРЕДАКТОР

ГАЛИНА БУЛАТОВА появилась в нашей редакции в 2018 году по приглашению авторитетного «иделевца» Галины Зайнуллиной и сразу взяла на себя нелегкий труд перелопачивать большие объемы прозаических и поэтических текстов, которые самотеком приходят в редакцию, чтобы подготовить их к публикации. Галина Ивановна, как сказочная Царевна, которая за ночь и полотно соткет, и кафтан из него соорудит, и самый лучший хлеб приготовит – ей под силу любые объемы и жанры. К авторскому слову наш идеальный литредактор относится бережно, с пониманием ранимой природы людей литературного труда, а главное – после ее обработки тексты только выигрывают.

Дочка врачей, внучка учителей, правнучка военного (в начале прошлого века прадед служил на казанском артиллерийском складе). В школе мечтала стать океанологом или фотографом, а выучилась на специалиста по хлебопечению и библиографа. Работала в детской и школьной библиотеках.

Но случалось быть хлебопеком, слесарем механосборочных работ, археологом, работником теплицы на розах, продавцом книг, консультантом в часовом центре и даже рабочим на пивзаводе в лимонадном цехе (в студенческие годы).

Первый редакторский опыт получила, когда в третьем классе издавала свой рукописный журнал «Самоцветы», для которого сама сочиняла сказки, рисовала картинки и придумывала загадки. С тех пор – редактор-составитель свыше двадцати изданий. Среди них, например, записанная по рассказам мамы Нины Булатовой книга «Записки сельского доктора» (2012); книга деда Петра Булатова «Письма из Валков» (2015), составленная из его рассказов и реальных писем с любопытными фактами жизни и быта 60–80-х годов прошлого века; книга «Аве Марина» со стихами русских поэтов, посвященных Марине Цветаевой (2018); разнообразные коллективные сборники поэзии и прозы, сетевая антология любимой поэзии «Библиолит»...

Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня», вышедшей в Татарском книжном издательстве в 2017 году. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в том числе и перевода.

Номер, который вы держите в руках, по большей части собран литературным редактором. А публицистика только дополнила эти с любовью

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО:

делай, что делаешь, и будь, что будет.

Благодарим своих подписчиков, которых за эти полгода стало вдвое больше!

Мы в соцсетях:

Подпишись на наш Телеграм-канал https://t.me/idel_rus – только литература.

